

ISSN 2227-1171 (Print)

Том 11, № 1. 2020

Сквозной номер – 39

ISSN 2542-1247 (Online)

Vol. 11, No. 1. 2020

Continuous issue – 39

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель:
Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
420108, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Магистральная, 35

Редакционно-издательское отделение:
420059, г. Казань,
ул. Оренбургский тракт, 128

Выходит с 2010 года ежеквартально

Наш индекс в объединенном каталоге
"Пресса России" – 84683

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций 29 июня 2012 г.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание
ученых степеней доктора и кандидата наук
(12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и государстве;
12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный
процесс; муниципальное право;
12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-
исполнительное право;
12.00.09 – Уголовный процесс;
12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная деятельность;
12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность)

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (e-library)
Журнал включен в Ulrich's Periodicals Directory
Журнал включен в электронный периодический справочник
«Система ГАРАНТ»

Журнал распространяется только по подписке

Academic Journal

Founder and publisher:
the Kazan Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
35, Magistralnaya, Kazan
420108, The Republic of Tatarstan, Russia

Editorial-and-publishing office:
128, Orenburgskii trakt
420059, Kazan

The Journal is being published since 2010 each quarter

Our index in the combined catalog
"Pressa Rossii" – 84683

The Journal is registered in Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass
Communications
June, 29, 2012.

Identification Number PI No. FS 77-50418

The Journal is included in the Catalogue of the leading peer-
reviewed journals, in which should be published basic academic
results of degree dissertations
(12.00.01 Theory and history of law and state; history of theory
of law and state,
12.00.02 Constitutional law; constitutional trial; municipal law,
12.00.08 Criminal law and criminology; criminal and penal law,
12.00.09 Criminal proceedings,
12.00.11 Judicial work, prosecutorial activity, human rights
and law enforcement activity,
12.00.12 Criminalistics; forensics; investigation activity)

The Journal is included in the Russian
Science Citation System (e-library)

The Journal is included in the Ulrich's Periodicals Directory
The Journal is included in the electronic periodical
"Sistema GARANT"

The Journal is available only on a subscription basis

e-mail: vestnikkui@mail.ru

<http://www.vestnikkui.ru>

Редакционный совет

- Андреев Максим Валентинович** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин (Казань, КЮИ МВД России). ORCID: 0000-0002-3749-7669
- Балахонский Виталий Витальевич** – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-3098-2802
- Безверхов Артур Геннадьевич** – доктор юридических наук, профессор (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)
- Варыгин Александр Николаевич** – доктор юридических наук, профессор (Саратов, СГЮА)
- Воронин Михаил Юрьевич** – доктор юридических наук, профессор (Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета)
- Гишинский Яков Ильич** – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена)
- Готчина Лариса Владимировна** – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-4477-6559
- Демидов Виктор Николаевич** – доктор юридических наук, профессор (Управление министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан)
- Дубровин Сергей Викторович** – доктор юридических наук, профессор (Москва, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя)
- Егорышев Сергей Васильевич** – доктор социологических наук, профессор (Уфа, ВЭГУ). ORCID: 0000-0003-0930-7482
- Мезяев Александр Борисович** – доктор юридических наук, профессор (Казань, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-5318-3029
- Нигматуллин Ришат Вахидович** – доктор юридических наук, профессор (Уфа, БашГУ). ORCID: 0000-0001-6350-1775
- Павличенко Николай Владимирович** – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России). ORCID: 0000-0001-7889-4743
- Степаненко Равия Фаритовна** – доктор юридических наук, профессор (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Редакционная коллегия

- Председатель – доктор педагогических наук, доцент **Зиннуров Фоат Канафиевич**, начальник КЮИ МВД России. ORCID: 0000-0002-5062-9160
- Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент **Миронов Сергей Николаевич**, заместитель начальника КЮИ МВД России (по научной работе) ORCID: 0000-0003-1532-9258
- Члены редакционной коллегии:
- Алиулов Рашид Рахимулович** – доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД КЮИ МВД России
- Гарафутдинов Марат Рафикович** – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника КЮИ МВД России (по учебной работе)
- Казанцев Сергей Яковлевич** – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики КЮИ МВД России
- Комлев Юрий Юрьевич** – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии КЮИ МВД России
- Хрусталева Ольга Николаевна** – кандидат педагогических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отделения КЮИ МВД России. ORCID: 0000-0002-0275-5373
- Шайдулина Эльвира Дамировна** – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса КЮИ МВД России
- Шалагин Антон Евгеньевич** – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права КЮИ МВД России

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.
Чтобы увидеть копию этой лицензии, посетите
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

Editorial Board

Maksim Valentinovich Andreev, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Associate Professor, Professor of State and Legal Disciplines (Kazan, the Kazan Law Institute of MIA of Russia). ORCID: 0000-0002-3749-7669

Vitalii Vital'evich Balahonsky, Doctor of Philosophy (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Artur Gennad'evich Bezverhov, Doctor of Laws (Doctor habilitatus) Professor (Samara, Samara State Aerospace University named after S.P. Koroljov)

Aleksandr Nikolaevich Varyigin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Saratov, Saratov State Justice Academy)

Mikhail Yurievich Voronin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor of Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Yakov Il'ich Gilinskiy, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia)

Larisa Vladimirovna Gotchina, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Victor Nikolaevich Demidov, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Associate Professor (Administration of the Ministry of Justice of the Russian Federation of the Republic of Tatarstan)

Sergey Victorovich Dubrovin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Moscow University of the MIA of Russia)

Sergey Vasil'evich Egorychev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Eastern Law and Economics Humanitarian Academy). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Aleksandr Borisovich Mezyaev, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Rishat Vahidovich Nigmatullin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Bashkir State University). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Nikolai Vladimirovich Pavlichenko, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Administration Academy of MIA of Russia). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Raviya Faritovna Stepanenko, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Editorial Council

Chairperson:

Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogy (Doctor habilitatus), Associate Professor, Chief of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Vice Chairman:

Sergey Nikolaevich Mironov, Candidate of History (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Kazan Law Institute of MIA of Russia for academic work. ORCID: 0000-0003-1532-9258

Editorial Board:

Rashid Rahimullovich Aliullov, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Marat Rafikovich Garafutdinov, Candidate of Laws (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for Educational Work

Sergei Yakovlevich Kazantsev, Doctor of Pedagogy, Candidate in Laws (Doctor habilitatus), Professor of Criminalistics of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Yurii Yur'evich Komlev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Ol'ga Nikolaevna Hrustaljova, Candidate of Pedagogy (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Editorial Department of the Editorial-and-Publishing Office of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: 0000-0002-0275-5373

Elvira Damirovna Shaidullina, Candidate of Laws (Research doctorate), Deputy Chief of Department of Criminal Process of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Anton Evgen'evich Shalagin, Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<i>CONTENTS</i>	6
<u>К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ</u>	
Кабирова А.Ш., Кабиров Д.Э. Деятельность органов прокуратуры Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны	8
Набиев Р.Ф. Победа во Второй мировой войне: идеологема и арена политического противостояния (факты против фальсификаций)	19
<u>К 100-ЛЕТИЮ ТАТАРСКОЙ АССР</u>	
Валиев А.М. К вопросу о формировании основ социальной политики в Республике Татарстан	25
<u>СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ</u>	
Комлев Ю.Ю. Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии.....	31
<u>ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА</u>	
Алиуллов Р.Р. О некоторых правовых проблемах реализации свободы слова в сети Интернет на современном этапе (вопросы методологии, теории и практики).....	41
Жуков В.Г. Правовой нигилизм и правовой идеализм как наиболее актуальные и выражающие повышенную общественную опасность формы деформации правосознания сотрудников органов внутренних дел.....	47
Карнаушенко Л.В. Феноменология права в трансформирующемся российском обществе.....	53
Колесникова Ю.П. Интерполяция права в российской правоприменительной практике.....	57
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Белицкий В.Ю. Концепция криминалистической методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств: цели и задачи.....	63
Назмеева Л.Р. Цифровая трансформация экономики: влияние на преступность и проблемы ее предупреждения	69
Ольков С.Г. Кубическая математическая модель уголовной ответственности.....	75
Соловьева М.Н. Вопросы разграничения действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств (статья 267 ¹ УК РФ), и хулиганства на транспорте (п. «в» ч. 1 статьи 213 УК РФ).....	81
Халиков И.А. Проблемы квалификации преступлений в отношении памятников археологии.....	86
Чанышева Г.Г., Чанышев Р.И. О повышении эффективности подготовки курсантов вузов МВД России к профилактике девиантности несовершеннолетних.....	92
Элекина С.В. Категория «преимущество» в современном уголовном законодательстве России.....	98

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД И КРИМИНАЛИСТИКА

Багаутдинов К.Ф.

Отдельные вопросы правового регулирования института досудебного соглашения о сотрудничестве..... 104

Иванов С.И.

Особенности взаимодействия при ведении оперативно-розыскной операции органами внутренних дел..... 108

Латыпов В.С.

Киносъемка лицами, оказывающими содействие правосудию, как способ фиксации доказательств в современном уголовном процессе России..... 113

Латышов И.В., Гарманов В.В.

Некоторые вопросы определения способа производства стрелкового огнестрельного оружия..... 119

Сазин С.Т.

Актуальные проблемы освобождения от уголовной ответственности лиц при добровольном сообщении о даче взятки в целях защиты прав и свобод человека и гражданина от необоснованного преследования..... 126

Чернышев Д.Б.

Проблемы определения потерпевшего при квалификации хищений, совершаемых со счетов кредитных банковских карт..... 131

Шайдуллина Э.Д., Семенов Е.А.

Вопросы обеспечения прав присяжных заседателей на этапе обсуждения и вынесения вердикта 137

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ..... 143

CONTENTS

TO THE 75-TH ANNIVERSARY OF THE SECOND WORLD WAR

Kabirova A.S., Kabirov D.E.

The Public Prosecutors Office of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the Great Patriotic War 8

Nabiev R.F.

Victory in the Second World War: the Ideologeme and the Arena of Political Confrontation (Facts Against Fraud)..... 19

TO THE 100-TH ANNIVERSARY OF THE TATAR AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC

Valiyev A.M.

Foundations for Social Politics in the Republic of Tatarstan..... 25

SOCIOLOGY OF DEVIANT BEHAVIOR

Komlev Yu.Yu.

Digitalization, Networkization of Post-Modern Society and the Development of Digital Criminology and Deviantology 31

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Aliullov R.R.

Liberty of Discussion in the Internet Nowadays: Methodology, Theory and Practise..... 41

Zhukov V.G.

Legal Nihilism and Legal Idealism as the Most Relevant and Expressing a Greater Danger of Deformation of Legal Consciousness of Police Officers..... 47

Karnaushenko L.V.

The Phenomenology of Law in a Transforming Society..... 53

Kolesnikova Yu.P.

Interpolation of Law in Russian Law Enforcement Practice..... 57

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Belitsky V.Yu.

The Concept of Criminalistic Methods of Pre-Judicial Procedigs and Litigation of Fraud: Goals and Objectives..... 63

Nazmeeva L.R.

Digital Transformation of Economics: Influence on Crime and Issues of Crime Prevention..... 69

Ol'kov S.G.

Cubic Mathematical Model of Criminal Liability..... 75

Solovyova M.N.

Issues of Limitation of Actions, Threatening Safe Usage of Vehicles (Art. 2671 of the Criminal Code of the Russian Federation), and Hooliganism in Transport (Para. 1, P. Section "V" of Art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation)..... 81

Halikov I.A.

Issues on Archaeological Crime Qualification..... 86

Chanysheva G.G., Chanyshev R.I.

Promoting the Efficiency of Preparation of Cadets and Students for the Prevention of Deviant Behavior in Juveniles..... 92

Elekina S.V.

The Category "Advantage" in Modern Criminal Law of the Russian Federation..... 98

CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS

Bagautdinov K.F.	
Certain Issues of Law Regulation of Pre-Trial Cooperation Agreement.....	104
Ivanov S.I.	
Peculiarities of Interaction of Internal Affairs Agencies in Investigation.....	108
Latypov V.S.	
Filming by Persons who Provide Assistance to Justice as a Way of Fixing Evidence in Modern Criminal Proceedings in Russia	113
Latyshov I.V., Garmanov V.V.	
Certain Issues Regarding the Mode of Production of Small Arms and Firearms.....	119
Sazin S.T.	
Exemption from Criminal Responsibility of Persons who Voluntarily Report Bribery in Order to Protect the Rights and Freedoms of Man and Citizen from Unwarranted Prosecution: Current Issues	126
Chernyshev D.B.	
Determining the Complainant in the Qualification of Thefts Committed from Accounts of Bank Credit Cards	131
Shaidullina E.D., Semenov E.A.	
Issues of Ensuring the Rights of Jurors during Consideration and Rendering a Verdict.....	137
<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	143

УДК 342.552

DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.001

А.Ш. Кабирова, Д.Э. Кабиров

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ТАТАРСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

THE PUBLIC PROSECUTORS OFFICE OF THE TATAR AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Введение: статья посвящена рассмотрению основных направлений деятельности прокуратуры Татарской АССР в военный период 1941–1945 гг. Отмечается, что приоритетной в работе органов прокуратуры была общая для всей страны цель разгрома врага и приближения Победы. Многие прокуроры и следователи с оружием в руках защищали Родину. Оставшиеся в тылу трудились, осуществляя контроль за соблюдением законов военного времени.

Материалы и методы: авторами изучены и проанализированы неопубликованные документы Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Республики Татарстан, научные работы ученых-историков, в которых раскрываются особенности деятельности прокуратуры ТАССР в годы Великой Отечественной войны. При подготовке статьи применялись как общенаучные, так и специальные методы исторического познания: сравнительно-исторический, хронологический, ретроспективный, герменевтический.

Результаты исследования: в годы Великой Отечественной войны жизнь страны кардинальным образом изменилась. Перед работниками прокуратуры были поставлены задачи осуществления строгого контроля за исполнением законодательства военного времени. Базируясь на неопубликованных архивных источниках, авторы проанализировали вопросы эффективности работы прокуратуры республики по надзору за ходом мобилизационных мероприятий, состоянием политической атмосферы в обществе, назначением пособий и пенсий семьям военнослужащих, содержанием заключенных в местах лишения свободы и др.

Обсуждение и заключения: сделаны выводы, что круг обязанностей работников прокуратуры в годы войны расширился. В связи с необходимостью мобилизации всех сил и средств страны на отпор врагу в деятельности органов прокуратуры, наряду с традиционными, появились и новые направления по контролю и надзору за исполнением законов, направленных на укрепление обороноспособности государства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Татарская АССР, прокуратура, правоохранительные органы, преступность, законодательство военного периода

Для цитирования: Кабирова А.Ш., Кабиров Д.Э. Деятельность органов прокуратуры Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 8 – 18. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.001

Introduction: the article is devoted to the main ways of work of the Public Prosecutors Office of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in 1941–1945. The authors highlight that the main goal of both the Public Prosecutors Office and the country was to defeat the enemy and draw closer the victory. Many prosecutors and investigators defended the country with lethal force. Base area soldiers controlled the implementation and compliance with the laws of war.

Materials and Methods: the authors studied and analyzed unpublished documents of the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Republic of Tatarstan, studies of historians that revealed the features of the work of the Public Prosecutors Office of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in 1941–1945. The authors used both general academic and special techniques of historical experience: comparative historical, chronological, retrospective, hermeneutical.

Results: during the War, the life of the country fundamentally changed. The goal of the Public Prosecutors Office was to control the implementation and compliance with the laws of war. Basing on the unpublished sources the authors analyzed work efficiency of the Public Prosecutors Office of the Republic on monitoring mobilization arrangements, political climate in the society, allowance payments and pensions for families of military personnel, conditions of detainees in jails etc.

Discussion and Conclusions: the authors conclude that duties of the Public Prosecutors Office workers increased. For resource and force mobilization of the country to repulse the enemy in prosecutorial authorities' activity alongside traditional new ways to control the implementation and compliance with the laws aimed to military buildup in the country.

Keywords: the Great Patriotic War, Tatar ASSR, prosecutor's office, law enforcement bodies, crime, legislation of the war period

For citation: Kabirova A.Sh., Kabirov D.E. The Public Prosecutors Office of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the Great Patriotic War // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 8 – 18. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.001

Введение

Годы Великой Отечественной войны были отмечены существенными изменениями в правовом обеспечении жизни и деятельности населения страны. Контролировать выполнение законов военного времени, их соответствие задачам чрезвычайной ситуации должны были органы прокуратуры.

Напомним, Государственная прокуратура была создана еще в 1922 г. Согласно принятому Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК) «Положению о прокурорском надзоре» от 28 мая 1922 г. прокуратура учреждалась в составе Народного комиссариата юстиции и на нее возлагались следующие функции:

а) осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений;

б) непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью органов Государственного политического управления;

в) поддержание обвинения в суде;

г) наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей¹.

С образованием СССР Государственная прокуратура в ноябре 1923 г. была преобразована в прокуратуру Верховного суда СССР. В июне 1933 г. учреждается прокуратура Союза ССР. В декабре 1933 г. ЦИК СССР и СНК СССР приняли постановление «Об утверждении Положения о прокуратуре Союза ССР», которое определило правовой статус прокуратуры СССР как самостоятельного государственного органа, при этом прокуратура Верховного суда СССР была упразднена².

Основные принципы прокурорского надзора были также включены в Конституцию СССР 1936 года³. Однако в стране в это время набирал обороты маховик репрессий, и потому попытки прокурорских работников обеспечить соблюдение законных прав граждан пресекались. Надзор за расследованием дел политической направленности, проводившихся органами Всероссийской чрезвычайной комиссии Государственного политического управления (ВЧК-ГПУ-НКВД), был практически невозможен.

Великая Отечественная война обозначила новый этап в деятельности органов прокуратуры. Они осуществляли надзор и контроль за исполнением законов военного времени, направленных на укрепление обороны страны.

¹ Положение о прокурорском надзоре: постановление ВЦИК от 28.05.1922 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1334.htm (дата обращения: 16.02.2020).

² Об утверждении Положения о прокуратуре Союза ССР: постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 17.12.1933 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3948.htm (дата обращения: 16.02.2020).

³ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года (с последующими изменениями и дополнениями). URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 17.02.2020).

Обзор литературы

Историографический обзор публикаций по теме свидетельствует о наличии к ней устойчивого интереса со стороны исследователей. Основные направления деятельности государственного аппарата в целом и органов прокуратуры в частности довольно подробно анализируются в работах ученых, причем подходы к периодизации проблемы различаются. Одни историки выделяют три этапа отечественной историографии: 1) 1941–1945 гг.; 2) 1946–1991 гг.; 3) постсоветский [1]. Другие считают более правомерным рассматривать историю вопроса в рамках двух этапов, включая советский и современный [2]. Важно обратить внимание на специфичность и даже некоторую «закрытость» изучения поставленной проблемы, ведь не секрет, что задачи, функции, структура органов прокуратуры долгое время оставались табуированными для широкого круга исследователей, информация об этих вопросах не подлежала огласке.

Первые труды о деятельности отдельных подразделений прокуратуры, в которых затрагивается и военный период, появляются в конце 1940-х гг. В 1948 г. вышла монография советских ученых Д.С. Карева и Н.И. Савицкого «Очерки истории советской военной прокуратуры» [3]. Чуть позже увидели свет работы М.В. Кожевникова, В.Г. Лебединского, С.Г. Новикова и др. [4, 5, 6]. Насыщенной фактографией отличаются публикации, авторами которых выступают руководители и бывшие следователи прокуратуры. Среди них необходимо особо отметить статьи Главного военного прокурора СССР А.Г. Горного о деятельности военной прокуратуры в годы Великой Отечественной войны [7, 8], а также работы бывшего начальника Управления военных трибуналов Министерства юстиции СССР генерал-лейтенанта юстиции С.С. Максимова, раскрывающие формы и методы работы военных трибуналов в военное время [9, 10].

В постсоветский период с открытием архивных фондов и снятием грифа секретности с документов по истории войны интерес исследователей к деятельности советской прокуратуры в чрезвычайных условиях еще более усилился. Заметный вклад в изучение историографии темы внесли Л.В. Плевако, Р.Р. Вахитова, В.А. Никонов [11, 12, 13]. Продолжают свои научные изыскания А.Я. Кодинцев, В.С. Павлов [14, 15] и др.

В 2000-е гг. активизировалась работа региональных историков по освещению истории создания и развития местных органов прокуратуры. Так, в 2005 г. вышла книга, посвященная 280-летию воронежской прокуратуры «На страже закона»

[16]. Были опубликованы труды о деятельности прокуратур Белгородской, Курской, Орловской областей, Красноярского края и других регионов [17, 18, 19]. Однако с сожалением приходится констатировать, что военный период деятельности прокуратуры в этих работах проанализирован недостаточно и не позволяет представить целостную картину функционирования областных прокуратур страны в 1941–1945 гг. Именно поэтому задачи изучения организации прокурорского надзора на местном материале в военное время продолжают оставаться актуальными, так как в каждой республике, области, крае существовали свои особенности, обусловленные положением конкретной местности (прифронтовые области, тыловые, оккупированные и т.д.).

В Татарской АССР специальных монографических изданий, в которых бы комплексно освещалась деятельность прокуратуры республики в годы Великой Отечественной войны, пока не создано, хотя определенная работа в этом направлении ведется. Так, в 2014 г. в рамках серии «Жизнь замечательных юристов» Ф.Н. Багаутдинов подготовил книгу о прокурорах Татарской республики, работавших с 1922 по 1946 гг. [20]. В 2015 г. к 70-летию Победы в журнале «Научный Татарстан» им же была опубликована статья, в которой раскрываются некоторые важные аспекты данной темы [21]. Любопытные сведения о фронтовой службе военного прокурора можно почерпнуть из книги воспоминаний А.Х. Валиева [22].

Гораздо больше внимания историки Татарстана уделяют исследованию истории развития правоохранительной системы в целом. В 1997 г. в коллективном труде «На страже порядка» впервые в республиканской историографии детально была рассмотрена деятельность органов милиции в военные годы по обеспечению общественного порядка, борьбе с хулиганством, спекуляцией, бандитизмом [23]. Эти же вопросы поднимают в своих работах М.Ю. Гребенкин, С.Н. Миронов [24].

Материалы и методы

При подготовке статьи использовался широкий круг источников. Были изучены и проанализированы неопубликованные документы Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Республики Татарстан, материалы периодической печати, в которых нашли отражение различные аспекты деятельности прокуратуры ТАССР в годы Великой Отечественной войны. Исследование построено на общенаучных принципах историзма и научной объективности. При обработке эмпирического материала применялись как общенаучные, так и

специальные методы исторического познания: сравнительно-исторический, хронологический, ретроспективный, герменевтический.

Результаты исследования

В годы Великой Отечественной войны жизнь страны кардинальным образом изменилась. Необходимость противостоять жестокому и сильному врагу потребовала мобилизации всех сил и средств для обороны государства и защиты от агрессора. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» работа органов прокуратуры, как военных, так и территориальных, была перестроена на военный лад.

В тыловой Татарской АССР роль прокурорских органов тоже существенно возросла. Они были призваны обеспечить выполнение тех жизненно важных задач, которые ставились на повестку дня в связи с переводом страны на военное положение. Многие работники прокуратуры уходили в Красную Армию. За первые 9 месяцев войны на фронт были мобилизованы 14 прокуроров [21, с. 73]. Оставшимся в тылу приходилось работать в сложных условиях сокращения штатов, нагрузка на них возросла многократно. Прокуратуру республики в военный период возглавляли Д.Н. Исупов (1941–1942 гг.), И.Д. Ардерихин (1942–1944 гг.), И.А. Садовников (1944–1946 гг.) [25, с.193].

С первого дня объявления мобилизации органы прокуратуры ТАССР включились в работу по оказанию помощи военкоматам и другим военным организациям в проведении мобилизационной кампании. Они вели борьбу с преступлениями, связанными с уклонением от призыва в Красную Армию, срывом поставок для фронта и т.д.

Уже 23 июня 1941 г. состоялось совещание оперативных работников Центрального аппарата прокуратуры ТАССР и райпрокуроров г. Казани, на котором были даны конкретные установки по оперативно-следственной работе в связи с объявлением войны.

9 июля 1941 г., отчитываясь перед прокурором РСФСР А.А. Волиным о деятельности органов прокурорского надзора республики о проделанной работе, прокурор ТАССР Д.Н. Исупов докладывал, что за время с 23 июня по 5 июля возбуждено 16

дел, в том числе: за уклонение от мобилизации – 5 дел, самовольную отлучку – 2, неявку в срок на службу – 2, срыв поставок автотранспорта – 5, порчу автомашин (авария) – 2. Возбужденные дела заканчивались в сроки от 2 до 3 дней¹.

Важным направлением деятельности работников прокуратуры, которое возлагалось на них еще «Положением о прокурорском надзоре» 1922 г., являлся контроль за деятельностью следственных органов дознания в области раскрытия преступлений. Осуществляя надзор, необходимо было добиваться, чтобы правонарушения расследовались в кратчайшие сроки, а квалификация совершенных преступлений проводилась в соответствии с законами военного времени.

Между тем, согласно данным архивных источников, некоторые нарсуды и райпрокуроры «смазывали» политическое значение уголовных дел. В своей практической работе нарсудьи зачастую проявляли излишнюю либеральность, в результате позже приходилось приносить протесты. В докладной записке о работе судебных прокурорских органов по проведению мобилизационных мероприятий от 6 августа 1941 г., адресованной секретарю Татарского обкома ВКП(б) А.М. Алемасову, прокурор ТАССР Д.Н. Исупов подчеркивал: «Нарсудьи отдельных районов к злостным преступникам выносили явно мягкие меры наказания, а райпрокуроры неправильно квалифицировали преступления по отдельным делам»².

Так, в ходе проверки законности и обоснованности приговоров по проведению мобилизации неоднократно встречались факты, когда судьи нарсудов, не вникая в анализ истинных причин совершения преступления, действия осужденных квалифицировали по ч. 1 ст. 74 Уголовного кодекса РСФСР (УК РСФСР) (хулиганство)³, в то время как изучение дел показывало, что преступники лишь симулировали хулиганство с целью получения наказания, чтобы избежать мобилизации в ряды РККА. Подобный случай имел, например, место в Б.-Тархановском районе. Поляков П.М. был осужден нарсудом к 1 году тюремного заключения за то, что он после зачисления в команду самовольно

¹ ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. П-15. Оп. 15. Д. 146. Л. 153–154.

² ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 147. Л. 10–11.

³ Здесь и далее встречающиеся в тексте статьи Уголовного кодекса РСФСР предусматривали уголовную ответственность за конкретные противоправные действия: ст. 58-10 УК РСФСР наказывала «за пропаганду и агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву и ослаблению Советского государства», более известна в народе как статья за «контрреволюционную деятельность»; ст. 58-14 УК РСФСР – саботаж; ст. 59-3 УК РСФСР – порча автотранспортных средств; ст. 59-6 УК РСФСР – срыв поставок авто- и гужевого транспорта; ст. 61 УК РСФСР – невыполнение государственных обязательств или срыв госпоставок; ст. 68 УК РСФСР – членовредительство; ст. 74 УК РСФСР – хулиганство, статья 105 УК РСФСР – нарушение правил торговли, ст. 107 УК РСФСР – спекуляция, ст. 109 УК РСФСР – злоупотребление властью или служебным положением; ст. 116 УК РСФСР – растрата; ст. 162 УК РСФСР – кражи и хищения; ст. 193-7 УК РСФСР – самовольная отлучка; ст. 193-10а УК РСФСР – уклонение от мобилизации или неявка на военную службу.

отлучился, напился и в нетрезвом виде оскорблял представителей военкомата и милиции. При рассмотрении обстоятельств дела было выяснено, что Поляков совершил данное хулиганство с целью освобождения от мобилизации, и потому это преступление должно было квалифицироваться по ст. 193-10 УК РСФСР как уклонение от мобилизации или неявка на военную службу¹.

Серьезные ошибки допускались при квалификации дел о членовредительстве. Нарсудом Бавлинского района за членовредительство с целью уклонения от мобилизации был осужден Пронин (отрубил себе 2 пальца правой руки), нарсудом Актанышского района – Галим Амиров (отрубил 3 пальца левой руки)². Оба они были приговорены к двум годам лишения свободы по ст. 68 ч. 2 УК РСФСР, в то время как совершенные ими преступления подпадали под действие ст. 193-12 УК РСФСР³. Приговоры народных судов в итоге были опротестованы, осужденным вынесены более суровые приговоры.

Мобилизационные мероприятия предусматривали не только призыв граждан в Рабоче-крестьянскую Красную Армию, но и поставку на фронт лошадей, машин и т.д. Органами прокуратуры и здесь выявлялись нарушения. К примеру, в 1941 г. нарсудом Кзыл-Армейского района ТАССР к 1 году тюремного заключения был осужден Фатхутдинов⁴. Будучи исполняющим обязанности председателя колхоза, он отказался поставить на сборный пункт райвоенкомата лошадей, при этом выражался нецензурными словами. Фатхутдинов был осужден по ст. 74 УК РСФСР за хулиганство, тогда как следовало применить ст. 59-6 УК РСФСР – срыв поставок авто- и гужевого транспорта. В связи с мягкостью наказания и неправильной квалификацией прокуратура ТАССР вынесла на приговор протест.

Попутно следует заметить, что зачастую поставить запланированное количество лошадей руководители хозяйств не могли по объективным обстоятельствам – из-за того, что лошади не были пригодны к службе. Только в Ново-Шешминском районе из 4 410 рабочих лошадей годными для Красной Армии были признаны всего 251⁵.

С такими же проблемами сталкивались председатели колхозов и директора машинно-тракторных станций при выполнении нарядов по мобилизации автотранспорта. Машины находились в неудовлетворительном состоянии, а отсутствие запасных частей, резины, горючего не позволяло провести качественный ремонт. По результатам проверки с участием партийных органов, организованной летом 1941 г. в районах ТАССР, оказалось, что в силу указанных причин не были мобилизованы 6 машин в Столбичах, 15 – в Юдинском, 9 – в Акташском районе и т.д.⁶

Виновные в срыве поставок привлекались к уголовной ответственности, карательная практика по этим делам была ужесточена.

Большое внимание органы прокуратуры ТАССР уделяли борьбе с ложными слухами, возбуждавшими тревогу среди населения. В начальный период двойной связи с катастрофическим положением на фронтах пораженческих разговоров было особенно много. Высказывались опасения, что немцы подошли совсем близко к Москве и ее могут «со дня на день сдать», что «маршал Тимошенко перешел на сторону фашистов», что «Англия объявила войну против СССР» и др.⁷ Такие разговоры квалифицировались как контрреволюционная агитация, и меры к виновным применялись соответствующие. Приговоры выносились по ст. 58-10 УК РСФСР за «пропаганду и агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву и ослаблению советского государства».

Изучение материалов следственных органов позволяет проследить динамику дел по так называемым контрреволюционным преступлениям. Во втором квартале 1941 г. их было 196 из 252 уголовных дел; в третьем квартале – 155 из 213; в четвертом – 568 из 639⁸. В процентном соотношении контрреволюционные дела составляли соответственно 77%, 73%, 88% к их совокупному числу. В 1942 г. по ст. 58-10 УК РСФСР проходило 780 дел (75%) из 1031 заведенного прокуратурой ТАССР уголовного дела⁹. Т.е. дела по рассматриваемой категории в 1941–1942 гг. составляли подавляющее большинство. Резкий рост контрреволюционных преступлений поздней

¹ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 147. Л. 10–11.

² Там же.

³ Постановление СНК СССР от 20 октября 1934 г. «Об изменении ст. ст. 193.2 и 193.12 Уголовного кодекса РСФСР предусматривало: «Изложить ст. ...193.12 Уголовного кодекса в следующей редакции: а) Уклонение военнотружущаго от несения обязанностей военной службы путем причинения себе какаго-либо повреждения или путем симуляции болезни, подлога документов или иного обмана карается лишением свободы на срок до 5 лет; б) то же преступление при наличии отягчающих обстоятельств карается лишением свободы на срок не ниже 3 лет; в) то же преступление, совершенное в военное время или в боевой обстановке, карается высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества».

⁴ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 147. Л. 10–11.

⁵ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 146. Л. 35.

⁶ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 228. Л. 38.

⁷ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 147. Л. 71; Д. 212а. Л. 68–70; Д. 200а. Л. 45; Д. 153. Л. 12.

⁸ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 147. Л. 93.

⁹ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 472. Л. 26.

осенью 1941 г. был связан с тяжелой обстановкой на советско-германском фронте, что вызывало растерянность и упаднические настроения граждан.

Необходимо подчеркнуть, что проводившаяся по таким делам карательная политика была жесткой. К середине 1942 г. Верховным судом ТАССР по «контрреволюционным» преступлениям было осуждено 997 человек. Из них 820 человек обжаловали вынесенные приговоры в Верховном суде РСФСР. Без изменений были оставлены приговоры на 765 чел. (93,3%), с изменением мер наказания – на 16 чел. (2%), отменены с передачей на новое рассмотрение – 19, на дополнительное расследование – 6, переквалифицировано со снижением наказания – 1. Семь дел Верховными судами РСФСР и СССР были прекращены¹.

При анализе дел, по которым вышестоящие суды отменяли высшую меру наказания (ВМН), выясняется, что по многим делам Верховный суд ТАССР применял расстрел без достаточных к тому оснований. Только за 1942 г. расстрел в отношении 27 чел. Верховными судами РСФСР и СССР был заменен другими мерами наказания: в отношении 23 чел. – срочным лишением свободы от 10 до 5 лет, в отношении 2 чел. – условной мерой наказания, в отношении еще 2 чел. дело прекратили².

Значительный блок вопросов, который постоянно держали на контроле работники прокуратуры, составляли экономические преступления. В военный период участились случаи хищений, растрат продуктов и товаров ширпотреба, разбазаривания хлеба, срывов зерна и хлебопоставок, злоупотреблений с карточками. В докладной записке прокурора ТАССР Д.Н. Исупова в Татарской обком ВКП(б) от 26 марта 1942 г. сообщается: «Имеются факты, когда выделенные фонды расходуются на местах не по прямому назначению». В частности, в Заинском районе было выявлено масштабное разбазаривание продуктов, предназначенных для эвакуированных, в том числе: манной крупы 17 кг, сахара 32 кг, конфет 38 кг, пряников 32 кг, муки белой 60 кг, риса 49 кг и т.д.³ Конкретный виновник разбазаривания этих фондов – председатель Заинского сельпо Федоров был привлечен к уголовной ответственности.

¹ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 473. Л. 1–3.

² Там же.

³ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 472. Л. 44–49.

⁴ Там же.

⁵ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 704. Л. 42–44.

⁶ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 473. Л. 29.

⁷ Закон от 7 августа 1932 г. («Закон о трех колосках», «Закон семь восьмых») – распространенное в исторической публицистике наименование постановления ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности».

Аналогичные факты имели место и в других районах ТАССР. По итогам проведенной на местах проверки Центральный аппарат прокуратуры республики принял решение разослать всем райпрокурорам цифровые данные о количестве спущенных через Татсоюз продфондов, чтобы детально проверить правильность их расходования. А при установлении фактов расходования продовольствия и промтоваров не по прямому назначению – наказывать виновных по законам военного времени⁴.

Массовый характер приобрели хищения хлеба в системе «Заготзерно», трестах «Главмука» и «Главхлеб». За полгода 1943 г. по Казанской реализационной базе «Заготзерно» хищения и недостачи составили свыше 6,5 тыс. центнеров зерна, по предприятиям «Главмука» – 1784 центнера. Крупные хищения были вскрыты в Сабинском, Буденновском, Чистопольском пунктах «Заготзерна»⁵.

Татарский обком ВКП(б) обвинил прокуратуру ТАССР, Управление милиции и суды в том, что они «не ведут действенной борьбы» с хищениями социалистической собственности, допускают «возмутительную волокиту» в расследовании и рассмотрении дел, не наказывают преступников по всей строгости закона, что «снижает эффективность» борьбы с хищениями хлеба и других продовольственных и промышленных товаров.

Действительно, согласно источникам, материалы, направляемые райпрокурорами в Следственный отдел на получение санкции на возбуждение дел, месяцами лежали без движения. В справке Татарского обкома ВКП(б) от 9 июня 1942 г. о состоянии работы аппарата прокуратуры ТАССР в условиях военного времени указывалось: «В работе органов прокуратуры... имеют место факты недопустимой волокиты, медлительности в рассмотрении и передаче уголовных и гражданских дел по подсудности, жалоб трудящихся, грубое нарушение установленных законом сроков для расследования дел по преступным проявлениям»⁶.

Так, например, следственные дела по обвинению Хайрутдинова по закону от 7 августа 1932 г.⁷, по обвинению Саварова по ст. 193-12 УК РСФСР, Нигматуллина по ст. 193-10-12 УК РСФСР, Гимранова – по 109 ст. УК РСФСР, Евдокимова –

по закону от 7 августа 1932 г. и др. – лежали без движения у старшего следователя прокуратуры ТАССР Тазетдинова с 28 января по май 1942 года. Прокурором Пестречинского района Козловым еще 12 декабря 1941 г. было возбуждено уголовное дело по ст. 59-6 и 58-10 УК РСФСР на колхозницу-стахановку Г. Ахмееву. Это дело пролежало в республиканской прокуратуре полгода, а затем было возвращено для производства очной ставки. Впоследствии дело прекратили за недостаточностью улик, при этом колхозница Ахмеева все время, пока длилось следствие, содержалась под стражей (!)¹.

Аналогичные недостатки и упущения в виде волокиты и бюрократических проволочек в работе органов прокуратуры ТАССР усмотрел в ходе своей выездной проверки в республику в 1943 г. и заместитель прокурора РСФСР Васильев [21, с. 84]. Вместе с тем следует иметь в виду, что в определенной степени длительное рассмотрение уголовных дел было связано с тем, что работникам прокуратуры приходилось отвлекаться на выполнение дополнительных задач, которые на них возлагались. Райпрокуроры направлялись, в частности, в качестве уполномоченных в колхозы в период проведения сельскохозяйственных кампаний, назначались членами комиссий по сбору теплых вещей, приему подарков для бойцов Красной Армии и т.п. Летом 1942 г. работники Центрального аппарата прокуратуры ТАССР были посланы на сельхозработы. Узнав об этом, прокурор СССР В.М. Бочков потребовал от секретаря Татарского обкома ВКП(б) А.Г. Колыбанова отозвать прокурорских работников из командировок, чтобы они могли заняться своими непосредственными обязанностями².

Внушительный объем работы органов прокуратуры ТАССР был связан с надзором за соблюдением и исполнением указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособия семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время»³. В 1941–1942 гг. работу по назначению и выплате пособий и пенсий осуществляли органы социального обеспечения.

В 1942 г. органами прокуратуры Татарстана была проведена полномасштабная проверка выполнения закона о пособиях и льготах семьям военнослужащих, в ходе которой было установлено, что в некоторых районах республики указ от 26 июня 1941 г. грубо

нарушался. Заявления подолгу не рассматривались, деньги и документы семьям военнослужащих своевременно не направлялись. Отчитываясь перед прокурором РСФСР А.А. Волиным о положении дел в ТАССР, Д.Н. Исупов отмечал, что в Заинском районе «протоколы вовремя не оформлялись. Из 471 заявления, поступившего с 27 июня по 10 июля 1941 г., свыше 13 дней лежали без движения 124 заявления». При этом закон предписывал рассматривать заявления о назначении пособий в трехдневный срок.

Последующая проверка в конце 1941 – начале 1942 гг. показала не улучшение, а, наоборот, ухудшение в работе. Книжки и деньги не высылались адресатам по 3–4 месяца, 212 семей фронтовиков не получили свои документы на получение пособия. За преступные и неблагоприятные поступки заведующий райсобесом Морозов был снят с работы и привлечен к уголовной ответственности по ст. 109 УК РСФСР.

Кроме того, в том же Заинском районе проверкой было установлено, что шести семьям военнослужащих: Шигановой, Исмагиловой, Деминой, Лаушиной, Альметьевой и Гафуровой, имеющим право на пособие, – комиссия в этом отказала. По протесту райпрокурора незаконное решение комиссии было опротестовано, протесты были удовлетворены и вышеперечисленным семьям назначено пособие⁴.

Не лучше было положение в Агрызском районе ТАССР. Заявления лежали без рассмотрения месяцами, причем задерживались заявления не только отдельных членов семей военнослужащих, но и целые протоколы, содержавшие одновременно свыше 30 заявлений.

Назначенные пособия тоже не доставлялись адресатам вовремя. Тормозящими факторами являлись неудовлетворительная работа почтовых отделений и нерасторопность работников районных отделов соцобеспечения. В итоге в 1942 г. образовалась громадная задолженность по выдаче пособий. Прокурорская проверка установила, что только в мае семьям военнослужащих не было выплачено в Бондюжском районе 200 тыс., Буденновском – 200 тыс., Кзыл-Армейском – 100 тыс., Первомайском – 200 тыс., Сармановском – 200 тыс., Тельмановском – 130 тыс. рублей⁵. Крупные задолженности были выявлены и по другим районам республики.

22 января 1943 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, призванное улучшить работу

¹ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 473. Л. 41–43.

² ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 474.

³ Правда. 1941. 27 июня.

⁴ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 472. Л. 121–126.

⁵ Там же.

по оказанию помощи семьям военнослужащих на местах. При СНК республик и областей и исполкомах городских и районных Советов создавались специальные отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. В целом по Татарской АССР в военные годы (на 1 января 1945 г.) семьям фронтовиков и инвалидам войны государство, по официальным данным, выплатило пособий и пенсий на общую сумму 801,5 млн рублей [26, с. 39].

Еще одним направлением деятельности органов прокуратуры был надзор за местами лишения свободы. С началом войны некоторые категории заключенных по указам Президиума Верховного Совета СССР и постановлениям Государственного комитета обороны подлежали освобождению. На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 ноября 1941 г. «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений»¹ из тюрем, лагерей и исправительно-трудовых колоний (ИТК) НКВД ТАССР в начале 1942 г. было освобождено 7420 чел., из них: осужденных по указу от 10 августа 1940 г. – 1909 чел., за маловажные бытовые преступления – 1911 чел., беременных и имеющих детей женщин – 714 чел., инвалидов и стариков – 2010 чел., несовершеннолетних – 831 чел., бывших военнослужащих – 45 чел. Из общего количества освобожденных 1024 чел. были переданы в военкоматы².

Эти мероприятия дали возможность, с одной стороны, уменьшить количество заключенных в лагерях, а с другой – восполнить нехватку бойцов на фронте. С окончанием военных действий лица, осужденные в годы войны, но отличившиеся на фронте, освобождались от дальнейшего отбывания наказания и уголовной ответственности. К февралю 1942 г. всего было освобождено 362 562 чел., бывших военнослужащих – 22 689 чел., лиц

призывного возраста – 121 842 чел., беременных женщин и имеющих малолетних детей – 8 431 чел., инвалидов – 14 383 чел.³

Вместе с тем проведенные прокуратурой Татарской АССР проверки выявляли и случаи формального отношения к выполнению указа от 24 ноября 1941 г. со стороны некоторых начальников тюрем и колоний. В частности, было установлено, что в тюрьме № 4 г. Чистополя в списки на освобождение были включены 20 чел. из числа рецидивистов, неподпадавших под действие указа⁴.

Отделы прокуратуры по надзору за местами заключения осуществляли контроль за законностью содержания заключенных в местах лишения свободы, соблюдением надлежащих условий их содержания, организацией работы заключенных на стройках и производстве.

Согласно архивным материалам, несмотря на тяжелый труд, заключенные не были обеспечены нормальными бытовыми условиями в лагерях и колониях. Работники прокуратуры обнаруживали многочисленные случаи нарушения санитарного состояния в бараках, отсутствие необходимой одежды и средств первой необходимости, ненадлежащей организации их трудовой деятельности, что приводило к несчастным случаям и производственным травмам. Только за полтора месяца 1944 г. в исправительно-трудовой колонии (ИТЛ) № 7 УИТЛиК⁵ НКВД ТАССР произошло 7 несчастных случаев со смертельными исходами⁶.

Фиксировались, кроме того, факты финансовых и материальных недостач и хищений. В справке УИТЛиК НКВД ТАССР указывалось, например, что растраты, хищения и недостачи денежных средств и материальных ценностей в исправительно-трудовой колонии № 1 в 1943 г. составили 88426 руб.⁷ Практиковалось и присвоение личных средств заключенных, когда счетно-бухгалтерские работники из

¹ 12 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета принял указ «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений». В соответствии с этим указом в местностях, объявленных на военном положении, подлежали освобождению заключенные, осужденные: по указам от 26 июля и 10 августа 1940 г. («О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений») и «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство»), кроме злостных хулиганов и рецидивистов; за маловажные бытовые преступления, имевшие остаток срока менее года; беременные женщины и женщины, имевшие малолетних детей (кроме осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм и рецидивисток); учащиеся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО, осужденные по указу от 28 декабря 1940 г. за нарушение дисциплины и самовольный уход из училища (школы). 24 ноября 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР распространил действие указа от 12 июля 1941 г. на все местности СССР и принял решение о дополнительном освобождении некоторых категорий заключенных, например, бывших военнослужащих, осужденных за несвоевременную явку в часть и малозначительные должностные, хозяйственные и воинские преступления, совершенные до начала войны, при этом они передавались в части действующей армии. Освобождению также подлежали нетрудоспособные инвалиды, старики, имевшие остаток срока наказания до 3 лет, кроме осужденных за контрреволюционные преступления.

² ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 472. Л. 8–9.

³ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-8131. Оп. 18. Д. 79. Л. 116.

⁴ Там же.

⁵ УИТЛиК – Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний.

⁶ ГА РТ. Ф. П-3799. Оп. 1. Д. 30. Л. 30–31.

⁷ ГА РТ. Ф. П-3799. Оп. 1. Д. 30. Л. 87–89.

вольнонаемного состава оформляли подложные платежные документы и подделывали подписи.

Обсуждение и заключения

Таким образом, проанализированный комплекс источников позволяет сделать вывод, что прокуратура ТАССР осуществляла надзор за точным соблюдением законов военного времени практически во всех сферах жизни общества. Объем полномочий прокурорских работников был весьма значительным. Многие направления их деятельности являлись традиционными (контроль и надзор за строгим исполнением законов, касавшихся уголовных

дел, экономических преступлений, мест лишения свободы). В то же время в военные годы появились новые направления в их работе, детерминированные чрезвычайными условиями. Они заключались в осуществлении строгого контроля за исполнением законов о мобилизации, поставках военной продукции, борьбе с дезертирством, членовредительством, ложными слухами, оказании помощи семьям военнослужащих и т.д. Добросовестно и ответственно выполняя свой долг, работники прокуратуры укрепляли обороноспособность страны, приближая долгожданную Победу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филоненко В.С. Деятельность органов прокуратуры Воронежской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2009. 216 с.
2. Широкова А.А. Организационно-правовые основы деятельности советской прокуратуры в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 190 с.
3. Карев Д.С., Савицкий Н.И. Очерки истории советской военной прокуратуры. М.: Изд-во РИО ВЮА, 1948. 104 с.
4. Кожевников М.В. Пути развития советской прокуратуры // Ученые записки. Труды юридического факультета. М.: Изд-во МГУ, 1950. Вып. 147, кн. 5. С. 17–145.
5. Лебединский В.Г. Советская прокуратура и ее деятельность в области общего надзора / под ред. В.А. Болдырева. М.: Госюриздат, 1954. 155 с.
6. Новиков С.Г. Прокурорская система в СССР. М.: Юридическая литература, 1977. 167 с.
7. Горный А.Г. Военная прокуратура в годы Великой Отечественной войны // Социалистическая законность. 1970. № 5. С. 3–9.
8. Горный А.Г. Военная прокуратура в годы Великой Отечественной войны // Социалистическая законность. 1975. № 4. С. 30–35.
9. Максимов С.С. Военные трибуналы в годы Великой Отечественной войны // Социалистическая законность. 1975. № 4. С. 36–39.
10. Максимов С.С. Военные трибуналы в годы Великой Отечественной войны // Социалистическая законность. 1985. № 4. С. 38–41.
11. Плевако Л.В. Органы прокуратуры в государственном механизме РФ: историко-теоретический аспект. СПб., 2002. 212 с.
12. Вахитова Р.Р. Прокуратура в механизме государства: историко-правовое исследование. Казань, 2003. 166 с.
13. Никонов В.А. Сравнительно-правовое исследование института прокуратуры в России во второй половине XIX – начале XX века и конце XX – начале XXI века. Владимир, 2005. 177 с.
14. Кодинцев А.Я. Государственная политика в системе органов юстиции СССР в 1933–1956 гг.: дис... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 556 с.
15. Павлов В.С. Изменения в деятельности советской прокуратуры в годы Великой Отечественной войны // Инновационная наука. 2015. № 6. С. 196–198.
16. На страже Закона / сост. Т.М. Вальянникова; вступ. ст. А.И. Пономарева. Воронеж: Творческое объединение «Альбом», 2005. 352 с.
17. Бобровский С.С. Становление и развитие территориальных органов прокуратуры СССР в Центральном Черноземье (1934–1953 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2003. 217 с.
18. История прокуратуры Орловской области: сборник / отв. ред. Д.П. Тюпин. Орел: Тип. «Труд», 1997. 156 с.
19. Печерский В.А. Деятельность прокурорских органов Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11. С. 24–34.
20. Багаутдинов Ф.Н. Прокуроры Татарской республики (1922–1946 гг.). Казань: Акад. наук РТ [и др.], 2014. 275 с. (Серия «Жизнь замечательных юристов»).
21. Багаутдинов Ф.Н. Прокуратура ТАССР в годы войны // Научный Татарстан. 2015. № 2. С. 72–91.
22. Валиев А.Х. Записки военного прокурора. Казань: Матбугат йорты, 2000. 136 с.
23. Маликов А.А., Лагышев А.Н., Мулянов Ш.Н. На страже порядка. Книга первая. МВД Республики Татарстан. Казань: РИЦ «Лиана», 1997. 256 с.

24. Гребенкин М.Ю., Миронов С.Н. Деятельность органов внутренних дел Татарстана в годы Великой Отечественной войны // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 256–263.
25. Центральные органы государственной власти и управления Татарстана (1920–2010 гг.): Научно-справочное издание. Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2017. 312 с.
26. 25 лет Татарской АССР. 1920–1945. Казань: Татгосиздат, 1945. 104 с.

REFERENCES

- Filonenko V.S. Deyatel'nost' organov prokuratury Voronezhskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2009. 216 s.
2. SHirokova A.A. Organizacionno-pravovye osnovy deyatelnosti sovetskoj prokuratury v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2010. 190 s.
 3. Karev D.S., Savickij N.I. Oчерki istorii sovetskoj voennoj prokuratury. M.: Izd-vo RIO VYUA, 1948. 104 s.
 4. Kozhevnikov M.V. Puti razvitiya sovetskoj prokuratury // Uchenye zapiski. Trudy yuridicheskogo fakul'teta. M.: Izd-vo MGU, 1950. Vyp. 147, kn. 5. S. 17–145.
 5. Lebedinskij V.G. Sovetskaya prokuratura i ee deyatelnost' v oblasti obshchego nadzora / pod red. V.A. Boldyreva. M.: Gosyurizdat, 1954. 155с.
 6. Novikov S.G. Prokurorskaya sistema v SSSR. M.: YUridicheskaya literatura, 1977. 167s.
 7. Gornyj A.G. Voennaya prokuratura v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Socialisticheskaya zakonnost'. 1970. № 5. S. 3–9.
 8. Gornyj A.G. Voennaya prokuratura v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Socialisticheskaya zakonnost'. 1975. № 4. S. 30–35.
 9. Maksimov S.S. Voennye tribunaly v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Socialisticheskaya zakonnost'. 1975. № 4. S. 36–39.
 10. Maksimov S.S. Voennye tribunaly v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Socialisticheskaya zakonnost'. 1985. № 4. S. 38–41.
 11. Plevako I.I.B. Organy prokuratury v gosudarstvennom mekhanizme RF: istoriko-teoreticheskij aspekt. SPb., 2002. 212 s.
 12. Vahitova P.P. Prokuratura v mekhanizme gosudarstva: istoriko-pravovoe issledovanie. Kazan', 2003. 166 s.
 13. Nikonov V.A. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie instituta prokuratury v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka i konce XX – nachale XXI veka. Vladimir, 2005. 177 s.
 14. Kodincev A.YA. Gosudarstvennaya politika v sisteme organov yusticii SSSR v 1933–1956 gg.: dis... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 2010. 556 s.
 15. Pavlov V.S. Izmeneniya v deyatelnosti sovetskoj prokuratury v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Innovacionnaya nauka. 2015. № 6. S. 196–198.
 16. Na strazhe Zakona / sost. T.M. Val'yannikova; vstup. st. A.I. Ponomareva. Voronezh: Tvorcheskoe ob"edinenie «Al'bom», 2005. 352 s.
 17. Bobrovskij S.S. Stanovlenie i razvitie territorial'nyh organov prokuratury SSSR v Central'nom Chernozem'e (1934–1953 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Kursk, 2003. 217s.
 18. Istoriya prokuratury Orlovskoj oblasti: sbornik / otv. red. D.P. Tyupin]. Orel: Tip. «Trud», 1997. 156 s.
 19. Pecherskij V.A. Deyatel'nost' prokurorskih organov Krasnoyarskogo kraja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Gumanitarnyj vektor. Ser. Istoriya. Politologiya. 2016. Tom 11. S. 24–34.
 20. Bagautdinov F.N. Prokurory Tatarskoj respubliky (1922–1946 gg.). Kazan': Akad. nauk RT [i dr.], 2014. 275 s. (Seriya «ZHizn' zamechatel'nyh yuristov»).
 21. Bagautdinov F.N. Prokuratura TASSR v gody vojny // Nauchnyj Tatarstan. 2015. № 2. S. 72–91.
 22. Valiev A.H. Zapiski voennogo prokurora. Kazan': Matbugat jorty, 2000. 136 s.
 23. Malikov A.A., Latyshev A.N., Mulayanov SH.N. Na strazhe poryadka. Kniga pervaya. MVD Respubliki Tatarstan. Kazan': RIC «Liana», 1997. 256 s.
 24. Grebenkin M.YU., Mironov S.N. Deyatel'nost' organov vnutrennih del Tatarstana v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. Т. 10, № 3. S. 256–263.
 25. Central'nye organy gosudarstvennoj vlasti i upravleniya Tatarstana (1920–2010 gg.): Nauchno-spravochnoe izdanie. Kazan': Institut tatarskoj enciklopedii i regionovedeniya AN RT, 2017. 312 s.
 26. 25 let Tatarskoj ASSR. 1920–1945. Kazan': Tatgosizdat, 1945. 104 s.

Об авторах: Кабирова Айслу Шарипзяновна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ
e-mail: aikabirova@mail.ru

Кабиров Дмитрий Эрнстович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России
e-mail: kabirov64@inbox.ru

© Кабирова А.Ш., 2020

© Кабиров Д.Э., 2020

Статья получена: 10.02.2020. Статья принята к публикации: 18.03.2020.

Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

About the authors: Kabirova Aislu Sh., Doctor of History (Doctor habilitatus), Associate Professor, Leading Researcher, the Gubkin Institute of History Named after Sh. Mardjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Kabirov Dmitry E., Candidate of History (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of State and Law Disciplines of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Р.Ф. Набиев

**ПОБЕДА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ИДЕОЛОГЕМА
И АРЕНА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ
(ФАКТЫ ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ)**

**VICTORY IN THE SECOND WORLD WAR:
THE IDEOLOGEME AND THE ARENA OF POLITICAL
CONFRONTATION
(FACTS AGAINST FRAUD)**

Введение: в статье автор представляет перечень основных направлений идеологических нападков на историю нашего Отечества, а также несостоятельность доказательств, направленных на принижение роли СССР в победе над гитлеровским фашизмом.

Материалы и методы: на основе объективного статистического материала и сопоставления сведений различных сторон, участвующих в идеологическом противостоянии, автор активно применяет сравнительно-исторический метод в совокупности с рядом иных общенаучных методов.

Результаты исследования: при изучении фактического материала заявления о приоритетной роли западных союзников в победе над Германией оказываются ложными. Критики военной и экономической мощи СССР применяют весь спектр искаженной информации. В сложившейся ситуации необходимо противопоставить им объективные факты.

Обсуждение и заключения: автор статьи приходит к выводу о необходимости обращения к эффективным средствам политического и информационного противостояния нашим оппонентам.

Ключевые слова: история, Великая Отечественная война, победа, роль СССР, информационное противостояние, политработник, специальная подготовка

Для цитирования: Набиев Р.Ф. Победа во Второй мировой войне: идеологема и арена политического противостояния (факты против фальсификаций) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 19 – 24. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.002

Introduction: the author gives the list of the main paths of ideological harassments on the history of Russia; the invalidity of the evidence aimed at understatement of the role of the USSR in the victory over fascism.

Materials and Methods: basing on the objective statistics and comparison of the data of various parties that took part in the ideological opposition, the author actively used comparative historical method in combination with other general academic methods.

Results: when studying factual material, the statement on the western allies in the victory over Germany were proven to be false. Reviewers of the military and economic power of the USSR use the full range of distorted information. Under these circumstances it was needed to set against them objective facts.

Discussion and Conclusions: the author concludes that it is necessary to use effective means of political and informational opposition to our opponents.

Keywords: history, World War II, victory, the role of the USSR, information confrontation, political worker, special training

For citation: Nabiev R.F. Victory in the Second World War: the Ideologeme and the Arena of Political Confrontation (Facts Against Fraud) // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 19 – 24. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.002

...*Ответом на эту ложь станет правда.*

В.В. Путин

Введение

На протяжении длительного периода с момента распада СССР Российская Федерация подвергается непрерывному массивному информационному и идеологическому давлению. К сожалению, зачастую современные отечественные политологи не в состоянии оказать должное противодействие этой агрессии средств массовой информации, забывая о том, что правда и справедливость – самые сильные аргументы.

Отсутствие позитивной идеи и идеологии, а также смена элиты коренным образом ослабили российскую историческую политику, следствием чего явилось создание комиссии по борьбе с фальсификацией истории. В результате системного поражения в идеологической сфере наблюдаются проявления интеллектуальной и духовно-нравственной деградации молодежи. Эта беззащитная среда легко поражается вирусом системной лжи. Социологические исследования выявили, что враждебная пропаганда затрагивает в широких массах базовые понятия гражданственности, чести и стремления к саморазвитию [1; 2].

Сегодня мы являемся очевидцами развернувшихся в Интернете дискуссий на тему Великой Отечественной войны и подвига советского народа. Эмоциональные реплики патриотов нередко выглядят беспомощными против «аргументированных» выпадов прозападных критиков. В то же время включение в дискуссию людей старшего поколения полностью рушит «содержательную» часть положений, выдвигаемых критиками. Полагаем, что причиной тому является политическая подготовка, которой в прежние годы охватывалось практически все население СССР. Советская система политического просвещения обладала огромным потенциалом профессиональных политработников, которые активно и наступательно работали с разными категориями населения.

Успех советской пропаганды в значительной мере определялся успехами СССР в экономике, искусстве и военном деле. Население помнило, что, несмотря на войны, вопреки внешнему давлению, страна сделала скачок в техническом развитии и благосостоянии, образец стойкости и нестяжательства представляло в большинстве своем руководство на местах.

При укреплении позиций СССР и соцстран в мире укреплялась политика разрядки международной напряженности. На основе увековечения итогов Второй мировой войны развивалась интеграция мировой системы социализма, поэтому велика была и действенность пропаганды и агитации.

С распадом мировой системы социализма начался ускоренный передел мира. Поэтому так важно было для мирового олигархата уничтожить идейные основы, на которых базировалось послевоенное мироустройство (ООН, ОБСЕ, признание нерушимости послевоенных границ и др.). Необходимо прежде всего осознать, что путем умаления нашей победы в Великой Отечественной войне, военных заслуг наших предков идейный противник подрывает основы российской государственности, способствует разжиганию протестных и экстремистских настроений и очередного передела мира и финансовых потоков.

Материалы и методы

При работе над статьей мы опирались на отечественные исследования середины XX в., а также работы зарубежных историков, политиков, общественных деятелей этого периода. Именно взаимная верификация разнородных по происхождению материалов заложена автором в основу методики при написании данной статьи.

Результаты исследования

В настоящее время активная западная пропаганда, направленная на дискредитацию Советского Союза как страны-победительницы во Второй мировой войне, сориентирована на следующие основные направления:

1. Критика социалистического строя, роли компартии и системы воспитания молодежи.
2. Критика личности лидера и командования.
3. Ложь о природе и начале войны.
4. Чрезмерное восхваление качеств немецкой армии.
5. Навязывание антисемитских настроений.
6. Возвеличивание военных заслуг союзников и принижение значения побед Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА).
7. Завышенная оценка военно-экономической помощи «союзников».
8. Расовая и культурная неполноценность народов СССР и его союзников.
9. «Имперский, захватнический» характер внешней политики СССР.
10. Критика вооружения СССР.
11. Пропаганда расизма и национализма (формально отмерла).
12. Принижение боеспособности РККА (заградотряды, комиссары).

Каждое из вышеуказанных направлений требует отдельного рассмотрения в объеме большой статьи или монографии. В формате нашей статьи мы рассмотрим контраргументы лишь по двум положениям, и только в самой общей, тезисной форме.

1. Принижение вклада Советского Союза в общую победу над странами «оси». Западные

теоретики утверждают, что реальный вклад «союзников» был большим, чем вклад СССР, т.к. они воевали на различных театрах военных действий уже с 1939 года и нанесли больше поражений войскам агрессивного блока, взяли больше пленных солдат и генералов.

Наши аргументы: боевой вклад нашей страны следует оценивать по следующим параметрам:

а) по времени. Боевые действия со странами «оси» начались до 1939 года: наша страна вела войну с фашистами с 1936 года, помогая Испании против испанских фашистов, Китаю – против Японии, разгромив японцев на Хасане и Халхин-Голе, входя в прямое боевое соприкосновение с гитлеровцами в сентябре 1939 года на территории Польши (Брест, Белосток, Львов...). При этом советскому командованию удалось избежать втягивания в большую войну, «увернувшись» от англо-американских провокаций;

б) количественные показатели. Уступая «союзникам» по количеству театров военных действий, СССР многократно превосходил их по силам и средствам, задействованным в войне. Так, осенью 1942 года англо-американские войска в Африке (примерно 30 дивизий – 220 тыс. чел.) противостояли итало-германским войскам (115 тыс. чел.). В это же время на восточном фронте с каждой из сторон было задействовано свыше 6 млн чел. Против СССР был мобилизован потенциал всей Европы. Безвозвратные боевые потери каждой из сторон на Восточном фронте оценивались к маю 1945 года в 9 – 11 млн чел. Общие потери СССР оказались катастрофическими – около 30 млн чел. Тем не менее, на Западе регулярно появляются произведения, подобные заголовкам Би-Би-Си: «Эль-Аламейн: 70 лет битве, изменившей ход Второй мировой». Без особых доказательств провозглашается, что разгром под Сталинградом был позже: «Спустя всего три месяца после победы в Африке ... в Сталинграде капитулировала 6-я германская армия.... Это [сражение]... по масштабам [...] сопоставимое со Сталинградом». Заметим, это традиционный стиль Би-Би-Си¹. Без приведения цифр можно ответить словами У. Черчилля, который спустя год, в ноябре 1943 года, назвал непревзойденным подвиг сталинградцев, вручая для них от имени английского народа И.В. Сталину знаменитый «золотой» меч.

В 2018 году общие идеологические усилия противников были сосредоточены на пропаганде высадки союзников в Нормандии (156 тыс. военных при поддержке 195 700 моряков)². Это действительно крупнейшая десантная операция в истории, однако не следует забывать, что она проводилась в период грандиозной наступательной кампании советских войск («10 сталинских ударов»), в ходе которой гитлеровцами были направлены на Восток почти все боеспособные части. В 1944 году Советской Армией было разгромлено 136 лучших дивизий противника, уничтожено 70 дивизий; из числа союзников Гитлера выведены Болгария, Румыния, Финляндия. В целом советские войска уничтожили от 75 до 80% гитлеровских войска³.

Действующая армия израсходовала в ходе войны свыше 10 млн т боеприпасов⁴. Полевая артиллерия союзников в Европе за год израсходовала снарядов меньше, чем наша в одной только Курской битве (примерно в три раза).

Протяженность советско-германского фронта составляла от 3000 до 6200 км, Североафриканского и Итальянского – 300-350 км, Западного – 800 км. По сведениям западных исследователей, на советско-германском фронте Германия и ее союзники потеряли более 70% личного состава, 75 % авиации, 74% артиллерии и 75% танков и штурмовых орудий⁵.

Говоря о совокупном военном потенциале, можно привести их же оценку. Планируя нападение на советские войска весной 1945 года, британцы пришли к выводу о невозможности победы в открытом противостоянии, т.к. опытные сухопутные войска и ВВС СССР более чем вдвое превосходили совокупные силы всех западных союзников.

Количество взятых союзниками в плен немецких военнослужащих (около 8 млн) в реальности говорит о другом: о категорическом нежелании немцев гибнуть на Восточном фронте и стремлении сдаться более «гуманным» англо-американцам, т.к. они не испытали таких страданий, как советские люди или поляки. Английский исследователь Энтони Бивор отмечал настроения немцев после открытия второго фронта: «Почти все части СС были брошены против Красной Армии... Большинство же

¹ Эль-Аламейн: 70 лет битве, изменившей ход Второй мировой. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2012/11/121104_alamein_anniversary (дата обращения: 19.12.2019).

² Высадка в Нормандии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Высадка_в_Нормандии (дата обращения: 19.12.2019).

³ Снабжение вооружением и боеприпасами в годы ВОВ. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=11507> (дата обращения: 19.12.2019).

⁴ Там же.

⁵ Масловский Л. Как СССР спас западную коалицию от уничтожения Гитлером. URL: <http://www.politonline.ru/provocation/22891491.html> (дата обращения: 19.12.2019), Норман Дэвис (Norman Davies). Война, которую выиграли не мы, а... русские. URL: <https://inosmi.ru/world/20061107/230922.html> (дата обращения: 19.12.2019).

частей Вермахта были только рады сдаться американцам до прихода советских войск»¹.

Американский военный ученый Ф.С. Погью писал о втором фронте весной 1945 года: «Части противника уклонялись от боя и ждали случая оказаться обойденными. ... даже в критические для рурской группировки дни верховное немецкое командование за счет своей западной группировки усиливало фронт на востоке против советских войск» [3].

Реальный второй фронт в Европе союзники открыли ко времени раздела имущества сломленного противника. Народы СССР помнят о том, что первые годы войны единственным реальным вторым фронтом в Европе была лишь югославская армия. К сожалению, сейчас об этом почти все забыли, а она оттягивала на себя до 20 расчетных дивизий немцев и их сателлитов.

Давая оценку вклада СССР в победу над фашизмом, следует упомянуть и слова У. Черчилля и Ф. Рузвельта о решающем вкладе русского народа;

в) критика нашего оружия. Еще во время освобождения Европы повсеместно население освобождаемых стран повторяло легенды о победоносных американских танках и пушках Советской Армии. Они, как правило, удивлялись, не встречая таковых в передовых частях. Однако мы видим противоположную системную картину: в конструкции послевоенных американских танков Т-43, М-103, М-48 (Паттон III) качественно изготовленную и доработанную копию ИС-2². Эффективное массовое применение реактивной артиллерии при высадке десанта в Нормандии обязано полученной от СССР лицензии на специальный порох для ракет, переданный американцам, также им была передана документация на танки Т-34 и ИС-2. А демонстрация танков ИС-3 на параде по случаю победы во Второй мировой войне произвела на западных специалистов шокирующее впечатление.

Немцы в ходе войны быстро копировали и перерабатывали лучшие советские модели вооружения (танки Т-34, ИС-2; пушки 76-мм, 122-мм и

даже пресловутая «сорокопятка»³; винтовка СВТ, ППС, ППШ).

Наиболее обоснованным видится нам положение о значительной экономической помощи, оказанной нам союзниками в годы Великой Отечественной войны.

В одной из зарубежных статей говорится, что «на Тегеранской конференции в 1943 году И. Сталин сказал Ф. Рузвельту: «Без американской промышленности Объединенные Нации никогда не смогли бы выиграть эту войну» ... почему же официальная советская пропаганда никогда не говорила, что "проклятые американцы" фактически спасли наших дедов. Почему эти поставки фактически были засекречены до 1992 года?»⁴. Это заявление рассчитано на несведущего человека. Интересующиеся историей всегда знали о ленд-лизе и с благодарностью его вспоминали. Фраза, приписываемая И.В. Сталину, сомнительна, т.к. не соответствует исходному предвоенному потенциалу, к тому же реальный разговор с президентом США происходил без свидетелей в советском посольстве.

При этом важность этих поставок для разрушенной в 1941 году советской экономики никем не отрицается. Особо значимыми оказались поставки продуктов, грузовых автомобилей (163%), самолетов и материалов для авиапромышленности, локомотивов (240%), вагонов (1020%)⁵. По мнению автора статьи, одним из самых значимых событий была поставка пенициллина, спасшего миллионы раненых. Но говорить о «решающем вкладе» этой помощи было, по меньшей мере, некорректно. И вот по каким причинам.

1. Определенная часть предназначенного СССР имущества не дошла до наших портов. Часть кораблей потопили немцы и японцы, часть оставили у себя англичане. Часть осталась на складах без применения. Некоторая часть оружия оказалась низкосортной⁶.

2. В самые сложные для нас месяцы отступления 1941 и 1942 годов поставки были сокращены до минимума.

¹ Бивор Э. Вторая мировая война. URL: <https://iknigi.net/avtor-entoni-bivor/77550-vtoraya-mirovaya-voyna-entoni-bivor/read/page71.html> (дата обращения: 19.12.2019).

² Мертворожденные. Американские тяжелые танки Т30 и Т34. Ч.2. URL: <http://alternathistory.com/myortovorozhdyonnye-amerikanskie-tyazhyoly-e-tanki-t30-i-t34-chast-ii/> (дата обращения: 19.12.2019).

³ Испанцы начали ее изготовление в 1944 году, когда в СССР ее сняли с производства.

⁴ Эль-Аламейн: 70 лет битве, изменившей ход Второй мировой. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2012/11/121104_alamein_anniversary (дата обращения: 19.12.2019).

⁵ Ленд-лиз в цифрах и фактах. URL: <https://leon-rumata.livejournal.com/3550607.html> (дата обращения: 19.12.2019), Ленд-лиз. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ленд-лиз> (дата обращения: 19.12.2019), Ленд лиз. URL: <https://leonrumata.livejournal.com/3550607.html>. URL: <https://leon-rumata.livejournal.com/3550607.html> (дата обращения: 19.12.2019), Тайны Ленд-Лиза и Второй мировой: вклад западного фронта в победу СССР. URL: https://list15.net/mir/tajny-lend-liza-i-vtoroj-mirovoj-vklad-zapad-nogo-fronta-v-pobedu-sssr?utm_source=24smi&utm_medium=cpc&utm_term=14013&utm_content=2612849&utm_campaign=14161&start=29 (дата обращения: 19.12.2019), Чаплыгин А. Значение ленд-лиза для СССР. URL: https://историк.рф/special_posts/значение-ленд-лиза-для-ссср/ (дата обращения: 19.12.2019).

⁶ Снабжение вооружением и боеприпасами в годы ВОВ. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=11507> (дата обращения: 19.12.2019).

3. В течение всей войны союзники через третьи страны поставляли критически важные товары гитлеровской Германии и Японии (особенно вольфрам, молибден, бензин), а их концерны, размещенные в Европе, продолжали работать на Гитлера. С гитлеровской Германией и японцами во время войны работали фирмы Shell, General Electric и даже Coca Cola.

4. Другие страны также оказывали СССР большую помощь. Так, например, Монголия безвозмездно передала только лошадей более 1 000 000 голов.

5. Обратный ленд-лиз: например, с Англией СССР рассчитывался строевым лесом, мороженой рыбой, технологиями.

6. Совокупные поставки по ленд-лизу оценивались от 2,2% до 4% от производства СССР, и советскими идеологами порой оценивались как не представлявшие существенной доли. Необходимо отдать должное реальной помощи наших союзников. Действительно, грандиозные по масштабу и скорости стратегические операции 1944-1945 гг. были бы невозможны без массового насыщения войск грузовым автотранспортом. Однако управляли этими поставленными нам танками и самолетами и гибли не их граждане, а наши; развивалась не наша промышленность, а их; богатели их финансово-промышленные монополии.

Напомним, что Ф. Рузвельт в разговоре обещал списать Советскому Союзу задолженность по ленд-лизу за участие в Японской кампании. Разумеется, Д. Эйзенхауэр, придя к власти, об этом «не знал». Этот прием повторялся ими не раз и в последующем: обещание не расширять НАТО, не вмешиваться в Афганистан, договоренности по ракетам...

Самое главное в ином: нам в принципе не понадобился бы ленд-лиз, если бы не интриги «союзников», многие годы направлявших гитлеровскую агрессию на нашу страну. Об этом неоднократно и все более определенно говорил Президент РФ В.В. Путин с ноября 2019 г., лично пересмотревший важнейшие документы архивов. В ходе Великой Отечественной войны «союзники» неоднократно оказывали «содействие» фашистам разведанными и агентами против нас. Не потому ли только США (и Украина) проголосовали против осуждения пропаганды фашизма на генассамблее ООН 15.11.2019?

На краю пропасти наша страна оказалась благодаря многолетним интригам англосаксов, которые, в свою очередь, продолжили многовековую

политику стравливания между собой европейских стран. Прекрасной иллюстрацией сказанного служит сообщение французского посланника об английской политике вооружения Московии еще в середине XVI века: «... прибыл посол короля московитов ...и король Филипп снабдил его всякого рода оружием, оборонительным и наступательным и даже мастерами с целью дать им средства, чтобы одержать верх над землей султана, против которой он их настроил и возбудил...»¹.

Лучше всего характеризует состояние экономики СССР документ, подготовленный английским генштабом в рамках проекта «Немыслимое». Они пришли к выводу, что советская экономика в состоянии была справиться с трудностями новой возможной войны против намечавшегося уже весной 1945 года нового блока англоамериканцев и немцев.

Таким образом, положения о преимущественном вкладе западных союзников в победу в Великой Отечественной войне безосновательны.

Обсуждение и заключения

В своем стремлении принизить роль народов СССР в разгроме гитлеровского фашизма наши стратегические оппоненты применяют весь спектр искаженной информации – от лжи и избирательно отобранных фактов до массивированного непрерывного потока откровенной лжи, ответы на которую блокируются СМИ и спецслужбами.

Современные российские СМИ, зачастую некритически воспринимая преподносимую нашими «партнерами» ложь, как правило, не отдают себе отчета в том, что имеют дело с системой тщательно подобранных фальсифицированных фактов, нацеленных на подготовку «слепых марионеток».

В связи с вышеизложенным полагаем, что в целях эффективного противостояния информационной агрессии, направленной в адрес нашей страны, необходимо обратиться к опыту института профессиональных политработников. Современная российская армия уже осуществляет переход к возрождению института политработников. Обратившись к истории, напомним, что в 1948 году в Казани было развернуто высшее политическое училище МВД. Традиции идейного противоборства имеют в нашем регионе значительные по времени традиции (опыт министров С.Н. Круглова и Ш.З. Ченборисова), а квалифицированные кадры еще способны наладить политическую пропагандистскую работу, которая является мощным средством профилактики преступности.

¹Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А.М. Курбским в 1569 году. URL: //www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Austria/XVI/1560-1580/Cyrus/text.phtml?id=2037 (дата обращения: 19.12.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лисаускене М.В. Молодые сибиряки: жизненные ценности и модели поведения «поколения Z» (опыт исследований молодежи Иркутской области в 1991, 2013, 2018 гг.) // *Siberian Socium*. 2019. Том 3. № 1. С. 46-60.
2. Немировский В.Г. Представления населения Красноярского края о смысле жизни: структура и динамика (1991-2016 гг.) // *Siberian Socium*. 2018. Том 2. № 1. С. 20-40.
3. Погью Ф.С. Верховное командование. М.: Воениздат, 1959. 528 с.

REFERENCES

1. LISAUSKENE M.V. Molodye sibiryaki: zhiznennyye cennosti i modeli povedeniya «pokoleniya Z» (opyt issledovaniy molodezhi Irkutskoj oblasti v 1991, 2013, 2018 gg.) // *Siberian Socium*. 2019. Tom 3. № 1. S. 46-60.
2. Nemirovskij V.G. Predstavleniya naseleniya Krasnoyarskogo kraya o smysle zhizni: struktura i dinamika (1991-2016 gg.) // *Siberian Socium*. 2018. Tom 2. № 1. S. 20-40.
3. Pog'yu F.S. Verhovnoe komandovanie. M.: Voenizdat, 1959. 528 s.

Об авторе: Набиев Рустам Фанисович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России
e-mail: nabiev_bulg@mail.ru

© Набиев Р.Ф., 2020

Статья получена: 23.12.2020. Статья принята к публикации: 18.03.2020.

Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

About the author: Rustam F. Nabiev, Doctor of History (Doctor habilitatus), Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

А.М. Валиев

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
ОСНОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН**

**FOUNDATIONS FOR SOCIAL POLITICS
IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN**

Введение: статья посвящена рассмотрению особенностей исторической эпохи, в которой происходило формирование основ современной социальной политики в субъекте Российской Федерации – Республике Татарстан.

Материалы и методы: материальную основу исследования составили: официальная документация, материалы Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан; опубликованные документы органов власти и управления СССР, Российской Федерации и Республики Татарстан (законы, указы, постановления, программы и т.д.); данные статистики, содержащие показатели хозяйственного и социального развития республики (сборники и журналы Госкомстата и других служб статистики Российской Федерации и Республики Татарстан; материалы республиканских и федеральных печатных средств масс-медиа за 1989-1996 годы (газеты «Правда», «Известия», «Советская Татария» («Республика Татарстан») и другие).

В качестве теоретико-методологической основы статьи послужили универсальные научные принципы диалектической методологии познания, адаптированные для исторического анализа. В совокупности ретроспективный, статистический, структурно-системный, сравнительно-исторический (компаративный) методы и метод периодизации были реализованы в работе в соотношениях, в наибольшей степени отвечающих решению исследовательских задач. Автор исходил также из идеи научного плюрализма – неперемного условия достижения всесторонней объективной картины исследуемых явлений и процессов.

Результаты исследования: в статье исследуются некоторые аспекты законодательного и организационного формирования в Республике Татарстан социальной политики в период перехода от командно-административной к рыночной системе управления экономическим развитием. Автор статьи утверждает, что основы этой социальной политики были заимствованы из программных документов, разработанных в недрах Правительства СССР 1989-1990 годов.

Обсуждение и заключения: в статье делается вывод, что в Республике Татарстан в переходный период конца 1980-х – начала 1990-х годов одной из главных особенностей стало проведение активной социальной политики, благодаря которой рыночные преобразования в Татарстане получили в историографии название «модель Татарстана».

Ключевые слова: *государственное регулирование социального развития, экономика переходного периода, «мягкое вхождение» в рыночную экономику, радикально-либеральная трансформация, механизмы активного социального регулирования, «модель Татарстана»*

Для цитирования: Валиев А.М. К вопросу о формировании основ социальной политики в Республике Татарстан // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 25 – 30. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.003

Introduction: the article is devoted to features of the historical epoch of Foundations for Bases of Social Politics of the Republic of Tatarstan, a constituent part of the Russian Federation.

Materials and Methods: the official documentation, the Central State Archive of history and political documents of the Republic of Tatarstan, published documentation of USSR governing bodies, the Russian Federation and the Republic of Tatarstan (laws, decrees, enactments, programmes etc.); statistics on agricultural and social development of the Republic of Tatarstan (collected volumes and Federal Public Statistics Service periodicals and other services of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan; issues of republican and federal printed mass-media: Tatarstan newspapers "Pravda" ("The Truth"), "Izvestia" ("News"), "Sovetskaya Tatariya", or "The Republic of Tatarstan" ("Soviet Tatarstan") (1989-1996) were taken as the basis.

Universal academic principles of dialectical cognition methodology suited to historical analysis were theoretical and methodological basis for the article. Retrospective, statistical, structural-systemic, comparative historical methods and the periodization method taken together in the combinations to resolve research tasks were used. The author worked within the boundaries of academic pluralism, immediate condition to obtain the true and objective picture of the phenomena and processes under the study.

Results: the article investigated certain aspects of legislative and administrative formation of social policy of the Republic of Tatarstan in the change from command-and-control to the market system of economic development governance. The author stated that the base for the social policy was taken from the policy papers elaborated in the Government of the USSR in 1989-1990.

Discussion and Conclusions: the article concludes that one of the main features was the active social policy due to which market reforms in Tatarstan received the title "Tatarstan model" in the transition period of the late 1980s and early 1990s.

Key words: state regulation of social development, transitional economy, "soft entry" into market economy, radical-liberal transformation, mechanisms of active social regulation, "Tatarstan model"

For citation: Valiyev A.M. Foundations for Social Politics in the Republic of Tatarstan // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 25 – 30. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.003

Введение

В последние три десятилетия Республика Татарстан является одним из наиболее передовых субъектов Российской Федерации как по экономическому, так и по социальному развитию. Согласно оценкам Правительства Российской Федерации и независимым рейтингам, в том числе международных организаций, в Республике Татарстан созданы, поддерживаются и развиваются благоприятные условия для жизнедеятельности граждан и субъектов хозяйствования.

Нельзя не признать, что основы этого благополучия закладывались в советский период истории, когда в Татарской АССР были созданы целые отрасли промышленности и научные центры. В то же время практически весь инфраструктурный потенциал республики создавался и функционировал в целях выполнения общесоюзных задач: находящиеся на территории региона промышленные мощности входили в единую индустриальную систему СССР и являлись звеньями в длинных технологических цепях. Так обеспечивались экономическое единство страны, самодостаточность советской экономики и сбалансированность уровней развития регионов Советского Союза. К примеру, выпуск одного грузовика Камского автомобильного завода в г. Набережные Челны требовал использования продукции 1800 внерегиональных предприятий, то есть практически вся страна работала на выпуск одной машины.

Поэтому после распада СССР, когда прервались хозяйственные связи между предприятиями, в рамках рыночной перенастройки республиканской экономики в начале 1990-х годов потребовалась разработка и реализация мер не только по сохранению промышленности, но также по загрузке производственных мощностей и сохранению трудовых ре-

сурсов. Трансформационные процессы в экономике вывели на повестку дня огромное количество социальных вопросов, требующих своего безотлагательного решения.

Для региона, обладавшего экономическим базисом, не уступавшим базису республик Советского Союза, имевшему немало выгодных особенностей в производственной и социально-демографической структурах, не представлялось возможным безусловное следование федеральному курсу. Поэтому вполне логичным видится многолетнее стремление Республики Татарстан к большей экономической и политической самостоятельности.

В 1989-1990 годах в ТАССР отрабатываются механизмы экономического самоуправления на базе так называемого «регионального хозрасчета», который стал своего рода «школой рынка». Уже с 1990 года в республике начинается активное формирование оригинальной концепции социально-экономических преобразований, основанной на приоритете региональных ценностей, а также на построении социального рыночного хозяйства. Таким образом, была воспринята современная идеология государственного развития, стоящая на вооружении в странах Европейского союза и утверждающая, что без гуманизма, гуманитарной идеи, социальной защиты личности невозможно в современном цивилизованном мире построение гражданского общества, демократии и достижение высокого уровня социально-экономического развития.

Построение рыночной экономики является составной частью процесса демократизации общественной жизни; демократизация, в свою очередь, предполагает обязательный учет мнения граждан. Поэтому в демократическом обществе проведение экономических преобразований без социальной защиты населения от их издержек – это путь, гу-

бительный для государственной политики, приводящий к утрате основы ее легитимности, а также вредный для репутации идеологии рыночных и демократических преобразований.

В то же время формирование социальной политики – сложный процесс, связанный с экономическим развитием и зависящий от него. Решение многих вопросов, назревающих в социальной сфере, определяется не только мерами непосредственно социального характера, но и в значительной степени общеэкономической и финансовой политикой государства.

Значительная роль субъектов Российской Федерации в развитии государственности и общества придает актуальность и востребованность исследованиям, посвященным транзитивным процессам в их региональном преломлении. Особенностью страны является различие ее субъектов не только по условиям и уровню экономического развития, но и по зрелости региональной социальной политики. Республика Татарстан в этом отношении – один из наиболее самобытных, а потому интересных для изучения субъектов Российской Федерации.

Результаты исследования

Основой государственного регулирования социального развития и уровня жизни населения является формирование и реализация соответствующего законодательства. В экономике переходного периода социальные проблемы всегда приобретают обостренный характер, поэтому от того, насколько своевременными являются мероприятия органов власти по их законодательному обслуживанию, во многом зависит общий успех преобразований. По замечанию идеолога «мягкого вхождения» в рынок вице-преьера Правительства СССР с 17 июля 1989 года по 26 декабря 1990 года Л.И. Абалкина, «система государственного регулирования должна включать и мощный инструмент социальной защиты населения»¹.

На всем постсоветском пространстве в начале 1990-х годов обозначились два направления построения экономики рыночного типа, предполагавшие также специфические модели социального развития, – радикально-либеральное и регулируемое. Общества, избравшие путь радикально-либеральной трансформации, как правило, характеризуются пренебрежительным отношением к принципам социальной справедливости.

Несмотря на появление в России специального ведомства (вместо Министерства социального обеспечения РСФСР) – Министерства социальной защиты Российской Федерации, обязанного

курировать вопросы социальных издержек экономической реформы 1990-х годов, эффективность государственной политики в этой сфере оставляла желать лучшего. Российские средства масс-медиа в то время практически единогласно ретранслировали мнение, согласно которому принципы социальной справедливости являются «пережитком социализма», которым нет места в обществах с рыночной экономикой и либеральной демократией.

Республика Татарстан оказалась в числе немногих регионов бывшего СССР, чья реформационная политика предполагала наличие активной социальной составляющей. Неприятие широкой общественностью «шоковой терапии», нарастание негативных явлений в хозяйственной жизни, а также особенности хозяйственного комплекса вынуждали республиканское руководство при осуществлении программы рыночных преобразований заботиться о твердых социальных гарантиях населению.

Позиция республики заключалась в том, что продуманная инфраструктура рынка, помимо новой финансово-кредитной, валютной, ценовой политики, а также мероприятий по структурно-институциональной перестройке, должна включать в себя и механизмы активного социального регулирования. Призыв младореформаторов (Е.Т. Гайдара, А.Б. Чубайса и других) к россиянам смиренно перетерпеть временные невзгоды, их обещания за один-два года построить в стране новую экономику не встретили положительного отклика ни среди большинства граждан, ни среди властной элиты Татарстана. Поэтому уже с 1990 года в республике активно велась работа по выработке собственного адаптированного вектора социально-экономического развития.

Татарстанская экономика нуждалась в существенной социализации, переориентации хозяйственной деятельности в сторону удовлетворения насущных потребностей населения. Еще со времен внедрения принципов регионального хозрасчета в ТАССР (вторая половина 1980-х) проблемы социального переустройства и реформы продовольственного обеспечения обозначались в качестве приоритетных. Поэтому уже 31 августа 1990 года глава республиканского правительства М.Г. Сабинов, выступая перед депутатами Парламента республики, так объяснил суть будущей политики: «Набор экономических регуляторов должен быть направлен на создание надежной системы социальной защиты населения, особенно его малообеспеченных слоев... Механизм социальной защиты населения должен быть создан уже сейчас, без него любые шаги к рынку исключены»².

¹ Поворот к рынку (Почему потребовалась радикальная реформа экономики) // Известия. 1990. 11 апреля.

² О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике // Советская Татария. 1990. 2 сентября.

Главными функциями этой системы, наряду с обеспечением права на труд, должны были стать защита от инфляции, помощь экономически активному населению в поддержании уровня жизни, осуществление специальных программ для социально уязвимых категорий населения (пенсионеров и инвалидов).

Таким образом, в позиции Премьер-министра отразилась приверженность общесоюзной концепции рыночного реформирования, высказанной Председателем Правительства СССР 24 мая 1990 года на III сессии Верховного Совета СССР. Н.И. Рыжков тогда отметил: «При рыночной экономике нам будет необходима эффективная система социальной поддержки населения, особенно в переходный период, когда будут серьезно и быстро изменяться условия жизни»¹.

Уже к концу 1990 года несколькими инициативными группами в составе видных ученых и общественных деятелей республики на суд депутатов было представлено несколько альтернативных концепций развития Татарстана². Несмотря на расхождения по многим частным вопросам, разработчики этих программ сходились в одном – реформы в республике, обладавшей утяжеленной структурой хозяйства (с преобладанием добывающей, машиностроительной и обрабатывающей отраслей), надо осуществлять при эффективной системе социальной поддержки населения, особенно в начальный период.

Разработку социального блока программ авторам облегчило появление общесоюзного проекта «Основные положения концепции социальной защиты населения при переходе к регулируемой рыночной экономике», опубликованного в августе 1990 года³. По мнению многих специалистов, степень проработанности и масштаб охватываемых задач ставят этот документ в один ряд с наиболее значимыми среди созданных за время реформ. Не будет преувеличением отметить, что «Основные положения...» оказали определяющее влияние на характеристики социальной политики в Республике Татарстан.

«Основные положения...», созданные для общесоюзного применения, стали ориентиром для разработки и осуществления социально-экономической политики на региональном уровне. Татарстанское правительство по достоинству оценило значение этого документа и восприняло многие его положения в качестве руководства к действию.

Так, программные установки Правительства СССР Рыжкова-Абалкина получили отражение в татарстанской официальной идеологии реформ и в части экономического, и в части социального регулирования⁴. «Программа стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночным отношениям в Татарской ССР», принятая на III сессии республиканского парламента в декабре 1990 года, – яркий тому пример. Практически в основе каждого проекта программы, подготовленного группами специалистов под руководством И.Д. Грачева, В.Б. Ивашкевича, Р.С. Курчакова, Ф.Н. Фаткуллина и других⁵, лежали концептуальные принципы «Основных положений...», такие как борьба с безработицей, неизбежной спутницей любых рыночных реформ (группа Ф.Н. Фаткуллина⁶), реформа оплаты труда (группа Р.С. Курчакова⁷), формирование методологической базы учета уровня жизни населения, создание действенной системы социально-экономического управления и надзора (группы И.Д. Грачева⁸ и В.Б. Ивашкевича⁹).

«Программа стабилизации народного хозяйства...» стала своего рода стратегическим планом всех последующих мероприятий по реформированию республиканской системы социальных гарантий и получила дальнейшее развитие и конкретизацию в постановлении Парламента Республики Татарстан от 19 апреля 1991 года «О мерах по социальной защите населения Республики Татарстан»¹⁰, Соглашении между Правительством Республики Татарстан и республиканским Советом профсоюзов на 1991 год¹¹, законах Республики Татарстан «О занятости населения»¹², «Об индексации денежных доходов и сбережений граждан»¹³, в ряде других государственных актах.

¹ Об экономическом положении страны и концепции перехода к регулируемой рыночной экономике: доклад Н.И. Рыжкова на III сессии Верховного Совета СССР // Известия. 1990. 25 мая.

² Программа стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночным отношениям в Татарской ССР // Советская Татария. 1991. 22 января.

³ Основные положения концепции социальной защиты населения при переходе к регулируемой рыночной экономике (Проект Госкомтруда СССР) // Известия. 1990. 9 августа.

⁴ О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике // Советская Татария. 1990. 2 сентября.

⁵ Программа стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночным отношениям в Татарской ССР // Советская Татария. 1991. 22 января.

⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. Д. 2217. 162 л.

⁷ Там же. Д. 2215. 152 л.

⁸ Там же. Д. 2216. 91 л.

⁹ Там же. Д. 2214. 144 л.

¹⁰ О мерах по социальной защите населения Республики Татарстан: Постановление ВС ТССР от 19.04.1991 № 857-ХII // Советская Татария. 1991. 9 мая.

¹¹ Соглашение между Советом Министров ТССР и республиканским советом профсоюзов ТССР на 1991 год // Советская Татария. 1991. 30 апреля.

¹² О занятости населения: Закон ТССР от 26.11.1991 № 1297-ХII // Советская Татария. 1991. 12 декабря.

¹³ Об индексации денежных доходов и сбережений граждан в ТССР: закон ТССР от 23.12.1991 № 1356-ХII // Советская Татария. 1992. 7 января.

Таким образом, «Программа стабилизации...» положила начало формированию в Татарстане концепции, так называемого, «мягкого» рыночного реформирования, ставшей визитной карточкой республики в первой половине 1990-х годов под названием «модель Татарстана».

Избранный Республикой Татарстан путь перехода к рынку в некоторой степени шел вразрез с общероссийским радикальным курсом. Руководителей Татарстана в концепции «шоковой терапии» не устраивало то, что она не предполагала активного социального регулирования. «Люди могут вытерпеть много страданий, если они убеждены в глубине кризиса и верят, что суровые меры приблизят улучшение» – утверждал один из идейных вдохновителей «шока» экономист Андерс Ослунд [1, с. 51]. Как бы полемизируя с ним, президент Татарстана М.Ш. Шаймиев заявил: «Почему мы взяли за правило, что любые изменения в стране должны проводиться за счет народа?»¹, «к настоящему рынку нужно идти через повышение, а не понижение жизненного уровня людей»².

В Татарстане частично была воспринята формула развития, согласно которой регулируемый рынок состоит из нескольких взаимосвязанных элементов: конкуренции, экономического регулирования и продуманной системы социальной защиты граждан³.

Выступая на X сессии республиканского Парламента летом 1992 года, глава Правительства Татарстана М.Г. Сабилов определил платформу (столпы) социальной политики:

- регулирование доходов населения;
- целевая помощь социально наиболее уязвимым группам населения;
- содействие обеспечению занятости и поддержка безработных⁴.

Обсуждение и заключения

Республику Татарстан как один из наиболее индустриально развитых регионов страны не устраивали некоторые аспекты реформ, проводившихся в конце 1980-х – начале 1990-х годов сначала в СССР, а затем в Российской Федерации. Опираясь на Декларацию о государственном суверенитете Татарской ССР, Конституцию Республики Татарстан, а затем и Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами го-

сударственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан, региональное руководство выработало свою оригинальную, учитывающую местные национально-государственные интересы концепцию социально-экономического развития.

В противовес политике форсированного строительства капитализма, поддержанной Б.Н. Ельциным, в республике был провозглашен курс на постепенное, «мягкое» вхождение в рыночную экономику. Разработанные еще в недрах Правительства СССР, концептуальные основы построения социально-ориентированного рынка в адаптированном к условиям Татарстана варианте с 1991 года начали воплощаться в мероприятиях команды президента М.Ш. Шаймиева.

Решающее влияние на характеристики татарстанского политического курса во всех сферах жизнедеятельности общества оказал первый президент Татарстана М.Ш. Шаймиев. Как верно отметили авторы учебного пособия «История Татарстана», «принципиальная приверженность М.Ш. Шаймиева мирному разрешению любых, даже самых сложных общественных проблем, умение соблюсти баланс интересов снискали ему признание в республике и за ее пределами» [2, с. 252].

Недочеты федерального управления были в некоторой степени компенсированы формированием на региональном уровне собственных концепций эффективных взаимоотношений государства и человека. Политическая элита Республики Татарстан оказалась способной в достаточной степени сочетать свои собственные интересы с интересами и потребностями большинства населения, что помогло ей обеспечить лояльность граждан к проводимому курсу, легитимность преобразований. Таким образом, отсутствие активной заботы по отношению к гражданину в условиях перехода к рынку в позиции федеральной власти активизировало практическую деятельность в данном направлении на местах.

Результаты социологического опроса, проводившегося с 5 по 17 июня 1992 года в крупнейших городах и районах Татарстана, свидетельствуют, что более всего жителей республики волновали проблемы социального характера, связанные с конкретными мероприятиями по защите малоимущих, борьбе с преступностью, сдерживанию

¹ «Рынок – да. Но...» // Советская Татария. 1992. 18 января.

² В интересах многонационального народа Татарстана. Обращение Президента Татарстана М.Ш. Шаймиева в связи с Днем республики // Советская Татария. 1992. 29 августа.

³ Рынок: эмоции и реальность // Правда. 1990. 4 июня.

⁴ О мерах по социальной защите населения. Выступление Премьер-министра РТ М.Г. Сабирова на X сессии ВС РТ // Советская Татария. 1992. 11 июля.

роста цен, укреплению межнациональных отношений, предупреждению безработицы. При этом более 80 процентов респондентов выразили безусловную поддержку мероприятиям Правительства Татарстана по «смягчению» последствий российской ценовой либерализации, по стабилизации уровня жизни народа¹.

Вместе с тем следует отметить, что приоритетным направлением деятельности органов власти Республики Татарстан в рассматриваемый период являлись не только разработка идеологических основ социальной политики, укрепления ее экономической и правовой базы, но и должное организационное обеспечение этого процесса. Построение адекватной структуры органов государственного управления, ответственных за проведение указанной политики на всех уровнях,

было важнейшим условием реализации концепции социальной политики республики.

С самого начала рыночных преобразований в Татарстане началось формирование органов социального регулирования, призванных облегчить адаптацию людей к новым условиям жизни и обеспечить необходимую поддержку наиболее уязвимым категориям населения.

До настоящего времени системность в подходах к принятию и реализации государственных решений является характерной особенностью политической культуры государственных органов власти и управления Республики Татарстан, обеспечивая в большинстве случаев достижение поставленных целей наиболее эффективными способами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ослунд А. Шоковая терапия в Восточной Европе и России / пер. с англ. М.: Республика, 1994. 172 с.
2. История Татарстана: учебное пособие. Казань: ТаРИХ, 2001. 544 с.

REFERENCES

1. Oslund A. SHokovaya terapiya v Vostochnoj Evrope i Rossii / per. s angl. M.: Respublika, 1994. 172 s.
2. Istoriya Tatarstana: uchebnoe posobie. Kazan': TaRIH, 2001. 544 s.

Об авторе: Валиев Айдар Минеахметович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления органами внутренних дел Казанского юридического института МВД России
e-mail: aidar_v@mail.ru

© Валиев А.М., 2020

Статья получена: 04.02.2020. Статья принята к публикации: 18.03.2020.
Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

About the author: Valiyev Aidar M., Candidate of History (Research doctorate), Senior Lecturer, Department of Administrative Law, Administrative Activity and Administrative Organization of Law-Enforcement Agencies, the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

¹Что показал опрос. Настроения общественности в зеркале социологии // Советская Татария. 1992. 14 июля.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ, СЕТЕВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА И РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ КРИМИНОЛОГИИ И ДЕВИАНТОЛОГИИ DIGITALIZATION, NETWORKIZATION OF POST-MODERN SOCIETY AND THE DEVELOPMENT OF DIGITAL CRIMINOLOGY AND DEVIANTOLOGY

Введение: в статье анализируется состояние современного общества постмодерна в ситуации цифровой девиантзации социума. Новые глобальные вызовы требуют разработки интегрированного социально-технологического знания в предметном поле таких новых областей науки, как цифровая девиантология и цифровая криминология.

Материалы и методы: в статье предпринята попытка систематизировать положения новых теоретических работ по кибердевиантности и киберпреступности, обобщить материалы интернет-исследований. Собранные автором англоязычные и отечественные источники обработаны методом качественного контент-анализа.

Результаты исследования: цифровизация и сетевизация стали новыми измерениями социума. Наряду с прогрессивными переменами они породили невиданные возможности для хищений, мошенничества, взломов, насилия и других новых форм негативной девиантности в киберпространстве. В последние годы сформировалось предметное поле цифровой девиантологии и криминологии, которое лежит на пересечении девиантологии, криминологии, социологии, юриспруденции, семиотики, теории масс-медиа и других наук, в том числе математических. Для изучения киберпреступности и кибердевиантности исследователи обращаются к интегративным концепциям и подходам, широко используют не только бесконтактные методы сбора и обработки цифровой информации, но и вычислительные алгоритмы и аналитику больших данных.

Обсуждение и заключения: развитие цифровой девиантологии и криминологии закладывает теоретические основы для диалектичного моделирования причинно-следственных связей, построения адекватных реалиям цифрового мира прогностических моделей отклоняющегося поведения. Эвристические возможности цифровой науки значительно улучшают использование ограниченных правоприменительных ресурсов полиции и других силовых структур в деле обеспечения правопорядка и реализации социального контроля в XXI веке.

Ключевые слова: цифровизация, сетевизация, эпоха постмодерна, большие данные, цифровое общество, киберпреступность, кибердевиантность, цифровая криминология, цифровая девиантология

Для цитирования: Комлев Ю.Ю. Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 31 – 40. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.004

Introduction: the article analyses the state of current post-modern society under digital deviance of society. New global challenges require the development of integrated social and technological knowledge in the subject field of such new areas of the science as digital deviantology and digital criminology.

Materials and Methods: the author attempted to systemize principles of new theoretical works on cyberdeviance and cybercrime, generalize Internet-surveys. English and domestic sources collected by the author had been processed by qualitative content analysis.

Results: digitalization and networkization have become new dimensions of society. Along with progressive changes, they have created unprecedented opportunities for theft, fraud, hacking, violence and other new forms of negative deviance in cyberspace. In recent years, the subject field of digital deviance and criminology has formed, which lies at the intersection of deviance, criminology, sociology, law, semiotics, media theory and other sciences, including mathematics. To study cybercrime and cyberdeviance, researchers turn to integrative concepts and approaches, widely use not only contactless methods of collecting and processing digital information, but also computational algorithms and analysis of big data.

Discussion and Conclusions: the development of digital deviantology and criminology lays the theoretical foundation for dialectical modelling of causal relations, building predictive models of deviant behavior adequate to the realities of the digital world. The heuristic possibilities of digital science significantly improve the use of limited law enforcement resources of police and other law enforcement agencies in law enforcement and social control in the XXI century.

Key words: digitalization, networkization, post-modern era, big data, digital society, cybercrime, cyber-deviantry, digital criminology, digital deviantology

For citation: Komlev Yu. Yu. Digitalization, Networkization of Post-Modern Society and the Development of Digital Criminology and Deviantology // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 31 – 40. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.004

Введение

Технологии радикально меняют жизнь человечества и отдельно взятого человека. Середина прошлого века – это рубеж, с которого начинается компьютерная эра. Как известно, в 1941 году в США была разработана первая электронно-вычислительная машина «Марк I». Затем последовала серия ЭВМ: «Марк II, III, IV», ENIAC, EDVAC, IBM. В ноябре 1950 года коллектив под руководством академика С.А. Лебедева создал советскую ЭВМ – МЭСМ.

Изобретение компьютера – величайшее событие XX века, сопоставимое с появлением колеса, изобретением письменности, огнестрельного оружия, летательных аппаратов, с освоением космоса и покорением атома. Компьютеры и информационные технологии быстро и постоянно совершенствуются, широко внедряются в жизнь и деятельность человека во всех ее проявлениях. Компьютерные станции, а затем Интернет и социальные сети изменили общество постмодерна, в том числе мир криминальный.

В итоге технологических и социальных перемен происходит масштабная цифровая девиантзация социума. Появление новых и развитие «старых» проявлений кибердевиантности и особенно киберпреступности, потери, к которым они приводят, – это новые глобальные вызовы. Ответы на них может дать лишь интегрированное социально-технологическое знание, которое формируется в новом предметном поле таких областей науки, как цифровая девиантология и ее наиболее развитая часть – цифровая криминология.

Обзор литературы

Работа является продолжением серии публикаций автора по развитию девиантологии и криминологии как социологии преступности в интегративной парадигме применительно к новым социально-технологическим реалиям эпохи постмодерна (цифровизации и сетевизации), феноменам кибердевиантности и киберпреступности. Она подготовлена на основе изучения широкого круга новых англоязычных источников и исследований отечественных авторов, в том числе представленных

ных в свободном доступе на интернет-ресурсах. К числу фундаментальных исследований в области цифровой криминологии нужно отнести работы британских криминологов Мэтью Уильямса и Пита Бернапа (Cyberhate on Social Media in the aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and Big Data // The British Journal of Criminology), австралийских исследователей Грегга Стрэттона, Анастасии Пауэл и Роберта Кэмерона (Crime and Justice in Digital Society: Towards a 'Digital Criminology' // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy) и публикации других зарубежных ученых, а также российских социологов, девиантологов и криминологов.

Материалы и методы

В статье предпринята попытка систематизировать положения теоретических работ и обобщить материалы интернет-исследований в контексте цифровизации и сетевизации общества постмодерна и его цифровой девиантзации. Собранные автором материалы из англоязычных и отечественных источников обработаны с помощью метода качественного контент-анализа. Это позволило описать процессы цифровизации и сетевизации как новые измерения социума в эпоху постмодерна; специфику и различные проявления кибердевиантности и киберпреступности; методологию интернет-исследований, а также развитие новых интегративных областей социально-технологического знания – цифровую девиантологию и цифровую криминологию.

Результаты исследования

Хронология перемен в мире постмодерна такова, что, *во-первых*, в 50-е – 80-е годы происходит стремительное развитие элементной базы вычислительной техники, операционных систем и программного обеспечения, что многократно повышает мощность и быстродействие ЭВМ, емкость магнитных накопителей и технологические возможности для передачи цифровых данных. Эти сдвиги в технологиях приводят к удешевлению производства ЭВМ, их миниатюризации и персонализации при фантастическом росте вычислительного потенциала. Персональные компьютеры,

в итоге, становятся доступными для массового потребителя. За короткое время они завоевывают мир: получают широкое распространение не только в системах управления, исследовательских и образовательных организациях, государственных учреждениях, в деловых офисах, но и в повседневной жизни обычного человека.

Во-вторых, с 80-х годов XX века до нулевых годов XXI века идет процесс развития связанных между собой компьютерных станций от частных и ведомственных закрытых сетей до открытой повсеместно объединяющей по каналам связи компьютеры и компьютерные сети в глобальную информационную систему Интернет. С появлением первого текстового браузера в 1991 году, а затем графического браузера в 1993 «глобальная сеть» становится потенциально общедоступной различным пользователям, предоставляя им практически неограниченные возможности для создания, накопления, передачи, получения текстовых, графических, аудио- и видеоданных в цифровой форме.

Современные черты Интернет приобретает к 1995 году после создания системы гипертекста (World Wide Web), «дружественных» браузеров для операционной системы Windows и удобных для пользователей сервисов. Он взрывообразно завоевывает мировую популярность, поскольку эффективно связывает и объединяет миллионы обычных людей по всему миру как постоянных пользователей гигантской цифровой библиотеки, осуществляющих почтовую переписку, online-общение в чатах, электронные покупки, обучение и развлечения. В последующем новые программные продукты и системы online-доступа к Интернету с мобильных сотовых телефонов и других устройств многократно расширяют круг пользователей «мировой паутины». В настоящее время большинство пользователей предпочитает выходить в Интернет с мобильных устройств. К концу 2018 года в мире было зафиксировано 5,3 млрд мобильных подключений и только 1,1 млрд подключений к Интернету с помощью проводной связи¹. К марту 2019 года число интернет-пользователей в мире превысило 4 млрд. В Китае насчитывается наибольшее число – 829 млн интернет-пользователей, в Индии – 560 млн, в США – 293 млн, в России – 109,5 млн². По оптимистическим прогнозам, в 2020 году количество пользователей Интернета достигнет отметки в 5 млрд человек.

В-третьих, с 2002 по 2010 годы происходит стремительное распространение online-платформ, социальных сетей в Интернете. Online-платформа

(сайт социальной сети) предоставляет своим пользователям киберпространство, открывая неограниченные возможности для социального взаимодействия во времени и пространстве, для обмена различными типами контента. Социальные сети в социологическом смысле как структуры, объединяющие взаимодействующих людей, существовали, разумеется, во всех обществах и до компьютерной революции. Создание же Интернета и online-платформ привело к экспоненциальному расширению социальных связей между людьми и возникновению взаимосвязанных online-сообществ. Популярность социальных сетей в Интернете и сегодня обусловлена расширяющимися возможностями online-платформ и специальных сервисов для удобного общения, выстраивания социальных отношений, развлечений, образования, рекламы и бизнеса.

В 2019 году в мире насчитывалось 250 социальных сетей, их количество продолжает расти. Среди online-платформ особенно популярны Facebook, Twitter, Instagram, «ВКонтакте», «Одноклассники». Так, Facebook – самая большая интернациональная социальная сеть, созданная в 2004 году. Количество аккаунтов в рамках этой платформы превышает 1,2 млрд. Twitter стал работать в 2006 году, объединив 0,5 млрд пользователей. Instagram появился в 2010 году и сегодня им пользуются 0,1 млрд человек. Самые популярные российские социальные сети основаны в 2006 году. Количество пользователей «ВКонтакте» приближается к отметке 300 миллионов; «Одноклассники» объединяют 290 млн человек³. Рост числа сетевых пользователей продолжается и сегодня, особенно в молодежной среде.

За весьма короткое по историческим меркам время, благодаря компьютеризации и информационным технологиям, в центре которых Интернет, социум постмодерна приобрел зримые черты цифрового общества. Процесс *цифровизации* («перехода на цифру») можно определить в широком социологическом значении как широкомасштабное внедрение информационных цифровых технологий во все сферы социальной реальности, жизни и деятельности человека.

Цифровизация оказывает колоссальное влияние на основные подсистемы социума (экономику, политику и управление, образование, культуру и масс-медиа, здравоохранение), на социальную структуру общества («цифровая стратификация») и его функционирование, вызывая новые социальные, коммуникативные, девиантные эффекты и практики. Цифровизация особенно наглядно

¹Интернет-доступ (мировой рынок). URL: //http://www.tadviser.ru(дата обращения: 25.10.2019).

²Там же.

³Самые популярные соцсети в мире. ТОП-20. URL: //http://www.samye-populyarnye-socsety-v-mire-top-20(дата обращения: 25.10.2019).

проявляет себя в экономической сфере. Поэтому нередко ее интерпретируют в узком смысле как процесс перехода к цифровой экономике. Прежде всего, это развитие интернет-банкинга, интернет-торговли, интернет-рекламы, электронных платежей, электронного документооборота, online-услуг, интернета вещей, электронного доступа к государственным услугам.

В число стран-лидеров цифровой экономики по индексу цифровизации (digital evolution index) входят Норвегия, Швеция, Дания, Южная Корея, США. Россия в этом рейтинге находится на 39 месте, соседствуя с Китаем и Индией¹. Цифровизация в России в целом находится на начальном этапе. Наиболее успешно она развивается в банковской сфере, в распространении интернет-торговли, в ТВ и мультимедиа, в образовании и медицине, в транспортных системах, в нефте- и газодобыче. Примером реальной цифровизации в повседневной жизни россиян является использование интернета вещей в управлении транспортом с помощью Яндекс.Навигатора. Этот сервис обеспечивает обмен цифровыми данными в online-режиме между сервером, приложениями и водительским смартфоном без участия человека. Яндекс.Навигатором пользуются 13 млн российских водителей. Процесс цифровизации в России быстро набирает обороты. Так, по числу интернет-пользователей страна занимает уже 8-е место в мире. Закономерно, что вопросы развития цифровой экономики и других сфер бытия определены стратегией развития информационного общества в России на 2017-2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203².

Цифровизация в экономике и других сферах общества постмодерна – неотвратимый, но неоднозначный тренд. С одной стороны, она стимулирует позитивные социальные перемены. Например, в хозяйственной деятельности: исключает рутинный бумажный документооборот, ускоряет все технологические процессы, повышает производительность труда, прибыль, снижает издержки, обеспечивая простоту и точность в предоставлении и получении услуг и товаров, минимизирует влияние ошибок, связанных с «человеческим фактором». С другой стороны, цифровизация уже сегодня создает немало социальных и экономических проблем. Среди них – феномен «цифрового неравенства», состоящий в разрыве уровней образования между людьми, в неравных условиях доступа к цифровым услугам и продуктам. В цифровой экономике неизбежна компрессия рынка труда, поскольку

уже в недалеком будущем не нужны будут многие массовые профессии: водители, продавцы, учителя, госслужащие, банковские клерки, занятые рутинной, поддающейся оцифровке. Все эти люди, как жертвы массовой безработицы, могут стать девиантами, адаптируясь соответствующим образом к новым цифровым условиям на рынке труда. Перевод личной и конфиденциальной информации на цифровые носители создает невиданную ранее зависимость человека от того, как и где хранятся и используются эти данные.

Внедрение новых открытий, как это уже не раз бывало в истории, приносит не только благо, но и вред: во все времена появляются новые, более технологичные преступления. Цифровизация создает невиданные ранее возможности для хищений, мошенничества, взломов и других форм негативной инновационной, по Р. Мертону, девиантности в киберпространстве Интернета. Понадобилось всего несколько высокотехнологичных лет, чтобы пройти путь от внедрения персонального компьютера и первых компьютерных преступлений до массовой киберпреступности. В результате цифровизации экономики и сферы услуг, наряду со «старыми» киберпреступлениями, быстро распространяются новые формы киберпреступности и кибердевиантности. Эти перемены иллюстрируют результаты интернет-исследований. Так, в обзоре австралийских криминологов структурированы киберпреступления, обусловленные технологическими факторами:

- киберпреступления, включающие несанкционированный доступ к компьютерной системе, сетевым данным, с помощью взломов, онлайн-атак и/или «вредоносных программ, вирусов»;
- киберкражи, в том числе хищение денег, данных, интеллектуальной собственности, электронное пиратство, совершаемые путем мошенничества или с помощью вредоносных программ;
- кибертерроризм в форме сообщений, поддерживающих предполагаемые террористические акты; распространение инструкций по изготовлению взрывчатых веществ и другого оружия и прочее;
- киберсекс-торговля людьми и секс-туризм, а также сексуальная эксплуатация детей в киберпространстве [1].

В 2018 году на Всемирном экономическом форуме в Давосе было признано, что киберпреступность стала одним из наиболее критических глобальных рисков. По одним экспертным оценкам, ежегодные потери мировой экономики в результате киберпреступлений достигают 500 млрд долларов.

¹Что такое цифровая экономика? URL: <http://www.fingramota.org/teoria-finansov/item2198-2198-chto-takoe-tsifrovaya-ekonomika>. (дата обращения: 26.10.2019).

²Кремлин.ру. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>. (дата обращения: 26.10.2019).

Для сравнения – годовой ВВП Швейцарии в 2017 году оценивался в 659 млрд долларов¹. По мнению других экспертов, финансовый ущерб от кибератак в мировой экономике составит в 2019 году до 2 трлн долларов, в 2020 году – до 3 трлн долларов². Причем и эти оценки весьма условны, поскольку не отражают реального положения дел в бизнесе из-за стремления финансовых организаций утаить реальные потери, чтобы сохранить репутацию и не растерять своих клиентов. По данным аналитиков Сбербанка, потери от киберпреступлений в 2017 году во всех отраслях российской экономики оцениваются в 550-600 млрд рублей. В следующем году планировалось, что размеры ущерба должны были приблизиться к 1 трлн рублей³.

Мир постмодерна в начале XXI века, благодаря распространению online-платформ и взрывному росту социальных сетей в Интернете, иначе говоря, в силу *сетевизации*, приобрел еще одно новое измерение, которое характеризуется термином «сетевое общество». По оценке М. Кастельса, именно сети составляют новую социальную морфологию современного социума. С его точки зрения в «сетевом обществе» все ключевые социальные структуры и деятельность его членов организованы вокруг сетей электронных коммуникаций [2]. Сетевизация, как было показано выше, достигла такого уровня к настоящему времени, что позволяет электронным коммуникациям с помощью online-платформ охватить практически все общности и социальные слои. Она привела к образованию и стремительному расширению online-сообществ. Развивающееся по экспоненциальному закону социальное online-пространство представляет собой, по оценке Моссберггер, новую «социально-техническую совокупность, которая создает новую публичную сферу, обеспечивающую цифровое гражданство» [3].

Среди явных плюсов сетевизации: неограниченные возможности для общения вне расстояния и времени, создание новых и поиск утерянных контактов, а также неограниченный потенциал для самовыражения и саморазвития, обучения, чтения, просмотра и прослушивания, развлечения, для рекламы и продвижения бизнеса, интернет-торговли, организации заработка.

Феномен сетевизации, как и цифровизация, порождает не только новые возможности, но и новые проблемы, глобальные риски. Среди отрицательных моментов сетевизации и сетевой активности,

особенно в среде молодежи, следует выделить новые формы кибердевиантности. Среди них: сетевая зависимость и утрата навыков реального общения, бегство от действительности (искейперство), киберлудомания, виртуальные сексуальные домогательства и насилие, компьютерная педофилия, запугивание и киберпреследование, интернет-торговля наркотиками, пропаганда ненависти, распространение экстремистских идей и сетевой кибертерроризм. Многие молодые люди, беспечно размещая в социальных сетях личную текстовую информацию, фото и видео, рискуют стать жертвами злоумышленников, поскольку online-платформы никогда не удаляют контент пользователей и о пользователях. Так, например, серверы Facebook каждую неделю накапливают около 100 терабайт личной информации. Не афишируемое online-платформами «коллекционирование» сведений о сетевых пользователях порождает предпосылки для виктимизации. Наибольшие риски кибервиктимизации существуют для таких уязвимых социальных групп, как подростки, женщины, пожилые люди, этнические меньшинства. Доступность сетевой online-информации значительно расширяет возможности не только для виктимизации пользователей, но и для появления новых форм киберпреступности и кибердевиантности.

По мере роста online-сообществ, расширения социальных сетей быстро растет объем и так называемой «темной стороны» социальных сетей, где не соблюдаются законы. Разумеется, не вся информация в «темной паутине» обязательно является незаконной. Тем не менее, этот сегмент сети обеспечивает идеальную среду для распространения незаконного контента, ориентированного на распространение экстремистских идей и кибертерроризм, изготовление отравляющих, взрывчатых веществ и другого оружия, вовлечение молодых людей в суицидальное поведение и отклонения в сексуальном поведении.

Цифровизация и сетевизация, вооружая киберпреступников и кибердевиантов новыми технологическими возможностями, создают и относительно безопасную среду для эскалации криминальной активности в киберпространстве. При этом система формального социального контроля сдерживать волну цифровой девиантации социума не может в условиях несовершенного законодательного регулирования, поскольку в Интернете практически заблокирована реализация классического принципа неотвратимости наказания.

¹ ВЭФ анонсировал создание Глобального центра кибербезопасности. URL: <https://www.securitylab.ru/news/491033.php>

²МИД РФ: ущерб мировой экономике от киберпреступности в 2019 году может достичь \$2 трлн. URL: <https://www.tass.ru/politika/5551244> (дата обращения: 20.10.2019).

³Данные исследования Сбербанка и его дочерней компании Bi.Zone «Новые вызовы цифрового мира», посвященное современным киберугрозам и противодействию им. URL: <https://www.roscongress.org>. (дата обращения: 28.10.2019).

Законодатели разных стран, реагируя на глобальные вызовы в цифровой сфере, принимают законы, направленные против киберпреступлений, вводят и совершенствуют уголовную ответственность за их совершение. Однако консервативное уголовное законодательство с национальной юрисдикцией и, тем более, правоприменительная практика в силу инерции отстают от требований дня, что порождает серьезные проблемы в сфере обеспечения кибербезопасности. Кроме того, эти проблемы обусловлены дефицитом подготовленных для правоохранительной системы кадров, недостаточно развитым международным сотрудничеством, взаимодействием между бизнесом и правоохранителями по вопросам безопасности в киберпространстве.

Вместе с тем Интернет и социальные сети создали предпосылки для трансформации традиционных форм управления и обеспечения социального порядка, стимулировали работу над созданием и внедрением новых цифровых форм социального контроля и слежения за пользователями «мировой паутины», участниками сетевого общения. Цифровой мониторинг и другие практические аспекты совершенствования социального контроля в цифровом мире все еще недостаточно отрефлексированы в работах интернет-исследователей.

Однако на протяжении десяти последних лет к изучению социальных эффектов Интернета, воздействию процессов цифровизации и сетевизации на социум и человека активно обращаются зарубежные и отечественные социологи, другие представители обществоведения. В интернет-исследованиях широко используются положения семиотики, теории масс-медиа, социологии культуры, социологии науки и технологий. Так, начиная с 2010-2012 годов ряд американских и британских социологов (Д. Лаптон, Д. Фаррелл, Дж. Петерсон М. Карриган, Э. Хэад, Х. Дэвис и др.) сосредоточили внимание на определении предметного поля цифровой социологии как интегративной науки о цифровом обществе и его киберфеноменах. В частности, Д. Лаптон обратил внимание на большой социальный смысл включения цифровых технологий, цифровых средств массовой информации и социальных сетей в повседневную жизнь современного человека. Особую роль цифровой реальности он увидел в контексте совершения киберпреступлений, наступления последствий цифровой виктимизации, цифрового неравенства и обеспечении социальной справедливости в цифровом обществе. Для зарубежных интернет-исследований весьма типичен анализ идентификационных процессов, происходящих в киберпространстве. Одно из них – формирование киберобщностей: сетевых пользователей, пред-

ставителей маргинальных сообществ, расовых и этнических меньшинств, ЛГБТ-сообществ, а также экстремистских групп и групп ненависти.

Весьма интересные обобщения в рамках социологической рефлексии цифровой социальной реальности содержат публикации и российских исследователей: О.В. Крыштановской, М.В. Кибакина, В.Ф. Ницевича, И.В. Грошева и др. В работах отечественных социологов широко обсуждается научный арсенал различных социологических концепций, подходов и методов, применяемых к осмыслению социальных аспектов цифровизации и сетевизации. Исследователи обращают внимание на социальные эффекты и проблемы, создаваемые Интернетом, социальными медиа и популярными online-платформами в российском обществе [4].

В целом зарубежные и отечественные социологические работы посвящены анализу проблематики «цифрового разрыва в стратификации»; специфики функционирования социальных медиа, новых идентификационных процессов, новых коммуникативных, в том числе девиантных практик. В результате непродолжительного развития цифровой социологии были концептуализированы такие понятия, как «цифровое общество», «социальная цифровизация», «цифровое неравенство», «цифровое наблюдение» и др. [5]. Вместе с тем социальной теории цифровизации все еще нет, несмотря на существенный рост числа социологических интернет-исследований.

Технологические и социальные сдвиги в киберпространстве привели к тому, что с постоянным ростом числа интернет-пользователей, развитием цифровой экономики и сферы online-услуг постоянно формируются и пополняются колоссальные массивы цифровых данных. Online-платформы аккумулируют персональные сведения об участниках сетевого общения. В этой информации находит отражение гипертрофированное стремление большого числа пользователей «мировой паутины» к самопрезентации; желание давать собственные оценки тем или иным фактам (комментарии, лайки, посты, репосты), в том числе и криминальным событиям. В теневом секторе киберпространства сохраняется и стремительно приумножается незаконный контент. Отсюда эмпирическую основу для изучения социальных эффектов и проблем Интернета, феноменов кибердевиантности составляют материалы субъективной статистики, полученные с использованием бесконтактных опросных методик, содержательного анализа цифровой текстовой и видеoinформации.

Судя по возрастающему количеству научных конференций и публикаций в ведущих социологических и криминологических журналах, наибольший

интерес зарубежные, отечественные исследователи проявляют к изучению новых форм киберпреступности и кибердевиантности, специфики информационного социального контроля над ними, других социальных феноменов и последствий цифровизации и сетевизации в мире постмодерна.

В итоге сформировалось предметное поле цифровой девиантологии и криминологии, которое лежит на пересечении девиантологии, криминологии, социологии, юриспруденции, семиотики, теории масс-медиа и других наук, в том числе математических. Разумеется, терминология в этой области исследований еще не устоялась. Так, киберпреступление, киберпреступность – все еще чрезвычайно дискуссионные термины, которые обсуждаются в работах девиантологов и криминологов, например, Я.В. Костюковского, Д.Н. Карповой, С.В. Бондаренко, Ю.Ю. Комлева, В.А. Номоконова, Т.Л. Тропиной, Э.Л. Кочкиной, А.В. Федорова, М.В. Немова и многих других. Нет определенности относительно феномена киберпреступности в юридическом дискурсе, в уголовном законодательстве. Киберпреступность нередко интерпретируют предельно широко: как «преступления в сфере компьютерной информации»; «преступления с использованием компьютерных технологий»; «преступления, совершаемые в киберпространстве». Впрочем, одно из рабочих определений киберпреступности, адекватное начальному этапу цифровизации, приводит профессор В.А. Номоконов. Оно состоит в том, что киберпреступность – это «совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных» [6]. В англоязычных источниках обычно предлагаются наиболее общие конструкции, в соответствии с которыми киберпреступность определяется, как «любая преступная деятельность, включающая использование информационных технологий»; «преступная деятельность, которая осуществляется с помощью компьютеров или Интернета»; «преступная деятельность, которая связана с Интернетом, компьютерной системой или компьютерной технологией»; «преступления, в которые вовлечены компьютер и сеть». Более поздние определения киберпреступности концентрируют внимание на компьютере как инструменте и одновременно как объекте преступления. Например, киберпреступность – «это преступления, совершенные в Интернете с помощью компьютеров, которые используются в качестве инстру-

мента или целевой жертвы» [7]. Примечательно, что во всех этих трактовках отсутствует человек как жертва высокотехнологичного преступления. Отсюда с девиантологической точки зрения киберпреступность можно определить как множество проявлений негативной кибердевиантности, состоящих в нарушении уголовно-правовых запретов с использованием компьютеров, цифровых технологий и обращенных против компьютерных систем, социальных сетей и их пользователей.

В англоязычных источниках находит отражение и многообразие определений цифровой криминологии. За рубежом криминология рассматривается чаще всего как наука социологическая, поскольку преступность – ее объект – явление социальное [2, 8]. Иногда она определяется как область социальных наук, которая занимается изучением и анализом преступности, причин преступного поведения, что также вполне укладывается в девиантологический дискурс. Судя по публикациям на тему киберпреступности, можно встретить такие словосочетания, как «компьютерная криминология», «вычислительная криминология», «виртуальная криминология», «киберкриминология», «алгоритмическая криминология», «цифровая криминология». Несмотря на некоторые смысловые различия, все эти концепты, по сути, используются как синонимы. Так, компьютерная криминология рассматривается исследователями как междисциплинарная область социальных исследований, которая занимается изучением и анализом преступности, порожденной широким использованием компьютеров. Вычислительная криминология объединяет криминологические исследования с методами прикладной математики и информационными технологиями.

На начальном этапе цифровизации в конце XX и первые годы XXI века интерес исследователей (Монтгомери, Клаф, Уолл, Смит, Грабоски, Урбас и др.) был преимущественно обращен к киберпреступлениям, совершаемым в отношении компьютеров. Среди них: взломы операционных систем, похищение программных продуктов, несанкционированный доступ к компьютерам, киберкражи денежных средств и финансовых данных, интеллектуальной собственности с помощью вредоносных программ у корпоративных клиентов [1]. В этот исследовательский период чаще всего используется концепт «компьютерная криминология». Изучение киберпреступлений, «сфокусированных на компьютере», хорошо описывает метафора, предложенная П. Грабоски – «старое вино в новых бутылках». Иначе говоря, традиционные теории преступности и объяснительные модели, выстроенные на их основе для обычных «уличных» краж, были еще вполне

применимы и для описания причин киберпреступлений в отношении организаций, использующих обработку цифровых данных с помощью компьютеров¹.

На следующем историческом этапе с дальнейшим развитием цифровизации и сетевизации, когда невероятно возросла доступность online-информации, у киберпреступников появилось значительно больше новых возможностей для совершения online-преступлений и девиаций, прежде всего, в отношении многочисленных частных пользователей. Различные формы нелегального обогащения в условиях сетевого обмена и обращения к различным ресурсам Интернета (интернет-серфинга) породили и новую специфическую кибермотивацию преступников. Они стали атаковать не только вычислительные машины и базы данных финансовых и других деловых организаций с помощью вирусов-шифровальщиков и внедрения вредоносных программ (supply chain-атак), но и обычных людей – пользователей цифровых услуг и сетевых ресурсов с помощью инновационных криминальных приемов. В их числе типичным способом является рассылка киберпреступниками фишинговых сообщений (поддельных писем) интернет-пользователям, с тем чтобы войти к ним в доверие и совершить кибермошенничество.

Внимание ученых, изучавших в этот период киберпреступность, расширилось до изучения новых форм негативной кибердевиантности. Они включали в себя online сексуальную эксплуатацию детей и детскую порнографию, секс-бизнес, секс-торговлю людьми и секс-туризм (Митчелл, 2010; Рейнс, Хенсон, Фишер 2011); различные формы кибернасилия, киберпреследования и киберзапугивания (киберсталкерство, кибербуллинг), домогательств, кибертерроризма и распространения инструкций по изготовлению взрывчатых веществ) (Веббер, 2013; Мартин, 2014; Уэйменн, 2016 и др.).

Стало очевидно, что новые формы и способы совершения киберпреступлений, другие проявления кибердевиантности, вызванные цифровизацией и сетевизацией, интенсивными социальными изменениями в обществе, стали сложнее и разнообразнее. Отсюда следует, что для их моделирования и объяснения уже не вполне подходят традиционные криминологические теории, построенные без учета теоретической интеграции и социотехнологических эффектов цифрового общества. В публикациях криминологов в этот период все чаще стал использоваться концепт «цифровая криминология».

В последнее время развитие цифровой криминологии и исследовательской практики пошло по интегративному пути. Зарубежные криминологи активно ассоциируются в исследовательские группы с прикладными математиками, IT-специалистами [8]. Для изучения киберпреступности и кибердевиантности они стали больше обращаться в криминологической теории – к интегративным концепциям и подходам, в эмпирических исследованиях – не только к бесконтактным методам сбора и обработки цифровой информации, но и к вычислительным алгоритмам и аналитике big data (большие данные). Так, например, поступили британские криминологи, изучающие терроризм, преступления ненависти и «триггерную» преступность [3].

В работах криминологов Ш. Браун (2006), М. Яра (2012) К. Хейворда (2012) также широко использовались идеи гибридизации социологических, криминологических и технологических знаний. Эти и другие труды наметили основные пути построения интегрированного социально-технологического знания в цифровой криминологии о природе и детерминации киберпреступности. Исследователи предложили для построения объяснительных моделей различных проявлений киберпреступности объединить знания из различных социальных и технологических дисциплин с опорой на непротиворечивые положения дополняющих друг друга криминологических теорий. Для усиления эвристического потенциала гибридного подхода они обосновали необходимость широкого привлечения математических методов и алгоритмов для обработки и анализа больших сетевых данных о преступности и преступниках. Например, гибридный подход, обозначенный Ш. Браун, далеко выходит за пределы ответственности традиционной криминологии и становится частью криминологии, цифровой или виртуальной, поскольку позволяет учитывать роль цифровых технологий в широком спектре правонарушений и виктимизации; сетевого опыта в совершении преступлений; online-маргинализацию по признакам пола, возраста, этничности; состояние и динамику цифрового неравенства и другие социоструктурные и процессуальные факторы киберпреступности в эпоху постмодерна.

Австралийские исследователи Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон – теоретики цифровой криминологии – также использовали интегративный подход, концептуализируя киберпреступность и кибердевиантность как тех-

¹Grabosky P.N. Virtual criminality: Old wine in new bottles? // Social & Legal Studies. 2001. №10 (2).

носоциальные практики в цифровом мире, а цифровизацию общества интерпретировали как совмещение цифрового и социального. Криминологи, опираясь на теории сетевого и цифрового общества, стали рассматривать киберпреступность и кибердевиантность в еще более интегративном ракурсе. Они исходили из объединения знаний в области информационных технологий, социологии, криминологии, политической науки, культурологии, теории масс-медиа, а также юриспруденции.

Цифровая криминология в интерпретации этой группы ученых дает объяснение стимулирующему воздействию информационных технологий на феноменологию киберпреступности и создает интегративную платформу для расширения границ интегративной теории киберпреступности и ее эмпирического исследования [1].

Обсуждение и заключения

Таким образом, наряду с онтологическими предпосылками, обусловленными процессами цифровизации и сетевизации в глобальном мире постмодерна, сложились и гносеологические условия для развития цифровой криминологии и, следовательно, цифровой девиантологии, поскольку они соотносятся как часть и целое.

Цифровая девиантология задает более широкое предметное поле, раздвигает границы, как теории, так и исследовательской практики, при изучении преступности и других взаимосвязанных с нею форм негативной девиантности, получивших широкое распространение в киберпространстве Интернета, в социальных сетях.

Интегративное изучение киберпреступности и кибердевиантности в рамках цифровой девиантологии позволяет многомерно и диалектично моделировать причины и следствия, формы многообразной девиантной активности в цифровом обществе, о чем убедительно свидетельствует, судя по англоязычным источникам, зарубежный опыт. Это актуальное направление в развитии девиантологии создает интегративную теоретическую основу, немалые вычислительные и эвристические возможности для изучения, предупреждения новых общественно опасных форм киберпреступности и кибердевиантности. Использование на теоретической платформе цифровой девиантологии бесконтактных опросных методик, контент-анализа цифровой текстовой и видеoinформации, вычислительных алгоритмов для обработки структурированных, неструктурированных «больших данных» и других эмпирических материалов – надежный путь для построения прогностических моделей киберпреступности и кибердевиантности. Возможность предвидеть с помощью аналитики big data время и место совершения преступлений позволяет значительно улучшить использование ограниченных правоприменительных ресурсов полиции и других силовых структур. Более того, за математически выверенным прогнозированием следует и выработка новых правовых форм и практик информационного социального контроля над киберпреступностью и кибердевиантностью, более адекватных социально-технологической реальности быстро меняющегося «цифрового мира».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Stratton G., Powell A. and Cameron R. Crime and Justice in Digital Society: Towards a 'Digital Criminology' // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy 6(2):17-33. 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1233&context=facsch_lawrev. (дата обращения: 28.10.2019).
2. Castells M. The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture. John Wiley & Sons, 15 August 2000.
3. Matthew L. Williams Pete Burnap Cyberhate on Social Media in the aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and Big Data // The British Journal of Criminology, Volume 56, Issue 2, March 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doi.org/10.1093/bjc/azv059> (дата обращения: 19.10.2019).
4. Кобакин М.В., Гришаева С.А. Актуальные проблемы рефлексии цифровой социальной реальности: переосмысление научных концепций // Цифровая социология/Digital Sociology. 2019;2(1):4-9. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.doi.org/10.26425/2658-347X-2019-1-4-9> (дата обращения: 28.10.2019).
5. Ницевич В.Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология / Digital Sociology. 2018;(1):18-28. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-18-28> (дата обращения: 28.10.2019).
6. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. №1(24). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cyberleninka.ru> (дата обращения: 29.10.2019).
7. Aghatise J. Cybercrime definition [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/265350281_Cybercrime_definition (дата обращения: 29.10.2019).

8. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. Казань: КЮИ МВД России, 2016.
9. Комлев Ю.Ю. Интеграция криминологических знаний, расширенная методологическая триангуляция и «big data» в социологическом изучении преступности // Вестник ВЭПС. 2019. № 3.

REFERENCES

1. Stratton G., Powell A. and Cameron R. (2017) Crime and Justice in Digital Society: Towards a 'Digital Criminology' // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy 6(2):17-33. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1233&context=facsch_lawrev. (data obrashcheniya: 28.10.2019).
2. Castells M. The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture. John Wiley & Sons, 15 August 2000.
3. Matthew L. Williams Pete Burnap Cyberhate on Social Media in the aftermath of Woolwich: A Case Study in Computational Criminology and Big Data // The British Journal of Criminology, Volume 56, Issue 2, March 2016. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.doi.org/10.1093/bjc/azv059> (data obrashcheniya: 19.10.2019).
4. Kibakin M.V., Grishaeva S.A. Aktual'nye problemy refleksii cifrovoj social'noj real'nosti: pereosmyslenie nauchnyh koncepcij // Cifrovaya sociologiya/Digital Sociology. 2019;2(1):4-9. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.doi.org/10.26425/2658-347X-2019-1-4-9>(data obrashcheniya: 28.10.2019).
5. Nicevich V.F. Cifrovaya sociologiya: teoretiko-metodologicheskie istoki i osnovaniya // Cifrovaya sociologiya / Digital Sociology. 2018;(1):18-28. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-18-28>(data obrashcheniya: 28.10.2019).
6. Nomokonov V.A. Kiberprestupnost' kak novaya kriminal'naya ugroza / V.A. Nomokonov, T.L. Tropina // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2012.№1(24). [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.cyberleninka.ru> (data obrashcheniya: 29.10.2019).
7. Aghatise J. Cybercrime definition [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.researchgate.net/publication/265350281_Cybercrime_definition (data obrashcheniya: 29.10.2019).
8. Komlev YU.YU. Integrativnaya kriminologiya: deviantologicheskij ocherk. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2016.
9. Komlev YU.YU. Integraciya kriminologicheskikh znaniy, rasshirennaya metodologicheskaya triangulyaciya i «big data» v sociologicheskom izuchenii prestupnosti // Vestnik VEPS. 2019. № 3.

Об авторе: Комлев Юрий Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России
e-mail: levkom@list.ru

© Комлев Ю.Ю., 2020

Статья получена: 19.01.2020. Статья принята к публикации: 18.03.2020.
Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

About the author: Komlev Yuri Yu., Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Р.Р. Алиуллов

**О НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ
СВОБОДЫ СЛОВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
(ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ, ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ)**

**CERTAIN LEGAL ISSUES OF IMPLEMENTATION
OF LIBERTY OF DISCUSSION IN THE INTERNET
AT THE CURRENT STAGE
(METHODOLOGY, THEORY AND PRACTISE)**

Введение: в статье анализируются правовые основания, принципы, пределы и механизм ограничения свободы слова в интернет-пространстве.

Методы и методы: методологическую основу исследования составили общенаучные (индукции и дедукции, анализ и синтез, моделирование) и специальные методы (гипотетико-дедуктивный, аксиоматический и семантический).

Результаты исследования: автор не отрицает возможности правового ограничения информации в интернет-пространстве в интересах общества и государства, однако при безусловном признании и соблюдении права граждан на свободу слова и права на получение достоверной объективной информации.

Обсуждение и заключения: автор приходит к выводу, что в современных условиях активного освоения киберпространства конституционное право граждан на свободу слова и право на получение достоверной объективной информации претерпевает существенную трансформацию, а организационно-правовые механизмы и социальные технологии его реализации усложняются.

Ключевые слова: свобода, свобода слова, аксиологические ценности, интернет-пространство, киберпространство, правовые ограничения

Для цитирования: Алиуллов Р.Р. О некоторых правовых проблемах реализации свободы слова в сети Интернет на современном этапе (вопросы методологии, теории и практики) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 41 – 46. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.005

Introduction: the article analyzes legal grounds, principles, limits and the mechanism of restricting freedom of speech in the Internet.

Materials and Methods: the methodological basis of the research were general academic (induction and deduction, analysis and synthesis, modeling) and special methods (hypothetical-deductive, axiomatic and semantic).

Results: the author does not deny the legal restriction of information in the Internet in favor of society and the state, but with the unconditional recognition and observance of the right of citizens to freedom of speech and the right to receive reliable objective information.

Discussion and Conclusions: the author comes to the conclusion that under modern conditions of active development of cyberspace the constitutional right of citizens to freedom of speech and the right to receive reliable objective information is undergoing a significant transformation, and the organizational and legal mechanisms and social technologies for its implementation are becoming more complex.

Keywords: freedom, freedom of speech, axiological values, Internet space, cyberspace, legal restrictions

For citation: Aliullov R.R. Liberty of Discussion in the Internet Nowadays: Methodology, Theory and Practise // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 41 – 46. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.005

Введение

По справедливому замечанию специалистов, Интернет как продукт умственного труда людей выступает лишь средством, инструментом достижения социально полезных целей личности, государства и общества. Как специфическое средство коммуникации и информации, Интернет позволяет реализовать наиболее полно одно из основополагающих прав человека – «искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ»¹. На протяжении последних десятилетий термин «информация», главным образом применяемый специалистами технического профиля, приобрел значение универсального человеческого бытия. Об этом свидетельствует Стратегия развития информационного общества на 2017-2030 гг., определяющая его как общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности обуславливают экономические и социокультурные условия жизни граждан². Информация, оказывая влияние на все стороны общественной и государственной жизни, из технологического средства взаимодействия людей, социальных коллективов, превращается в объективно необходимое средство и условие динамичного развития личности, общества и государства. В связи с этим следует отметить, что в современном обществе должно произойти переосмысление места и роли информации не только в жизни общества, но и правовой концепции самой информации, воспринимаемой как совокупность любых сведений, данных, независимо от их форм оформления. Информационное право в указанном контексте должно приобретать все признаки самостоятельной, способной эффективно регулировать все общественные отношения, возникающие в сфере передачи, получения, хранения, использования, обработки всех социально значимых сведений.

Анализируя различные вопросы, возникающие в сфере обеспечения и реализации свободы слова в интернет-пространстве, следует выделить как минимум четыре ее аспекта: аксиологические, гносеологические, технологические и морально-нравственные. Разумеется, концептуальное значение при этом имеет наше отношение и правильное понимание сущности, роли и места самой категории «свобода»

как важнейшей социально-правовой ценности. Она, безусловно, должна трактоваться как главная, фундаментальная категория нашего анализа, свобода личности и человека – как ценность, от содержания и формы реализации которой в огромной степени зависит не только качество жизни отдельной личности, но и общее состояние и благополучие всего общества. На наш взгляд, этот тезис носит концептуальный характер и по своей сути имеет важное методологическое значение, что неоднократно отмечалось как философами, так и выдающимися юристами, исследовавшими различные отрасли права [1,2,3,4,5].

Для современной России, в которой происходит формирование базовых принципов государственного устройства и ведется постоянный поиск фундаментальных основ и эффективных механизмов реализации потенциала институтов демократии и принципов гражданского общества, изучение различных форм проявления свободы, в том числе и в киберпространстве, является важным фактором обеспечения социальной стабильности в обществе. Однако, как показывает практика, общепризнанные мировым сообществом фундаментальные ценности, в том числе свобода слова, право на свободное получение достоверной информации, применительно к российской действительности подвергаются постоянной трансформации.

Во-первых, в советский период развития страны не удалось отыскать приемлемых форм выражения свобод граждан – ни физической свободы, ни свободы мысли, ни свободы слова. В результате проведенный в масштабах страны явно неудачный социальный эксперимент себя не оправдал и потерпел крах. Все это обернулось распадом огромного государства под названием СССР и продемонстрировало полную несостоятельность механизмов государственного управления и общественного саморегулирования. По мнению крупных исследователей в области теории государства и права, социологов, развитие страны пошло по тупиковой ветке [6]. В научных публикациях советского периода термины «свобода» и «свобода слова» встречаются крайне редко, и лишь в повествовательной форме, без детализации сущностей этих понятий. В словаре русского языка термин «свобода» трактовал-

¹Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН от 10.12.1948. Ст. 19 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2020).

²О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2020).

ся как воля, право государства предоставлять на свое усмотрение гражданам те или иные права¹. Между тем прогрессивная часть мирового сообщества свободу трактует как осознанную необходимость, как она была сформулирована немецким мыслителем Гегелем².

Во-вторых, несмотря на определенный познавательный прогресс в сфере разработки теории свобод человека в РФ (прежде всего я имею в виду их закрепление в Конституции РФ, федеральных законах, признание общепринятых принципов и норм в сфере прав и свобод человека международном сообществом), пока российская правовая система не располагает действенным правовым механизмом безусловного обеспечения соблюдения и защиты свобод личности на территории страны³. Согласно данным проведенного нами социологического опроса, даже в случае конструктивной критики в 90 % случаях у граждан нет надежной правовой защищенности от наступления возможных негативных последствий в форме различных форм преследования со стороны должностных лиц, наделенных государственно публичными полномочиями.

В-третьих, для современного этапа развития Российской Федерации и ее отдельных субъектов свобода слова, свобода выражения своей мысли приобретает особую актуальность. Там, где не гарантируется свобода слова и не выработаны соответствующие механизмы ее защиты, страна вступает в длительный период глубокой стагнации. Следовательно, все призывы о необходимости ограничения свободы слова в обществе должны пройти многоуровневую проверку и всем подобным попыткам должна быть дана соответствующая правовая оценка.

Материалы и методы

При проведении исследования автор исходил из понимания фундаментального базового значения свободы, в том числе и свободы слова в системе общественных отношений, и их концептуальной роли в разработке правового и информационно-технологического механизма реализации свободы слова в киберпространстве. К выбору методов исследования автор подошел дифференцированно, учитывая характер решаемой познавательной задачи. В результате удалось сформулировать авторское понятие сущности, роли и значения свободы слова в системе общественных отношений, выявить и систематизировать правовые и организационные проблемы и противоречия

в современном механизме реализации свободы слова с использованием интернет-коммуникаций.

Результаты исследования

Зададим вопрос: чем отличается человек XXI века от человека XIX века? Ответ очевиден – степенью своей информированности, прежде всего по отношению к таким базовым категориям, как собственные права и свободы. Практика показывает, что современный – «продвинутый» человек основную информацию получает в сети Интернет. Другими словами, преимущественным каналом информирования всего человечества в настоящее время выступает киберпространство. Разумеется, современный человек не может игнорировать современные достижения науки и технический прогресс. Стало быть, киберпространство выступает объективно обусловленной средой выражения своей мысли, а Интернет – инструментом реализации прав и свобод человека. В указанном контексте мы сталкиваемся с проблемой понимания свободы в информационном праве. Эта проблема связана с развитием новой отрасли и вида права – информационного, а также быстрого изменения норм и границ свободы в киберпространстве. Исследования в области взаимоотношений свободы и информации применительно к правовой сфере обуславливают развитие этой новой отрасли правового регулирования. Возникновение и развитие информационного права, с одной стороны, свидетельствуют о том, что в виртуальной среде отношения между субъектами требуют регуляции и закрепления посредством нормативных и законодательных актов, а с другой — определения новых границ свободы, отражения изменившихся правовых норм в сознании людей. В информационном праве при формировании собственного категориального аппарата отмечается, что свобода в широком смысле является узаконенным правом человека, но в отношении к информации имеет место ряд ограничений. Исследования в области специфики трактовки свободы по отношению к информации в правовом поле сегодня носят преимущественно прикладной характер, так как связаны с анализом конкретных норм и мер по правовому регулированию отношений в киберпространстве, доступа и защиты информации, ответственности за последствия при ее распространении. В рамках информационного права происходит регулирование и регламентация социальных отношений в информационно-коммуникативной сфере общественной жизни, включая политику государства в отноше-

¹Первые официальные упоминания о свободе слова в России связаны с принятием цензурного устава Александром I в 1804 году.

²Свобода человека состоит в тождестве меня с другим, когда другой также свободен и мной признается свободным (Гегель. Сборник сочинений. М., 1990. С. 34-35).

нии данных процессов. Основываясь на анализе представлений о свободе в различных видах права, можно сделать вывод, что взаимосвязь всех этих отраслей находит свое отражение в информационном праве. Право на свободный доступ к информации реализуется всеми субъектами общественных, государственных и правовых отношений, в каком бы правовом статусе эти субъекты ни были. Но приоритетной фигурой при этом остается человек как гражданин, обладающий правовым статусом личности.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в прикладном аспекте категория «свобода» в этом виде права предстает в связке с понятием информации, поскольку определяются права человека на доступ, создание, преобразование, защиту и потребление информации. Ограничение свободы в данном контексте рассматривается как регламентация и регулирование отношений в информационной среде, как достижение баланса интересов общества, государства и личности. Следует отметить, что в данном подходе отмечаются роль и значение категории свободы в информационных отношениях и она предстает одной из доминант деятельности в информационно-коммуникативной сфере и социальных отношениях.

Таким образом, свободу в ее информационно-коммуникативном дискурсе следует рассматривать с учетом двух составляющих. С точки зрения социальной значимости — как необходимый компонент деятельности, в единстве философского и правового аспектов, с другой — в единстве с информацией как границей допустимого в правовой деятельности. В рамках указанного подхода нетрудно обнаружить взаимосвязь индивидуального и социального в становлении и актуализации свободы в правовой культуре.

Еще одна проблема в рассматриваемом контексте — это свобода и манипулирование ею в киберпространстве. Особая роль современного интернет-пространства заключается в формировании и распространении определенных социальных норм, в том числе и правовых. С точки зрения потребителя оценочные суждения и провозглашенные нормы моментально утрачиваются или заменяются другими в связи с ростом информации или интересами определенных социальных групп. Рассматривая тенденцию навязывания с помощью средств массовой информации (СМИ) определенных представлений и норм, в том числе и о свободе деятельности, следует отметить, что зачастую эти правовые и социальные манипуляции учитывают инстинкты толпы. Фактически речь идет о том, что в информационном пространстве происходит не только манипулирование со-

циальными нормами, но и навязывание определенных представлений о свободе. Влияние этого явления на процессы формирования правовой культуры и правосознания путем манипулирования социальными нормами требует тщательного изучения, анализа и правового реагирования. В интернет-пространстве одновременно имеет место единство информационной среды и реальности, но в силу приоритета и роста современных технологий манипулирования происходит своеобразное разрушение мифов, и в первую очередь — мифа о свободе. Как только та или иная деятельность начинает подвергаться теоретическому анализу и системному исследованию, объектом внимания становится нечто иное, виртуальная реальность распадается. Однако представления о свободе и ее границах остаются прежними, поэтому складывается парадоксальная ситуация: реальность и необходимость ограничения свободы приводят к манипуляциям в интернет-пространстве, а СМИ, в свою очередь, манипулируют реальностью. Если до стадии массового применения информации была возможность все-таки придерживаться основных векторов традиционных представлений о свободе и социальных ролях, то в новых условиях каждый человек с изменением круга и пространства общения усваивает и применяет новые варианты выбора и ответственности. Виды манипулирования присутствуют в процессах социального управления и наличествуют в средствах массовой информации, поэтому следует признать, что акты манипулятивного воздействия реализуются практически во всех сферах общественной жизни.

Процесс манипулирования порождает ситуацию, в которой присутствует внешняя для коммуникации цель и отсутствует ее открытое, аргументированное и обоснованное объяснение для всех участников коммуникации. Коммуникационные стратегии подразделяются на два вида — коммуникативные и некоммуникативные, последние предстают как манипулятивные. Следует отметить, что в юриспруденции практически отсутствуют исследования особенностей манипулирования в этой области общественной жизни, но нарушение свободы и морального ее смысла требуют такого рода работ, особенно в междисциплинарных рамках изучения правосознания с позиций информационного права. Теоретическое обобщение и правовой анализ, а также оценки с позиций юриспруденции данного феномена разрознены и не систематизированы. Данное обстоятельство свидетельствует о значительных познавательных возможностях междисциплинарного синтеза в дискурсе информационно-коммуникативной функции свободы как универсальной фундаментальной категории.

Специфика виртуальной коммуникации позволяет проявить в общении наибольшую степень свободы и самовыражения личности, поскольку главная функция Интернета – это распространение информации среди огромной аудитории.

Вместе с тем свобода слова в Интернете не может и не должна быть безграничной. Право личности на самовыражение существует до той поры, пока оно не противоречит законным правам и интересам других людей. Это – один из основополагающих принципов идеологии либерализма, без осознания которого свобода личности не может существовать в принципе. Поэтому реализация принципа «абсолютной» свободы слова может легко обернуться произволом, отрицательными последствиями для общества и отдельной личности.

Какие конкретные отрицательные последствия, этико-правовые границы свободы слова можно в связи с этим очертить и возможна и нужна ли цензура в сетевом общении?

Практика свидетельствует, что наряду с социально полезной допустимой для безопасности граждан информацией в Интернете появилась информация, потенциально опасная для общества. К ней могут быть отнесены следующие сведения:

- инструкции по изготовлению взрывчатых устройств и производству наркотиков, проведению террористических актов, которые угрожают национальной безопасности, безопасности и здоровью граждан;

- использование Интернета для банковских махинаций, операций по финансированию деятельности террористических или мафиозных групп;

- материалы и иллюстрации, пропагандирующие насилие и порнографию, оскорбляющие общественную мораль, снижающие уровень нравственности в обществе;

- пропаганда через киберпространство воззрений экстремистских группировок;

- материалы, оскорбляющие человеческое достоинство, проводящие дискриминацию по расовому, религиозному, половому или иным признакам;

- публикация материалов, нарушающих авторские права, т.е. публикация без разрешения автора;

- информация, наносящая вред репутации личности или организации, клевета, антиреклама и т.п.

Для примера: по данным уголовно-правовой статистики, за последние пять лет основная масса преступлений и правонарушений экстремистской направленности, с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ, с использованием технологий по изготовлению взрывчатых веществ и взрывных устройств переместилась в киберпространство и совершается с применением IT-технологий.

Положение усугубляется тем, что в этой сфере сравнительно недавно начали оформляться институциональные или профессиональные критерии качества и достоверности информации, а для рядового пользователя массовая коммуникация в Интернете по-прежнему кажется тотально анонимной и как бы ни к чему не обязывающей. Поэтому необходимо признать, что некоторые ограничения свободы слова в Интернете вполне оправданны и необходимы, с тем условием, что они основаны на принципе разумного баланса между информационной свободой и гарантированной защитой личных, государственных и общественных интересов.

С одной стороны, действительно, есть острая необходимость в правовом ограничении предосудительной информации, с другой – исполнительная власть в любой стране может злоупотреблять этими ограничениями, ссылаясь на необходимость обеспечения «информационной безопасности», и тем самым будет ограничивать свободу слова. А такая тенденция наблюдалась в периоды активизации терроризма, экстремизма во многих странах мира. В этом аспекте следует согласиться с решением правительства о блокировании оскорбляющих общественную нравственность или угрожающих национальной безопасности сообщений.

Цензура, в какой бы форме ни осуществлялась, являясь государственным институтом и претендуя на роль выразителя всеобщих интересов, на деле выражает, как правило, интересы лишь незначительной части общества – исполнительной власти. Даже предполагая, что власть с помощью цензуры действует во благо своих граждан, мы понимаем, что она лишает их самостоятельного и добровольного выбора и тем самым содержит элемент насилия. Да и понятие «общественного блага» в устах чиновников звучит расплывчато и открывает простор для множества злоупотреблений. Поэтому введение цензуры нельзя считать удачным решением проблемы контроля в Сети. Следует также отметить, что с учетом культурных, национальных и религиозных особенностей разных стран само понятие «предосудительная информация» не может иметь однозначный, универсальный смысл. Это также затрудняет выработку единой информационной политики в данной сфере. Именно поэтому возрастает значимость морально-этической компоненты в информационной культуре пользователей Интернета.

Обсуждение и заключения

В качестве приемлемой альтернативы цензуре и иным законодательным ограничениям предлагается рассматривать фильтрацию размещаемых в Сети материалов при помощи специализированно-

¹Обзор состояния преступности в Российской Федерации за 2016-2019 гг. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2020).

го программного обеспечения, которое позволяет блокировать доступ к сайтам, содержащим непристойные слова или изображения. Главный вывод из вышеизложенного состоит в том, что технические меры контроля за распространением информации в Интернете предпочтительнее, чем цензура, хотя очевидно, что эти меры недостаточны.

Как и в реальном обществе, в виртуальном пространстве взаимодействуют конкретные люди, для которых действенность моральных или правовых норм зависит не только от степени жесткости социального воздействия в случае их нарушения, но в не меньшей степени – от уровня их самосознания, в первую очередь морального и нравственного. Именно нравственное сознание лежит в основе выполнения индивидом любых норм, правил общества – технических, организационных, правовых. Поэтому без понимания и поддержки со стороны рядовых пользо-

вателей, без их сознательной ориентации на моральные нормы работа подобных организаций не может быть результативной.

Компьютер, бесспорно, увеличивает степень индивидуальной свободы человека, расширяет границы возможностей его общения с теми, кого он сам выбирает себе в партнеры для коммуникации. Но для преобладания положительных последствий в виртуальном пространстве государство и сетевое сообщество должны найти и разработать наиболее адекватные этому типу коммуникации формы контроля и регуляции, способствующие формированию нового типа культуры – информационной, компьютерной культуры общения. Дальнейшая разработка компьютерного права и компьютерной этики, обязательное ее использование должны стать обязательными элементами подготовки пользователей компьютерными технологиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демичев А.А. Методологические проблемы исследования правового регулирования межличностных отношений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. №2 (38). С. 23 – 27.
2. Киберпространство БРИКС: правовое измерение (в преддверии саммита БРИКС 3-5 сентября 2017 г.): монография / отв. ред. Д. Руйпин, Т.Я. Хабриева. М.: Изд-во Института законодательства и сравнительного правоведения, 2017. 334 с.
3. Фатьянов А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности в РФ. М.: Юрист, 2001. 412 с.
4. Степанов О.А. Противодействие кибертерроризму в цифровую эпоху: монография. М.: Юрайт, 2020. 103 с.
5. Неволин К. История российских гражданских законов: в 3 т. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1851.
6. Краснов Ю.К. История государства и права России : учебное пособие. Ч. 1. М.: Российское педагогическое агентство, 1997. 287 с.

REFERENCES

1. Demichev A.A. Metodologicheskie problemy issledovaniya pravovogo regulirovaniya mezhlchnostnyh otnoshenij // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2017. № 2 (38). S. 23 – 27.
2. Kiberprostranstvo BRIKS: pravovoe izmerenie (v preddverii sammita BRIKS 3-5 sentyabrya 2017 g.): monografiya / otv. red. Den Rujpin, T.YA. Habrieva. M.: Izd-vo Instituta zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya, 2017. 334 s.
3. Fat'yanov A.A. Pravovoe obespechenie informacionnoj bezopasnosti v RF. M.: YUrist, 2001. 412 s.
4. Stepanov O.A. Protivodejstvie kiberterrorizmu v cifrovuyu epohu: monografiya. M.: YUrajt, 2020. 103 s.
5. Nevolin K. Istoriya rossijskih grazhdanskih zakonov: v 3 t. SPb.: tip. Imp. Akademii nauk, 1851.
6. Krasnov YU.K. Istoriya gosudarstva i prava Rossii: uchebnoe posobie. CH. 1. M.: Rossijskoe pedagogicheskoe agentstvo, 1997. 287 s.

Об авторе: Алиуллов Рашид Рахимуллович, доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД Казанского юридического института МВД России
e-mail: aliul-rashid@rambler.ru
© Алиуллов Р.Р., 2020

Статья получена: 10.03.2019. Статья принята к публикации: 18.03.2020.

Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

About the author: Aliullov Rashid R., Doctor of Laws (Doctor habilitatus), Head of the Department of Administrative Law, Administrative Activity and Department of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of MIA of Russia
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

В.Г. Жуков

**ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ И ПРАВОВОЙ ИДЕАЛИЗМ
КАК НАИБОЛЕЕ АКТУАЛЬНЫЕ И ВЫРАЖАЮЩИЕ
ПОВЫШЕННУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ
ФОРМЫ ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**LEGAL NIHILISM AND LEGAL IDEALISM AS THE
MOST RELEVANT AND EXPRESSING A GREATER
DANGER OF THE FORM OF DEFORMATION OF LEGAL
CONSCIOUSNESS OF POLICE OFFICERS**

Введение: статья посвящена исследованию профессиональной деформации правосознания сотрудников органов внутренних дел.

Материалы и методы: для обоснования предложенных тезисов автором использовались такие специальные методы познания, как историко-правовой, логический, статистический, формально-юридический и др. Теоретическую базу исследования составляют труды российских ученых, занимающихся вопросами формирования правового сознания, нормативные правовые акты, а также данные проведенного автором статьи социологического исследования.

Результаты исследования: в статье рассмотрены такие виды деформации правового сознания, как правовой нигилизм и правовой идеализм, определены особенности правового идеализма и правового нигилизма, причины их появления в сознании полицейских, а также предложены пути преодоления данных негативных явлений.

Обсуждение и заключения: автор статьи приходит к выводу, что работа по правовому воспитанию сотрудников полиции должна занимать особое место в деятельности органов внутренних дел, что, в свою очередь, указывает на необходимость совершенствования правовоспитательных мероприятий в отношении сотрудников полиции.

Ключевые слова: правосознание; деформация правового сознания; правовой нигилизм; правовой идеализм; форма деформации правосознания; сотрудник полиции; правовое воспитание; нравственное воспитание; правоохранительные органы, государство

Для цитирования: Жуков В.Г. Правовой нигилизм и правовой идеализм как наиболее актуальные и выражающие повышенную общественную опасность формы деформации правосознания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 47 – 52. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.006

Introduction: the article is devoted to the study of cognitive deformity in internal affairs officers.

Materials and Methods: to substantiate the proposed theses, the author used such special methods of cognition as historical-legal, logical, statistical, formal-legal, etc. The theoretical basis of the study was the work of Russian academicians dealing with the formation of legal consciousness, regulatory legal acts, as well as data from a sociological study.

Results: the author considered such types of deformation of legal consciousness as legal nihilism and legal idealism, defined the features of legal idealism and legal nihilism, the reasons for their appearance in minds of police officers, and suggested ways to overcome these negative phenomena.

Discussion and Conclusions: the author concluded that the legal education of police officers should hold a special place in the activities of the internal affairs bodies, which, in turn, indicates the need to improve the legal education measures.

Key words: legal awareness, deformation of legal consciousness, legal nihilism, legal idealism, form of deformation of justice, police officer, legal education, moral education, law enforcement agencies, state

For citation: Zhukov V.G. Legal Nihilism and Legal Idealism as the Most Relevant and Expressing a Greater Danger of Deformation of Legal Consciousness of Police Officers // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 47 – 52. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.006

Введение

В настоящее время, характеризующееся бурным развитием информатизации, основными источниками правовой информации выступают газеты, телевидение, Интернет. Важная роль в процессе восприятия обществом правовых норм, а также в механизме обеспечения реализации конституционных положений отводится Министерству внутренних дел Российской Федерации. Сотрудник полиции, являясь представителем власти, при общении с людьми оказывает на них правовоспитательное воздействие. Таким образом, роль правового сознания сотрудника полиции как субъекта правовоспитательного процесса весьма значительна.

Нельзя не упомянуть о значимости формирования положительного образа сотрудника полиции, совершенствования профессионального правосознания каждого сотрудника органов внутренних дел в соответствии с прогрессивными тенденциями развития российского правового государства [1, с. 128].

Отличительным признаком правового государства является верховенство закона, а также выполнение его требований всеми субъектами права – как властями, так и народом. Следовательно, необходимое условие его построения заключается в воспитании соответствующего правосознания в современном обществе.

В настоящее время процессу формирования правосознания препятствуют многочисленные случаи его деформации. Понимание деформаций правового сознания в специальной литературе не является единым; это обусловливается спецификой комплексного подхода к изучению данной проблемы с позиции таких наук, как юриспруденция, психология, социология, философия.

Материалы и методы

В работе использовались специальные методы познания: историко-правовой, логический, статистический, формально-юридический и др. Теоретическую основу исследования составили труды российских ученых, занимающихся исследованием правового сознания. Также в статье представлены результаты проведенного автором социологического исследования проблем, связанных с формированием правосознания сотрудников органов внутренних дел, определением направления формирования правосознания сотрудников ОВД, выработкой рекомендаций по предотвращению случаев деформаций правового сознания, а также разработкой предложений по совершенствованию профессиональной служебной подготовки сотрудников структурных подразделений УМВД России по Белгородской, Воронежской, Тамбовской, Кур-

ской, Орловской, Брянской, Липецкой областям. В ходе проведения социологического исследования были опрошены 1720 сотрудников органов внутренних дел, из них 247 сотрудников ГИБДД, 181 сотрудник подразделения участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних, 380 сотрудников подразделений, осуществляющих охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности (патрульно-постовой службы, отдельного батальона охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых, дежурных частей), 912 сотрудников уголовного розыска, подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, следственных подразделений и отделов дознания.

Результаты исследования

Идея отрицательного отношения к правовым нормам и ценностям сознания впервые в юридической науке была сформулирована И.И. Карпецом и А.Р. Ратиновым, которые называли одними из конкретных, ближайших и непосредственных причин, порождающих преступление и отличающих его от иных антиобщественных поступков, разрушение или пробелы в правовых ценностях юридического сознания индивида, выражающиеся в правовом негативизме правосознания личности или правовом инфантилизме [2, с. 48].

По данным проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) исследования, доверие к сотрудникам полиции своего региона в 2018 г. выразили две трети опрошенных россиян (67% – рекордно высокий показатель), в 2016 – 2017 гг. соответствующий показатель составлял 46 – 47%. Уровень недоверия соответственно снизился до 27%.

Деформация правового сознания предполагает наличие у сотрудника правовых знаний, взглядов и установок, которые в результате различного рода причин трансформировались в противоправные или остались правовыми лишь частично.

Профессиональное правосознание современного сотрудника полиции в различной степени деформировано. Представляя собой тяжелую социальную проблему общества, в настоящее время деформация правового сознания достигла значительного масштаба. Причины, приводящие к деформации, различны, что требует систематического проведения с сотрудниками органов внутренних дел воспитательных мероприятий с целью выявления отклонения в их поведении.

Интересными представляются ответы сотрудников полиции в рамках проведенного нами анкетирования сотрудников структурных подразделений на вопрос: «В каких обстоятельствах, по Вашему мнению, возможно прибегнуть к поступ-

кам, нарушающим нормы права?». На возможность нарушения правовых норм в случае ощущения безнаказанности и возможности избежать ответственности указали 11 % опрошенных лиц, в случаях, не терпящих отлагательства, – 15 %, при личном несогласии с требованиями норм права – 6 %. Подавляющее большинство (57%) затруднились ответить на данный вопрос.

Кроме того, отмечены в результате опроса ситуации, когда государственные служащие допускают нарушение правовых норм в результате их незнания. Так, 29 % респондентов готовы прибегнуть к нарушению правовых предписаний в целях достижения наибольшей эффективности в результате выполнения служебного задания. 20 % готовы прибегнуть к тому же только в случае, если об этом никто не узнает. Не готовы прибегнуть к нарушению норм права в указанной ситуации – 38%, готовы лишь в критических ситуациях – 13%.

Все это требует актуализации и последующей фиксации в сознании офицеров полиции не только профессионально значимых компетенций, но и нравственных норм, моральных устоев, ценностных ориентаций, духовно-нравственных установок, способствующих достижению целей качественного служения офицера полиции обществу, обеспечения защиты прав и свобод граждан России, изменению в общественном сознании профессионально-нравственного облика полицейского, повышению степени доверия к нему путем формирования у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России профессиональной нравственности.

Профессиональное правосознание, по сути, должно исключать нигилистические проявления, правда, во многих жизненных ситуациях и профессионалы склонны к нарушению правовых предписаний. В современных общественных отношениях такие проявления достаточно очевидны.

П.П. Баранов выделяет следующие основные формы деформаций правосознания:

а) правовой инфантилизм – мягкая форма искажения правосознания вследствие несформированности, недостаточности правовых знаний, установок;

б) правовой нигилизм – осознанное игнорирование требований закона, исключаящее преступный умысел;

в) «перерождение» правосознания – крайняя степень искаженного дефектного правосознания, при котором формой «перерожденческого» является совершение преступлений;

г) правовой идеализм – форма деформации правового сознания, которая заключается в возведении в «абсолют» права, его значения, правовых

институтов в регулировании общественных отношений в социуме [3, с. 482].

Необходимо отметить еще два важных вида деформации правового сознания. К их числу относятся правовой фетишизм и правовой дилетантизм. Правовой фетишизм заключается в гипертрофированном представлении роли права, юридических средств в решении социально-экономических, политических и иных задач. Так, некоторые граждане считают, что с помощью ужесточения уголовного закона можно победить преступность. Правовой дилетантизм – вольное обращение с правом, с оценками юридической ситуации не в силу корыстных целей, а ввиду небрежного отношения к юридическим ценностям.

Особое место занимает правовой нигилизм, который представляет собой осознанное игнорирование требований нормативных правовых актов, исключаящее преступный замысел. Проявление правового нигилизма стоит отнести к устоявшимся формам деформации профессионального правосознания, проявляющимся в негативном отношении к правовым нормам, в уверенности, что данные нормы являются формальными, что соблюдать их не обязательно, а необходимо руководствоваться собственными интересами. Нигилизм распространяет сферу своих действий и на бытовой, обывательский уровень, и на государственный. К основным причинам распространения правового нигилизма относится историческая память о непризнании прав и свобод человека от феодально-средневековой Руси до модели диктатуры пролетариата, не связанной и не ограниченной законами, а также о советской правовой системе с ее господством административно-командного, а не правового принципа [4, с. 52].

В массовом сознании явление правового нигилизма определяется следующими установками: право есть неполноценная, а также ущербная форма регулирования общественных отношений. В тоталитарных социумах принято в связи с этим противопоставлять правовое государство справедливому государству.

Главной целью в работе по искоренению случаев проявления правового нигилизма полицейских, а также в работе по формированию здорового правового сознания является развитие уровня их правовой культуры. Также необходимо комплексно подходить к профилактике преступлений со стороны правозащитников, соблюдению принципа законности, поддержанию ими высокого уровня правопорядка.

Следующим по частоте случаев проявления идет такой вид деформации правосознания, как правовой идеализм. Правовой идеализм не так

часто обсуждается в средствах массовой информации, однако данное отклонение правосознания оказывает разрушающее воздействие на общество [5, с. 24]. Намного меньше внимания уделено вопросам формирования правового идеализма как явления, которое еще не в должной мере проникло в правосознание людей, в их образ деятельности. Большинство людей даже не подозревают о существовании правового идеализма, однако сами находятся под воздействием данного отклонения правового сознания. Общественно опасные последствия от него ничуть не уступают последствиям правового нигилизма. Осознается это, как правило, после того, как негативные последствия становятся очевидными.

Проблема, связанная с правовым идеализмом, в современной научной мысли в достаточном объеме до сих пор не рассмотрена, но необходимость ее исследования назрела уже давно, так как данное социально-правовое явление причиняет значительный вред обществу, а также правовой культуре, правосознанию людей, политике, поскольку данный феномен широко распространяется в современном мире.

Правовой идеализм по своей сущности является одной из форм идеального права. В корне и основаниях массового и индивидуального правосознания находится идея идеального права, основывающаяся на главенстве естественных прав человека, которые, в свою очередь, признаются и защищаются государством [6, с. 52].

Искоренение такой деформации правового сознания, как правовой идеализм, является одной из главных проблем современного развития общественного правосознания граждан, поскольку «законам придается значение некой чудодейственной силы, способной одним движением руки решить все насущные проблемы» [7, с. 46]. Преувеличение роли нормативных правовых актов как единственного способа решения всех проблем приводит к образованию новых проблем в обыденной жизни. Последствия, порождаемые таким правосознанием, носят серьезный характер и приводят к снижению авторитета государственной власти и права в целом.

Деформированное мышление в области правовых норм препятствует адекватному определению своего отношения к праву. Уже на протяжении долгих лет закон и наказание сопоставляются как равнозначные понятия, что способствует формированию у граждан некачественного правового сознания. Происходит это вследствие поверхностного ознакомления с правовыми предписаниями и в результате низкой оценки нормативных правовых актов в вопросе регулирования общественных отношений.

Таким образом, в правосознании граждан сформировалась правовая установка, которая предполагает, что для решения проблем в обществе необходимо принимать новые и новые законы. По мнению граждан, только так возможно преодолеть барьеры на пути формирования здорового общества, только так можно прийти к правовому государству, однако это не всегда возможно.

Ни один закон, создаваемый в государстве, не сможет кардинально повлиять на те или иные процессы деятельности, пока данная норма не проникнет в правосознание граждан, не пройдет через его оценку и станет эталоном при выборе соответствующей модели поведения. Поэтому законодатель должен не просто принять тот или иной закон, но также должным образом донести его до общества. Однако все происходит иначе. Вступивший в законную силу нормативный правовой акт не всегда оправдывает ожидания граждан. Все приводит к тому, что общество начинает одобрять и неправомерные действия – лишь бы эти действия принесли полезный результат.

Следовательно, вопрос, касающийся принятия тех или иных законов, остается в числе первоочередных. Повышенное внимание необходимо уделять не количеству нормативных правовых актов, а качеству изложенных в них положений, их актуальности, целесообразности. Данные нормы должны отражать интересы всего общества, а не отдельных категорий граждан. Следующим важным моментом является необходимость контроля за исполнением данных норм, как со стороны правоохранительных органов, так и путем общественного контроля. Полагаем, что на законодательном уровне проблемы надо решать не принятием нового норматива, а путем пересмотра уже существующего, с учетом сложившихся в обществе обстоятельств. Только так можно положить начало борьбы с правовым идеализмом.

Таким образом, под правовым идеализмом следует понимать деформацию правосознания, которая заключается в переоценке действующего права, его положений, наносящая большой вред государству. Данное явление противопоставляется правовому нигилизму, однако общественно вредные последствия у них схожи. Правовой идеализм – сложное, недостаточно изученное правовое явление, появляющееся в сознании людей по ряду причин, в том числе под влиянием экономической, культурной, моральной политики государства.

В связи с вышесказанным актуальной является проблема правового воспитания населения. По мнению автора статьи, прежде всего необходимо

начать с правового воспитания сотрудников полиции как гарантов поддержания социального порядка. С целью решения данной проблемы необходимо совершенствовать правовоспитательные мероприятия, проводимые в кругу профессионалов, акцентируя внимание на каждом отдельно взятом сотруднике полиции с учетом его профессиональных, личностных качеств, а также с учетом его психических особенностей [8, с 25].

Значительное влияние на формирование профессионального правосознания сотрудника органов внутренних дел оказывает именно правовое воспитание личности. Как отмечает Е.Е. Некрасов [9, с. 87], под таковым следует понимать целенаправленную систематическую деятельность государства в лице его органов и должностных лиц, объединений, учреждений и коллективов, направленную на формирование, повышение правосознания и правовой культуры. Главным элементом правового воспитания выступает непосредственно правовое обучение. Несмотря на то, что правоприменители являются носителями профессионального правосознания и имеют достаточно высокий уровень правовых познаний, в полиции наблюдается дефицит квалифицированных специалистов, поскольку некоторые из них не имеют высшего юридического образования [10, с. 94].

Обсуждение и заключения

В настоящее время на пути формирования качественного правосознания сотрудников полиции стоит ряд проблем: деформированное правовое сознание гражданина еще до поступления на службу в полицию; недостаточный объем знаний, полученных за время обучения в образовательной организации МВД России; нерегулярное повышение правовых знаний в процессе службы; неблагоприятное воздействие общества, а также СМИ на сотрудников полиции и др. – все это требует особого внимания ко всем этапам формирования правосознания и в то же время к формированию положительного образа сотрудника органов внутренних дел.

В настоящее время еще недостаточно разработаны основные подходы к преодолению представленных видов деформации правосознания. Обществу необходимо искоренить как правовой нигилизм, так и правовой идеализм, так как они существуют параллельно и подпитывают друг друга. По мнению автора, правовой нигилизм и правовой идеализм можно преодолеть только в результате повышения общей культуры сотрудников правоохранительных органов, и в особенности правовой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пересадына О.В. Структура профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7. С. 128 – 130.
2. Карпец И.И., Рагинов А.Р. Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. 1968. № 12. С.47 – 54.
3. Баранов П.П. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права. Курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 475 – 494.
4. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как явления российского политического менталитета // Право и жизнь. 2002. № 47. С. 45 – 53.
5. Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 12. С. 8 – 24.
6. Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 52 – 58.
7. Каландаришвили З.Н. Деформация правосознания молодежи и юридические способы ее преодоления: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 202 с.
8. Ахметов А.С. Правовое воспитание как важнейшее условие формирования правовой культуры // Юридическое образование и наука. 2014. № 3. С. 25 – 27.
9. Некрасов Е.Е. Нравственное обоснование законного интереса. Пятигорск, 2015. 136 с.
10. Татару Б.А. Факторы, влияющие на формирование профессионального правосознания сотрудников ОВД // Вестник СевКавГТИ. 2017. № 3 (30). С. 93 – 97.

REFERENCES

1. Peresadina O.V. Struktura professional'nogo pravosoznaniya sotrudnikov organov vnutrennih del // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 7. S. 128 – 130.
2. Karpec I.I., Ratinov A.R. Pravosoznanie i prichiny prestupnosti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1968. № 12. S.47 – 54.
3. Baranov P.P. Pravosoznanie i pravovoe vospitanie // Obshchaya teoriya prava. Kurs lekcij. N. Novgorod, 1993. S. 475 – 494.
4. Matuzov N.I. Pravovoj nihilizm i pravovoj idealizm kak yavleniya rossijskogo politicheskogo mentaliteta // Pravo i zhizn'. 2002. № 47. S. 45 – 53.
5. Matuzov N.I. Pravovoj nihilizm kak obraz zhizni // Pravo i politika. 2012. № 12. S. 8 – 24.
6. Tumanov V.A. Pravovoj nihilizm v istoriko-ideologicheskom rakurse // Gosudarstvo i pravo. 1993. № 8. S. 52 – 58.
7. Kalandarishvili Z.N. Deformaciya pravosoznaniya molodezhi i yuridicheskie sposoby ee preodoleniya: teoretiko-pravovoj aspekt: dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2005. 202 s.
8. Ahmetov A.S. Pravovoe vospitanie kak vazhnejshhee uslovie formirovaniya pravovoj kul'tury // YUridicheskoe obrazovanie i nauka. 2014. № 3. S. 25 – 27.
9. Nekrasov E.E. Nravstvennoe obosnovanie zakonnoho interesa. Pyatigorsk, 2015. 136 S.
10. Tataru B.A. Faktory, vliyayushchie na formirovanie professional'nogo pravosoznaniya sotrudnikov OVD // Vestnik SevKavGTI. 2017. № 3 (30). S. 93 – 97.

Об авторе: Жуков Владислав Геннадьевич, адъюнкт Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова
e-mail: us-cs2222@inbox.ru

© Жуков В.Г., 2020

Статья получена: 13.11.2019. Статья принята к публикации: 18.03.2020.
Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

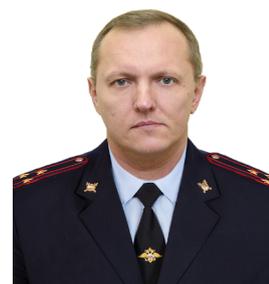
About the author: Zhukov Vladislav G., Postgraduate, Oryol Law Institute of MIA of Russia Named After V.V. Lukjanov

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Л.В. Карнаушенко

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРАВА
В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ**

**THE PHENOMENOLOGY OF LAW
IN A TRANSFORMING SOCIETY**

Введение: в статье представлены результаты исследования основных механизмов формирования отношения к праву, отрицательных тенденций криминализации общественной культуры, их значение и предпосылки; обозначено влияние социально-мировоззренческих факторов на развитие правовой сферы.

Материалы и методы: в процессе работы над статьей осуществлено обращение к исследованиям, посвященным социокультурному аспекту формирования и изменения правосознания. Методологическую базу исследования составили методы анализа, синтеза, сравнения и абстрагирования, а также культурный анализ, феноменологический подход и в рамках изучения отдельных аспектов правовой практики – структурно-функциональный подход.

Результаты исследования: автор отмечает, что ключевым аспектом социальной активности субъекта является характер мировоззрения. При этом правосознание встраивается в общую систему представлений человека об окружающей социальной действительности. Поэтому тенденции трансформации культуры означают, в том числе, трансформации условий правовой активности членов общества.

Обсуждение и заключения: фактор культурного контекста конкретных правовых норм имеет определяющее значение на уровне практики их исполнения. Отсюда проистекают два важных вывода: с одной стороны, крайне важно, чтобы культурно-трансформационные процессы не противоречили структуре и содержанию действующей правовой системы. С другой стороны, изменения в правовой сфере должны производиться, в том числе, с учетом культурного контекста вводимых (или подвергаемых изменениям) правовых норм.

Ключевые слова: общество, право, правосознание, правовая культура, культурные трансформации

Для цитирования: Карнаушенко Л.В. Феноменология права в трансформирующемся российском обществе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 53 – 56. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.007

Introduction: the article presents the results of the study of the main mechanisms of forming an attitude to the law, negative trends in the criminalization of social culture, their significance and prerequisites, the impact of social and philosophical factors on the development of the legal sphere.

Materials and Methods: in the course of the work on the article the reference to the researches devoted to the socio-cultural aspect of formation and change of legal consciousness was made. Methodological basis of the research was formed by the methods of analysis, synthesis, comparison and abstraction, as well as cultural analysis, phenomenological approach and within the framework of the study of individual aspects of legal practice – structural and functional approach.

Results: the author notes that the key aspect of the social activity of the subject is the nature of the worldview. At the same time, legal consciousness is built into the general system of human ideas about the surrounding social reality. Therefore, cultural transformation trends mean, among other things, transformation of conditions for legal activity of members of society.

Discussion and Conclusions: the factor of cultural context of specific legal norms is of crucial importance at the level of their implementation practice. This leads to two important conclusions: on the one hand, it is crucial that cultural transformation processes do not contradict the structure and content of the existing legal system. On the other hand, changes in the legal field must also take into account the cultural context of the legal norms that are being introduced (or modified).

Key words: society, law, legal awareness, legal culture, cultural transformations

For citation: Karnaushenko L.V. The Phenomenology of Law in a Transforming Society // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 53 – 56. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.007

Введение

Существование общества определяется двумя важными интенциями: стремлением к стабильности, а также необходимостью адаптации к возникающим внутренним и внешним вызовам. По этой причине наиболее корректно было бы судить о том, что стабильность, к которой стремится общество, – это не статическое состояние. Общество стремится к динамической устойчивости своей внутренней структуры, и одним из основных факторов закрепления общественных отношений является право. Законодательная система определяет границы допустимого и задает модели взаимодействия в различных сферах общественной жизни, определяет актуальные права и обязанности членов общества. Одновременно с этим на уровне юридической сферы происходит закрепление соглашений между социальными акторами (к числу которых относятся как отдельные люди, так и институциональные структуры), что определяет устойчивость и неизменность определенных социальных связей. Таким образом, сфера права может быть рассмотрена в качестве базового элемента общественной структуры, определяющего стабильность общества и задающего характер взаимодействия его представителей (что особенно важно на фоне современной трансформационной динамики) [1]. Однако это суждение будет справедливо лишь в том случае, если мы говорим о ситуации, когда существующая система правовых норм отвечает интересам и потребностям членов общества и принимается ими. Вместе с тем существует ряд ситуаций, в которых имеет место несоответствие правовых норм культурной определенности членов общества, системе существующих в их сознании ценностных ориентаций, представлениям о целесообразности и т.д. Как результат, формируется мировоззренческая позиция, обосновывающая отход от нормативно определенного поведения в силу признания некорректности юридических норм. Формирование подобного мировоззрения является серьезной предпосылкой для развития тенденций неправового поведения членов общества. В связи с этим мы полагаем тематику механизмов формирования отношения к праву актуальной и важной.

Статья посвящена исследованию феноменологического аспекта права, что определяет его рассмотрение прежде всего как объекта познания. В рамках статьи исследуются мировоззренческие факторы социального восприятия права и интерпретации отдельных его норм, рассматриваются частные противоречия и общие парадигмы социального мышления, содержащие определенные

модели отношения к правовой сфере. Одной из основных задач, разрешаемых в рамках статьи, является освещение влияния социального мировоззрения на реализацию правового (или неправового) поведения в социальной среде. При этом исследование ориентировано на раскрытие соотношения социального мировоззрения и права как с точки зрения раскрытия категорий правосознания и правопонимания, так и с позиции детализации социально-мировоззренческих факторов динамики правовой сферы.

Обзор литературы

В рамках настоящей статьи производится последовательное прояснение ряда позиций с целью формирования целостного понимания затронутой проблемы. Тематика правосознания рассматривается в работах М.Ю. Зырянова [1], Е.Ю. Калининой [2], Е.В. Струговой [3]. Также в работе существенное внимание уделяется культурному аспекту взаимодействия с правовой сферой, что реализуется в двух основных измерениях. С одной стороны, в опоре на идеи известного американского исследователя Р. Мертона [4] осуществляется анализ роли культурных факторов в принятии либо, напротив, отказе от правовой модели социальной активности. С другой стороны, благодаря обращению к исследованию таких авторов, как Ф.Р. Хисамутдинов и А.Е. Шалагин [5], достигается конкретика в осмыслении проблематики развития криминальных субкультур. В рамках работы с обозначенными источниками проясняются такие важные аспекты исследуемой проблемы, как развитие правосознания в результате правового воспитания, соотношение правосознания и менталитета членов общества и его значение, социальные деформации правосознания. Также серьезное влияние на формирование концепции статьи оказало проведенное автором исследование [6], посвященное соотношению трансформационных процессов в отечественной культуре и изменениям в характере правосознания членов общества.

Материалы и методы

Настоящее исследование находится на стыке философско-правовой, социально-феноменологической и культурологической дисциплин, что определяет его комплексный, сложный характер и отражается, в том числе, в наборе применяемых методов. В рамках работы находят применение общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения и абстрагирования, а также культурный анализ, феноменологический подход и в рамках анализа отдельных аспектов правовой практики – структурно-функциональный подход. В качестве основных материалов, исследуемых в про-

цессе написания статьи, выступают исследования, посвященные культурному аспекту права, механизмам формирования, развития и деформации правосознания, культурным противоречиям, связанным с осмыслением правовой действительности, а также тенденциям в культуре, оказывающим деструктивное влияние на характер правосознания членов общества. В рамках ознакомления с ними определяются основные механизмы отражения правовых категорий в социальном мировоззрении членов общества.

Результаты исследования

Если мы рассматриваем такой аспект социальной практики, как деятельность членов общества, ключевое значение приобретает вопрос ее мировоззренческих предпосылок. Если на внешнем уровне социальные связи закрепляются институционально, то на уровне членов общества закрепление отношений происходит на уровне мировоззрения. Более того, именно установки мировоззрения определяют цели, которые ставят члены общества, допустимые способы их достижения, возможные ограничения в избираемых формах деятельности и т.д. Когда мы говорим о действиях конкретного человека, продиктованных стремлением следовать закону, речь идет, с одной стороны, о знании закона, с другой – о наличии интенции на осуществление законопослушного поведения. Оба перечисленных аспекта характеризуют мировоззренческий аспект отношения к праву. Таким образом, социально-мировоззренческий аспект правовых отношений имеет крайне высокую важность, будучи одним из их определяющих факторов.

В этом контексте существенный интерес представляет вопрос о культурном аспекте правовой активности. И в данном случае существуют различные варианты трактовки данной тематической сферы. Так, Е.Ю. Калинина полагает, что правосознание отражает теоретический аспект осмысления правовой реальности, в то время как правовая культура включает в себя деятельную составляющую [2]. Мы исходим из того, что социальное мышление предшествует деятельности, и в данном случае полагаем, что более корректно было бы считать правосознание формой активного субъектного отношения к правовой сфере, в то время как правовая культура представляет собой совокупность представлений о правовой сфере, выраженных как на уровне личного мировоззрения, так и на уровне различных внешних форм выражения.

Возвращаясь к вопросу о роли культурной сферы в формировании отношения к праву, следует отдельно отметить несколько аспектов:

- ценностные ориентиры и ключевые жизненные стратегии, представленные на уровне социальной культуры;

- соотношение преобладающих ценностных установок и моделей поведения с существующей нормативно-правовой сферой;

- отражение правовой сферы в культуре;

- характер самоидентификации членов общества и связь между преобладающим в социокультурной сфере основанием самоопределения и областью права.

Что касается первого из обозначенных аспектов, следует отметить, что имеет большое значение, с одной стороны, соотношение социальных ценностей и правовых норм, с другой – наличие принципиальной возможности достижения социально значимого результата законными средствами. Отсутствие подобного рода возможности, как отмечает Р. Мертон, является одной из серьезных предпосылок развития преступности [4]. Одновременно с этим следует отметить, что созвучность социальных идеалов с существующими правовыми нормами является мощным основанием принятия необходимости последних, и, напротив, противоречия между ними могут привести к внешнему восприятию права, вплоть до его отторжения. Классическим примером подобного рода социокультурного противоречия является криминальная субкультура, задающая обширные предпосылки для реализации неправовых моделей социальной активности [5].

Современные тенденции развития российского общества связаны с обширными трансформациями в культурной сфере, сопровождаемыми серьезными изменениями институционального плана. В этих условиях имеет место ряд неблагоприятных предпосылок формирования правосознания, связанных с развитием ценностного релятивизма, формированием множественности стилей социальной определенности (о чем уже было сказано ранее [6]), актуализацией индивидуалистических ценностей (что на уровне самоидентификации ставит интересы личности выше интересов общества), на фоне которых некоторые исследователи ставят вопрос о существенной деформации правосознания [3].

Одновременно с этим следует отметить, что современные условия развития культуры задают специфическую перспективу законодательной деятельности, поскольку происходит существенное расслоение населения по социальным приоритетам, интересам и ценностям, что делает проблематичной выработку системы норм, адекватных текущему состоянию социокультурной сферы.

Обсуждение и заключения

Высокая мера взаимосвязи социокультурной составляющей общественной жизни и характера правовых отношений в обществе определяет важность приведения культурной и правовой сфер в соответствие друг другу. Это означает, с одной стороны, что необходимо формировать культурные предпосылки корректной правовой активности, с другой – в процессе осуществления

законодательной деятельности учитывать социокультурную ситуацию. С учетом того, что в текущих условиях речь идет о плюралистичности культуры и наличии в ней встречных, подчас противоречащих друг другу тенденций, актуализируется вопрос об углубленном изучении культурной тематики в контексте общей постановки вопроса о соответствии культурного и правового аспектов жизни общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зырянов М.Ю. Правосознание и правовое воспитание // Вестник БГУ. 2009. № 6. С. 41-47.
2. Калинина Е.Ю. Ментальность и правосознание // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3. С. 27-32.
3. Стругова Е.В. О правосознании и его деформации // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 41-48.
4. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299-313.
5. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 46-52.
6. Карнаушенко Л.В. Правовое сознание и правовая культура в условиях социокультурных трансформаций российского общества // Социально-политические науки. 2015. № 4. С. 46-49.

REFERENCES

1. Zyryanov M.YU. Pravosochnanie i pravovoe vospitanie // Vestnik BGU. 2009. № 6. S. 41-47.
2. Kalinina E.YU. Mental'nost' i pravosochnanie // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. 2012. № 3. S. 27-32.
3. Strugova E.V. O pravosochnanii i ego deformacii // YUridicheskaya nauka. 2016. № 1. S. 41-48.
4. Merton R.K. Social'naya struktura i anomiya // Sociologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii). M.: Progress, 1966. S. 299-313.
5. Hisamutdinov F.R., SHalagin A.E. Kriminal'naya subkul'tura i ee preduprezhdenie // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 2 (20). S. 46-52.
6. Karnaushenko L.V. Pravovoe sochnanie i pravovaya kul'tura v usloviyah sociokul'turnyh transformacij rossijskogo obshchestva // Social'no-politicheskie nauki. 2015. № 4. S. 46-49.

Об авторе: Карнаушенко Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России
e-mail: karnl@mail.ru

©Карнаушенко Л.В., 2020

Статья получена: 26.12.2019. Статья принята к публикации: 18.03.2020.
Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

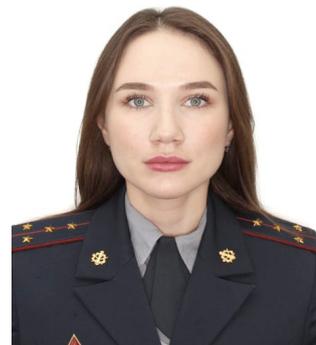
About the author: Karnaushenko Leonid V., Doctor of History (Doctor habilitatus), Professor, Head of Chair of Theory and History of Law and State, the Krasnodar University of MIA of Russia

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Ю.П. Колесникова

ИНТЕРПОЛЯЦИЯ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

INTERPOLATION OF LAW
IN RUSSIAN LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Введение: статья посвящена рассмотрению особенностей проявления интерполяции права в российской правоприменительной практике.

Материалы и методы: основу методологии исследования составил технико-юридический метод: в статье осуществлен анализ правоприменительной практики органов государственной власти, исследованы постановления и определения судов на предмет наличия неправовых элементов, интегрированных в процесс принятия правоприменительного решения или непосредственно в нормативный правовой акт.

Результаты исследования: результатом исследования выступило выявление четырех основных направлений объективации интерполяции права в правоприменительной практике.

Обсуждение и заключения: сделан вывод о неисчерпывающем характере сформированного перечня направлений объективации интерполяции права в правоприменительной деятельности, а также о необходимости дискуссионного осмысления потребности в усилении роли законодательной инициативы российских судов.

Ключевые слова: интерполяция права, правоприменение, реализация права, законодательная инициатива

Для цитирования: Колесникова Ю.П. Интерполяция права в российской правоприменительной практике // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 57 – 62. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.008

Introduction: the article is devoted to the peculiarities of interpolation of law in Russian law enforcement practice.

Materials and Methods: the basis of the research methodology was formed by the technical and legal method: the author analyzed the law enforcement practice of public authorities, investigated the decisions and definitions of the courts for the presence of non-legal elements integrated into the process of making an enforcement decision or directly in the regulatory legal act.

Results: the result of the research was the identification of four main directions of objectification of interpolation of law in law enforcement practice.

Discussion and Conclusions: the conclusion was made about the non-exhaustive nature of the accomplished list of directions for objectification of law interpolation in law enforcement practice, as well as about the necessity for discussion of the need to strengthen the role of legislative initiative of Russian courts.

Keywords: interpolation of law, law enforcement, enforcement of law, legislative initiative

For citation: Kolesnikova Yu.P. Interpolation of Law in Russian Law Enforcement Practice // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 57 – 62. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.008

Введение

Применение права является важным этапом его действия, позволяющим давать оценку уровня совершенства законодательной модели правоотношения, а также выявлять несоответствия заданной модели потребностям правореализационной деятельности. Достаточно часто правоприменитель сталкивается с необходимостью применения пра-

вовых норм, уже содержащих факторы, препятствующие их реализации. К числу таких факторов относятся, в том числе, и интерполяционные – факторы, обуславливающие подмену и искажение права [1].

Интерполяция (подмена и искажение) права на этапе правотворчества может находить проявление как в непосредственном включении в текст норма-

тивных правовых актов элементов неправового содержания, так и при допущении дефектов, которые с большой долей вероятности обусловят подмену и искажение права на этапе его реализации [2]. И в том случае, когда подмена и искажение права на стадии правоприменения обусловлены недостатками нормативного правового акта, и в том случае, когда они материализованы недостатками деятельности правоприменителя, возможные правовые последствия могут носить крайне деструктивный характер. В своей совокупности интерполяционно-правовые процессы в правоприменении негативным образом сказываются на эффективности правореализации и, следовательно, способны оказать влияние на механизм правового регулирования в целом, потенциальность и авторитет права, а также на уровень и качество профессионального правосознания должностных лиц.

Современный поиск путей повышения качества и эффективности правоприменительной деятельности, безусловно, должен быть основан на соответствующем теоретическом обеспечении. Явление интерполяции права, хотя и формирует самостоятельную теоретико-правовую категорию, тесно связано с иными проблемными аспектами, выделяемыми теоретиками в качестве факторов, препятствующих правореализационному процессу, такими как, например, неограниченное усмотрение, правоприменительные ошибки, расширительное толкование и пр.

Здесь важно оговорить, что явление интерполяции права (его подмены и искажения) не является своеобразной вариацией «нежелательного поведения» правоприменителя. Интерполяция права – это результат такого поведения. То есть правоприменитель может допустить нарушение пределов адекватного усмотрения при принятии правоприменительного решения, ошибиться при толковании материальных и процессуальных норм права, в результате чего позволить себе принять решение на основе регуляторов, отличных от права (например, на основе личного профессионального и бытового опыта). Иными словами, превышение пределов усмотрения, ошибки и иные дефекты в деятельности правоприменителя имеют причинностную природу, природу основания по отношению к итоговым подмене и искажению права – его интерполяции.

Именно поэтому подробная характеристика проявлений интерполяции права в правоприменении имеет высокое теоретическое значение, обусловленное необходимостью формирования новых подходов в исследовании «традиционных» проблемных вопросов. Кроме того, наличие положений, охватывающих наиболее общие закономерности и

направления функционирования интерполяционно-правовых процессов, являются не менее значимыми и для практической деятельности, поскольку обеспечивают возможность разработки рекомендаций, направленных на уменьшение латентности явления, его большую контролируемость и нивелирование потенциальных негативных последствий.

Обзор литературы

Внимания заслуживают современные исследования зарубежных коллег, посвященные влиянию системы социального регулирования на правоприменительный процесс. В частности, в 2017 г. D. Acemogly и M.O. Jackson провели исследование (с применением социологических методов), посвященное влиянию социальных норм на деятельность правоприменителей [3].

В контексте анализируемой темы значение также имеет и более раннее исследование монографического характера, посвященное проявлению усмотрения при принятии правоприменительных решений, как в рамках уголовного судопроизводства, так и за его пределами, опубликованное под редакцией L. Gelsthorpe и N. Patfield [4].

Отдельные аспекты подмены и искажения права в правоприменительной деятельности косвенно затрагиваются отечественными исследователями-юристами в рамках освещения таких тем, как усмотрение правоприменителя, превышение пределов допустимого усмотрения, эффективность правоприменительной деятельности, реализация права законодательной инициативы органов исполнительной власти, взаимодействие органов государственной власти.

Различные исследования в указанных выше направлениях лишь фрагментарно затрагивают потенциальность проявления интерполяции – подмены и искажения права в деятельности должностных лиц органов государственной власти. Однако анализ правоприменительной практики позволяет прийти к выводу о недостаточном отражении заявленной проблемы в современной юридической науке.

Вместе с тем отдельные теоретические юридические исследования являются важным звеном в постановке проблемы подмены и искажения права правоприменителем, а также интеграции неправовых регуляторов в систему упорядочения правоприменительной деятельности. Так, в 2015 г. М.П. Пронина обратила внимание научного сообщества на вопросы применения религиозных норм при принятии правоприменительных решений [5]. Автор приводит размышления относительно конкретных источников неправового содержания, находящихся отражение в правоприменительных актах. В 2017 г. А.В. Малышкин осветил вопросы применения ре-

лигиозных норм в механизме правового регулирования через призму интегрированной юрисдикции [6]. Также в 2017 г. Р.Б. Головкин и А.В. Малышкин в работе, посвященной стереотипам в деятельности должностных лиц органов государственной власти, подняли тему наличия в современной отечественной юридической практике правоприменительных стереотипов – устоявшихся алгоритмов действия лица в типичных правоприменительных ситуациях [7]. Важные в контексте исследуемой темы аспекты затронуты в работе С.Б. Полякова, посвященной диагностике правосознания правоприменителей. В данной работе содержатся выводы об интеграции неправовых (обыденных) средств регулирования общественных отношений в правоприменительные акты через правосознание правоприменителей [8].

Материалы и методы

К материалам исследования относится правоприменительная практика органов государственной власти, отражающая различные направления подмены и искажения права в своей структуре. Исследованы постановления и определения судов на предмет наличия неправовых элементов, интегрированных в процесс принятия правоприменительного решения или непосредственно в нормативный правовой акт.

Методологическую основу исследования, помимо комбинации общенаучных методов, составил формально-юридический метод. Данный метод применен в направлении оценки юридико-технической составляющей правоприменительных актов.

Результаты исследования

Практика подмены и искажения права на этапе правоприменения является, с одной стороны, производной от интерполяции права на стадии его установления, а с другой – самостоятельным правовым явлением, не зависящим от качества продукта правотворческой деятельности. В обоих случаях правоприменительная интерполяция является важным предметом исследования и теоретического анализа. На основании обобщения данных, полученных в результате исследования правоприменительной практики российских судов, представляется возможным сделать вывод о наличии четырех основных направлений объективации явления интерполяции права. Рассмотрим подробнее каждое направление.

1. Демонстрация в правоприменительном акте образцов обыденного, непрофессионального правосознания. Впервые обратил внимание научного сообщества на факты демонстрации обыденного правосознания правоприменителей профессор С.Б. Поляков. Примечательно, что данный автор разработал три критерия, позволяющих идентифицировать профессиональность правосознания

правоприменителя. По мнению данного автора, на уровень профессиональности правосознания должностного лица прямо указывает содержание конкретного правоприменительного акта и наличие/отсутствие в нем следующих составляющих: обстоятельств, имеющих значение при рассмотрении дела со ссылкой на конкретную правовую норму, предусматривающую указанные обстоятельства в качестве юридического факта (фактическое общественное отношение и модель правоотношения, предусмотренная законодателем); способа и вида толкования права; юридической оценки затруднений, возникающих в процессе правоприменения [8]. Указанная группа критериев относится непосредственно к содержанию нормативных правовых актов. Вместе с тем, на наш взгляд, на демонстрацию непрофессионального правосознания правоприменителем могут указывать не только факты отсутствия указанных выше элементов, но и ряд других проявлений, включая ошибки в толковании норм материального права, игнорирование взаимного влияния материальных норм различных отраслей права друг на друга в процессе принятия правоприменительного решения... В качестве примера можно привести рассуждения А.А. Демина, который приводит аргументацию относительно спорности обоснованности решения судов, не признавших в качестве оснований для освобождения от административной ответственности собственника транспортного средства наличие договора аренды и акта приема-передачи указанного транспортного средства [9]. В рассматриваемом случае представляется, что при принятии решения существовала необходимость в правильной оценке содержания передачи права владения и пользования имуществом, а также в правильной оценке фактических и юридических последствий наличия обязанности у арендодателя предоставить имущество арендатору. Иными словами, для демонстрации профессионального правосознания в данном случае правоприменителю следовало осуществить толкование соответствующих норм гражданского и законодательства.

2. Непосредственное отражение неправовых регуляторов в мотивировочной или резолютивной частях правоприменительного решения. Кооперация права и различных социальных регуляторов при принятии решения является достаточно распространенным явлением. В частности, распространено применение обычаев при рассмотрении исков, связанных с передачей товара ненадлежащего качества, споров о защите чести, достоинства и деловой репутации, споров, связанных с брачно-семейными общественными отношениями, с регистрацией или ликвидацией религиозных объединений ... Часто

такого рода кооперации являются просто средством опосредования волеизъявления правоприменителя – средством, подсознательно оказывающим влияние на выбор нормы материально права, принятие решения в пользу иной стороны и т.д. Вместе с тем в практике деятельности российских судов существуют акты, в которых неправовые регуляторы находят непосредственное отражение. Так, например, в некоторых актах в качестве основания для принятия решения указывается нарушение источником общепринятых норм стыда, морали нравственности, принятых в цивилизованном обществе¹. Иногда в данном случае речь идет о формировании целых юридически значимых категорий, имеющих значительный регулятивный потенциал. К числу таких категорий можно отнести «сложившийся порядок пользования»². Суть и содержание данной категории относимы к системе обычного и традиционного правового регулирования.

3. Превышение пределов допустимого усмотрения при принятии решения правоприменителем.

Высокая творческая активность правоприменителя может быть обусловлена различными факторами, в т.ч. и недостаточностью правового регулирования для упорядочения какого-либо общественного отношения. Вместе с тем проблема усмотрения сохраняет актуальность как для общественных отношений, получивших минимальную правовую регламентацию, так и для максимально урегулированных общественных отношений.

Особенности реализации различных источников правового регулирования предполагают различные уровни риска проявления неограниченного усмотрения при принятии правоприменительного решения. Достаточно часто решение должностного лица в той или иной степени основывается на предписаниях, содержащихся в рекомендательных нормах.

Специфика норм данной группы заключается прежде всего в том, что формально они не могут оказать влияние на свободу выбора правоприменителя, который в определенных правоприменительных условиях может поступить отличным от рекомендованного образом. На практике рекомендательные нормы играют роль императивных правовых предписаний, несоблюдение которых и неследование которым могут выступить основанием для привлечения правоприменителя к юридической ответственности. Однако формально необязательная природа данных норм, в свою очередь, обуславливает вариативность реализации права. Кроме того, те или иные рекомендации, представляющие собой фактически правовое предписание, являются уязвимыми ввиду соотношения двух факторов: формальной диспозитивности метода правового регулирования и его фактической императивности. При этом в каждой конкретной ситуации могут преобладать и первый, и второй факторы в зависимости от различных условий (опыт, авторитет, уровень образования правоприменителя, наличие или отсутствие строго контроля за деятельностью со стороны вышестоящих органов, особенности правоприменительной ситуации, влияние общественного резонанса).

Важными направлениями сокращения интерполяционно-правовых рисков, возникающих из неограниченного усмотрения правоприменителя, выступает закрепление на законодательном уровне требований к форме и содержанию рекомендательных норм. Так, в настоящий момент большое количество рекомендательных норм содержится в источниках, не отвечающих требованиям доступности для всех субъектов, которые заинтересованы в осведомленности о их содержании (например, в протоколах совещаний, внутриведомственных письмах, и пр.). Полагаем, что в отношении содержания рекомендательных норм целесообразно на законодательном уровне ограничить сферу вопросов, по которым допускается их издание. Очевидно, что, например, издание рекомендательных норм относительно вопросов, затрагивающих изменения общего и специального правового статуса субъекта, недопустимо.

4. Фактическое создание правовых предписаний при отсутствии формы, реквизитов и обоснованной юридической силы. В данном случае интерполяция права также базируется на творческом характере деятельности правоприменителей и выражается в конкретном продукте такой деятельности – правоприменительном акте. Достаточно часто в правоприменительной творческой деятельности, например российских судов, создаются имеющие социальную значимость практики, образцы регулирования, которые впоследствии фактически приобретают нормативный характер. Следует сделать оговорку, что указанные тезисы не отсылают к спору о прецедентной природе судебных актов, обобщающих судебную практику. На наш взгляд,

1 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.07.2011 № 09АП-16482/2011-ГК // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 20.01.2020); апелляционное определение Московского городского суда от 02.08.2018 по делу № 33-33715/2018 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 20.01.2020).

2 О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации № 8 от 01.07.1996 № 6 // Российская газета. 1996. 13 августа.

акты обобщения судебной практики в России представляют собой не столько судебный прецедент (в его классическом виде), сколько фактическую правовую норму (аналогичную правовым нормам, содержащимся в законодательстве), действующую по общим правилам функционирования правовых норм, закрепленных в законодательстве.

Важно понимать, что в условиях несовершенства действующего законодательства, инертной реакции законодателя на выявленные пробелы правоприменители достаточно часто сталкиваются с необходимостью единообразного регулирования и унификации правореализационной практики. Именно поэтому наиболее предпочтительным направлением снижения проявлений интерполяции права видится усиление роли законодательной инициативы органов исполнительной и судебной власти.

Обсуждение и заключения

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что высокую эффективность в решении анализируемой проблемы (во всех четырех направлениях), безусловно, демонстрирует усиление распространения влияния правовых предписаний и, соответственно, сокращение возможностей для допущения проявлений нежелательного поведения правоприменителя. Вместе с тем необходимо учитывать, что подобный путь неизбежно повлечет за собой бюрократизацию системы применения права, что может сказаться на юридической жизни государства хуже, чем отдельные интерполяционно-правовые проявления. Кроме того, усмотрение в своих позитивных формах является важной частью «правовой экосистемы», в том числе формирующей направления государственной политики и отдельные положения законодательных реформ. В связи с этим вопрос о том, нужно ли поощрять адекватную свободу правоприменителя, безусловно, должен быть удостоен положительного ответа. Как справедливо отмечает профессор В.М. Баранов, «активность правоприменителя – вот «ресурс», вот ценность которых не хватает ныне правовой системе России. Пора оказать правоприменителю

доверие, ибо именно этим определяется не в последнюю очередь его профессионализм» [10, с.78]. Однако такое доверие обязательно должно быть сопровождено формированием механизма противодействия явлению интерполяции права, динамика которого неизбежна при увеличении свободы правоприменителя. Данный механизм должен включать запреты, как минимум, на непосредственное указание в правоприменительных актах неправовых регуляторов, на основании которых принималось решение; требования к форме, содержанию, доступности «околонормативно-правовых источников» (рекомендательные нормы, официальные письма), а также должен учитывать потребность в своевременной интеграции обобщенной правоприменительной практики в законодательство.

Наличие такого механизма позволит приблизиться к балансу между свободой и произволом. Интересным в связи с этим является замечание профессора Гарвардского университета Peter M. Shine, который отмечает, что именно сформированная убедительная концепция верховенства права способствует принятию неизбежности усмотрения в административном государстве [11, р. 23].

Представленный в данной статье перечень направлений объективации интерполяции права в правоприменительной деятельности не является исчерпывающим и может быть расширен в процессе научного обсуждения. Кроме того, следует признать дискуссионность вопроса об усилении роли законодательной инициативы российских правоприменителей. Полагаем, что данная дискуссия является наиболее содержательной в направлении разрешения проблемы гармонизации конституционного «механизма сдержек и противовесов» и потребности интеграции актуальной юридической практики в действующее законодательство. Основной задачей юридической науки в связи с этим выступает выявление наиболее деструктивных проявлений интерполяции права и формирование теоретически обоснованных направлений для усиления контролируемости указанных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головкин Р.Б., Багиров Р.С. Интерполяция права: монография. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2015. 172 с.
2. Колесникова Ю.П. Факторы подмены и искажения права на этапе правотворчества: теоретико-правовой анализ // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сборник материалов VI международной научно-практической конференции. Пермь, 2019. С. 127 – 130.
3. Acemogly D., Jackson M.O. Social Norms and The Enforcement of Laws // Journal of the European Economic Association. Volume 15, Issue 2. April 2017. Pp. 245 – 295.
4. Gelsthorpe L., Patfield N. Exercising Discretion: Decisionmaking in The Criminal Justice System and Beyond : Willan Publishing. 2003. 240 p.
5. Пронина М.П. Юридическая техника использования религиозных норм в уголовно-правовой системе России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 166 – 170

6. Малышкин А.В. Религиозные нормы в механизме интегрированной юрисдикции // *Matters of Russian and International Law*. 2017. Vol, Is. 12 a. P. 5 – 11.
7. Головкин Р.Б., Малышкин А.В. Правоприменительные стереотипы: регулятивная интеграция // *Вестник Владимирского юридического института ФСИН России*. 2017. № 3 (44). С. 171 – 176.
8. Поляков С.Б. Диагностика правосознания правоприменителей: учебное пособие. Пермь, 2017. 375 с.
9. Демин А.А. О влиянии гражданского права на отношения административной ответственности // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 2. С. 76 – 79.
10. Баранов В. М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // *Пробелы в российском законодательстве*. 2008. №1. С. 75 – 79.
11. Shane Peter M. The Rule of Law and the Inevitability of Discretion // *Harvard Journal of Law & Public Policy*. 2013. 36 (1). Pp. 21 – 28.

REFERENCES

1. Golovkin R.B., Bagirov R.S. *Interpolyaciya prava: monografiya*. Vladimir: VYUI FSIN Rossii, 2015. 172 s.
2. Kolesnikova YU.P. *Faktozy podmeny i iskazheniya prava na etape pravotvorchestva: teoretiko-pravovoj analiz // Penitenciarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodejstviya : sbornik materialov VI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Perm', 2019. S. 127 – 130.
3. Acemogly D., Jackson M.O. Social Norms and The Enforcement of Laws // *Journal of the European Economic Association*. Volume 15, Issue 2. April 2017. Pp. 245 – 295.
4. Gelsthorpe L., Patfield N. *Exercising Discretion: Decisionmaking in The Criminal Justice System and Beyond*: Willan Publishing. 2003. 240 p.
5. Pronina M.P. *YUridicheskaya tekhnika ispol'zovaniya religioznyh norm v ugovovno-pravovoj sisteme Rossii // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*. 2015. № 1 (29). S. 166 – 170
6. Malyshekin A.V. Religioznye normy v mekhanizme integrirovannoy yurisdikcii // *Matters of Russian and International Law*. 2017. Vol, Is. 12 a. P. 5 – 11.
7. Golovkin R.B., Malyshekin A.V. Pravoprimeritel'nye stereotipy: regulyativnaya integraciya // *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii*. 2017. № 3 (44). S. 171 – 176.
8. Polyakov S.B. *Diagnostika pravosoznaniya pravoprimeritelej: uchebnoe posobie*. Perm', 2017. 375 s.
9. Demin A.A. O vliyanii grazhdanskogo prava na otnosheniya administrativnoj otvetstvennosti // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2019. № 2. S. 76 – 79.
10. Baranov V. M. «Kvalificirovannoe molchanie zakonodatelya» kak obshchepravovoj fenomen (k voprosu o sushchnosti i sfere funkcionirovaniya probelov v prave) // *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*. 2008. №1. S. 75 – 79.
11. Shane, Peter M. The Rule of Law and the Inevitability of Discretion // *Harvard Journal of Law & Public Policy*. 2013. 36 (1). Pp. 21 – 28.

Об авторе: Колесникова Юлия Павловна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ ФСИН России
e-mail: kjuliank@mail.ru

© Колесникова Ю.П., 2020

Статья получена: 04.02.2020. Статья принята к публикации: 18.03.2020.
Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

About the author: Kolesnikova Yulia P., Candidate of Law (Research doctorate), Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Senior Researcher

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

В.Ю. Белицкий

**КОНЦЕПЦИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ
ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА И СУДЕБНОГО
РАЗБИРАТЕЛЬСТВА МОШЕННИЧЕСТВ:
ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ**

**THE CONCEPT OF CRIMINALISTIC METHODS
OF PRE-JUDICIAL PROCEDINGS AND LITIGATION OF FRAUD:
GOALS AND OBJECTIVES**

Введение: в статье обосновывается целесообразность разработки методологических основ полноструктурной криминалистической методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составил метод материалистической диалектики. Общенаучными методами исследования послужили анализ и синтез, обобщение и систематизация, сравнение и др. В качестве частнонаучных методов использованы статистический, формально-юридический и некоторые другие методы. Материалами исследования послужили статистические сведения, данные судебно-следственной практики, научных исследований.

Результаты исследования: в статье раскрывается и аргументируется идея формирования методологических основ или концепции криминалистической методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств, положения которой послужат инструментом для разработки частных методик расследования и судебного разбирательства новых, ранее неизвестных видов мошенничеств.

Обсуждение и заключения: в статье обоснована необходимость построения концепции криминалистической методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств. Сформулированы цель, задачи данной концепции и предложены основные этапы ее формирования.

Ключевые слова: криминалистическая методика; методика предварительного расследования и судебного разбирательства; мошенничество

Автор выражает признательность рецензенту, проводившему слепое анонимное рецензирование данной работы.

Для цитирования: Белицкий В.Ю. Концепция криминалистической методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств: цели и задачи // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 63 – 68. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.009

Introduction: the article substantiates the need to develop a concept for constructing a full structure criminalistic methodology for pre-trial proceedings and court proceedings of criminal cases of fraud.

Materials and Methods: the basis of the study was the method of materialist dialectics. The general academic research methods were analysis and synthesis, generalization and systematization, comparison, etc. As private academic methods, statistical, formal-legal and some other methods were used. The materials of the study were statistical data, investigative practices data and studies.

Results: the article reveals and argues the idea of forming a methodological framework or concept of the criminalistic methodology for pre-trial proceedings and court proceedings of criminal cases of fraud, the provisions of which will serve as a tool for developing private methods of investigation and trial of new, previously unknown types of fraud.

Discussion and Conclusions: the need for the formation of the concept of a criminalistic methodology for pre-trial proceedings and court proceedings of criminal cases of fraud is substantiated. The goal and objectives of this concept are formulated and the main stages of its formation are proposed.

Key words: criminalist methods; preliminary investigation and trial procedure; fraud

The author expresses his gratitude to reviewer who conducted double-blind peer review.

For citation: Belitsky V.Yu. The Concept of Criminalistic Methods of Pre-Judicial Proceedings and Litigation of Fraud: Goals and Objectives // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2019. V. 11, No 1. P. 63 – 68. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.009

Введение

В общей массе общественно опасных, противоправных, виновно совершенных, уголовно-наказуемых деяний мошенничество занимает особое место. Это обусловлено как распространенностью подобных деяний, так и невероятно широким аспектом сфер, в которых совершаются преступления данного вида: от бытового обслуживания населения, здравоохранения, социального обеспечения, кредитования до банковского сектора экономики и финансово-экономической и налоговой стабильности государства. Таким образом, мошенничество причиняет вред как отдельным гражданам, так и обществу и государству в целом.

Данные официальной статистики свидетельствуют о неудовлетворительных результатах работы правоохранительных органов по борьбе с этим социально-правовым явлением. Если в 2010 было зарегистрировано 160 081 мошенничество и их доля в общей структуре преступности составляла 6,08%, то в 2018 году зафиксировано уже 215 036 рассматриваемых деяний, а их удельный вес возрос до 10,7 %¹.

Наряду с этим наблюдается резкое падение процента раскрываемости хищений данного вида: с 59 % в 2010 году до 26,7 % в 2018 году. Более того, в суд направляется только порядка 50-55 % от числа раскрытых афер, или 15-17 % от числа зарегистрированных. По итогам судебного рассмотрения и разрешения анализируемых преступлений обвинительные приговоры постановляются только по 80-85 % уголовных дел.

Причин подобной ситуации много, и носят они как объективный, так и субъективный характер.

К числу объективных причин, полагаем, можно отнести, с одной стороны, прошедшие реформы правоохранительных органов и сокращение количества как сотрудников органов дознания, осуществляющих выявление и раскрытие мошенничеств, так и следователей и дознавателей, выполняющих предварительное расследование уголовных дел о данных преступлениях; появление большого количества молодых сотрудников правоохранительных органов; несвоевременное обращение потерпевших [1, с. 105] и др.² С другой стороны, происходит усложнение схем обмана, мошенничество приобретает ярко выраженный интеллектуальный характер. Виновные используют новые технологии (мобильную связь, ресурсы сети Интернет и пр.), современные психологические методики манипулирования сознанием, в том числе нейролингвистическое программирование [2; 3],

а также механизмы преступной деятельности, ранее неизвестные правоприменительным органам: использование принципа финансовой пирамиды [4]; незаконный захват в собственность имущества юридического лица [5]; мошенничество, сопряженное с незаконной банковской деятельностью, преднамеренным банкротством, уклонением от уплаты налогов, злоупотреблениями полномочиями и пр.

Если ранее мошенники непосредственно взаимодействовали с потерпевшим, данные о котором, как правило, включались в криминалистическую характеристику преступления, то в новых их видах прямой контакт потерпевшего с преступником отсутствует. В частности, при мошенничествах в банковской сфере [6] с использованием банковских карт [7], средств сотовых систем подвижной связи [8] в сфере компьютерной информации [9], налоговым мошенничестве [10, 11] и др.

Среди субъективных причин следует выделить сложности в доказывании момента возникновения умысла на совершение преступления [12], недостаточный уровень межведомственного и внутриведомственного взаимодействия и квалификации сотрудников правоохранительных органов [1, с. 105] и многие иные.

Таким образом, с одной стороны, следует констатировать увеличение количества мошенничеств и их доли в общей структуре преступности, а с другой – падение раскрываемости. Причин сложившейся ситуации много, и одной из них является, в том числе, усложнение обманных схем хищения, появление новых видов мошенничеств, криминалистическое обеспечение досудебного производства и судебного разбирательства которых отсутствует, что нередко ставит сотрудников правоохранительных органов в затруднительное положение. Следствием этого являются незаконные и необоснованные решения об отказе в возбуждении уголовных дел, прекращении уголовного преследования, приостановлении предварительного следствия, что не обеспечивает достижение назначения уголовного судопроизводства по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Ярким примером сказанного выступает уголовное дело по обвинению С., осужденной 22 октября 2018 г. судом Индустриального района г. Барнаула по фактам мошенничества в сфере страхования. В ходе судебного разбирательства были установлены также иные факты преступной деятельности осужденной, срок давности привлечения к уголовной ответственности по которым истек и по которым С. была

¹ Состояние преступности. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/16053092/> (дата обращения: 23.10.2019).

² В МВД пояснили причину низкой раскрываемости телефонных мошенничеств в Башкирии. URL: <http://ufacitynews.ru/news/2016/03/03/v-mvd-poyasnili-prichinu-nizkoj-raskryvaemosti-telefonnyh-moshennichestv-v-bashkirii> (дата обращения: 23.10.2019).

допрошена лишь в качестве свидетеля. При этом потерпевшие прямо указывали на С. как на лицо, выписывавшее им недействительные полисы ОСАГО¹.

Аналогичные факты имели место и по ряду иных уголовных дел, на что обоснованно обращают внимание многие исследователи [1]. В частности, по заявлению Ж. девять раз выносилось постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, и лишь спустя 6,5 месяцев принято решение о возбуждении уголовного дела².

Принимая во внимание сказанное, полагаем, что существует очевидная практическая необходимость разработки концепции построения полноструктурной криминалистической методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств, являющейся научной основой для разработки соответствующих частных методик.

Обзор литературы

Широта сфер, в которых совершаются мошенничества, избирательность преступников, сложность и разнообразие механизмов схем обмана, психологические, социальные и экономические аспекты рассматриваемых преступлений, многоплановость проблем их раскрытия, расследования и судебного разбирательства вызвали интерес специалистов различных отраслей знаний, таких как уголовное и уголовно-процессуальное, гражданское право, криминалистика, криминология, психология, социология, экономика и некоторые другие. Только по специальностям 12.00.09 и 12.00.12 за последние 20 лет подготовлено более 50 диссертаций, характеризующих раскрытие и расследование отдельных видов мошенничеств, выделенных на основе определенных криминалистических критериев либо их сочетания. Например: сфера деятельности мошенников (оказание оккультных услуг, частное инвестирование, вексельное обращение и оборот ценных бумаг; кредитование, страхование, строительство, оборот недвижимости, бюджетное финансирование и т.д.), личность преступника (женщины, военнослужащие, осужденные, сотрудники банков и др.), специфика механизма преступной деятельности и пр.

Бесспорно, полученные учеными выводы и результаты оказались полезными как для криминалистической науки в целом и разработки методик расследования мошенничеств отдельных видов, так и для правоприменительной деятельности.

Однако до настоящего времени не проведено комплексного исследования, содержащего научно обоснованные рекомендации по раскрытию, предварительному расследованию и судебному разбирательству мошенничеств как единого явления социальной и правовой действительности.

Принимая во внимание сказанное, считаем целесообразным формирование концепции криминалистической методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств. Напомним, что в 2015 году автором настоящей статьи была презентована идея создания базовой методики их раскрытия, расследования и судебного разбирательства [13], которая нашла отклик в научной среде. Так, А.К. Щербаченко предложил криминалистическую классификацию мошенничеств, совершенных группой лиц, как основу формирования базовой методики их раскрытия и расследования [14]. В то же время напомним, что в нашей статье предложено создание полноструктурной криминалистической методики, включающей как предварительное расследование, так и судебное разбирательство [13].

Разделяем мнение проф. В.К. Гавло, отмечающего, что в структуре криминалистических методик расследования отдельных видов и групп преступлений необходимо рассматривать и методику их судебного разбирательства [15, с. 69].

Судебное разбирательство включают в объект криминалистического исследования многие деятели науки. Среди них: С.Э. Воронин, Т.С. Волчецкая, И.В. Головачев, В.И. Комиссаров, Ю.В. Корневский, А.А. Корчагин, А.Ю. Корчагин, В.И. Комиссаров, С.Л. Кисленко, Д.В. Ким, А.Е. Хорошева и другие исследователи.

Еще раз подчеркнем, что учеными на уровне диссертационных (монографических) работ созданы частные методики расследования, а в некоторых случаях и судебного разбирательства мошенничеств отдельных видов. Результаты данных исследований могут быть использованы при выявлении общих закономерностей раскрытия, расследования и судебного разбирательства мошенничеств для формирования концепции криминалистической методики их предварительного расследования и судебного разбирательства.

Идея создания общих (базовых, родовых, укрупненных) положений криминалистической методики уже известна. Теоретические основы их формирования представлены в диссертации Ю.П. Гармаева [16]. Базовая методика расследования, ее понятие, структура и содержание раскрыты в диссертации М.В. Субботиной [17]. В настоящее время разработано более двадцати подобных методик (Л.Л. Каневский, В.А. Образцов, В.М. Быков, Н.Г. Шурухнов, В.И. Рохлин, В.Н. Григорьев, В.В. Крылов, И.А. Попов, В.И. Брылев, А.А. Протасевич, В.А. Мещеряков, И.В. Александров, А.А. Беляков, Ю.П. Гармаев, М.В. Субботина, Л.В. Бертовский, Г.А. Дымов, М.М. Яковлев, О.Ю. Антонов, С.В. Зуев, И.С. Федотов, Ю.В. Гаврилин, О.С. Кучин, А.А. Корчагин, О.П. Грибунов).

¹ Дело № 1-521/18 // Архив Индустриального районного суда г. Барнаула за 2018 год.

² Дело № 1-379/2014 // Архив Советского районного суда г. Нижнего Новгорода за 2014 год.

Однако комплексного исследования, содержащего научно обоснованные рекомендации по раскрытию, предварительному расследованию и судебному разбирательству мошенничеств как интегрального феномена, не проведено, равно как не предложено целей, задач, принципов концептуальных основ построения данной криминалистической методики.

Результаты исследования

Учитывая общий способ совершения мошенничеств, сложности доказывания субъективной стороны рассматриваемого преступления, наличие криминалистических тождеств, полагаем, что возможно разработать концепцию полноструктурной методики досудебного производства и судебного разбирательства данных преступлений.

Целью данной концепции является определение научно обоснованной методологии формирования частных методик досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств на основе установления основополагающих закономерностей преступной деятельности и уголовно-процессуальной деятельности по борьбе с ними криминалистическими средствами и методами.

Задачами предлагаемой концепции будут выступать:

1) изучение, обобщение и анализ как материалов уголовных дел о мошенничествах, так и научных исследований, разработанных частных методик их расследования, для определения возможности использования подготовленных научных разработок при формировании концепции криминалистической методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств, выявления пробелов в научном обеспечении и установление необходимости подготовки отсутствующих частных методик;

2) формирование общих положений, научных основ и принципов, которые должны составлять основу построения концепции криминалистической методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств;

3) криминалистическая классификация мошенничеств для выявления механизмов их совершения;

4) определение структурных элементов криминалистической характеристики мошенничеств, анализ их содержания на основе анализа закономерностей и взаимосвязей, характерных для всех видов мошенничеств;

5) обоснование структуры и содержания методологических основ методики досудебного производства по уголовным делам о мошенничествах на каждом из этапов данной деятельности;

6) изучение типичных следственных ситуаций расследования и их влияния на алгоритмизацию предварительного расследования мошенничеств;

7) дифференциация и анализ ситуаций судебного разбирательства, характерных для всех видов мошенничеств, и подготовка рекомендаций по их решению.

Обсуждение и заключения

Полагаем, следует согласиться с учеными, отмечаящими важность и перспективность разработки укрупненных (общих, базовых, комплексных, групповых) методик расследования, методология формирования которых находится на начальном уровне разработанности [18, с. 152].

На страницах статьи обоснована необходимость формирования концепции криминалистической методики досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств, сформулированы ее цель и задачи.

Полагаем, что можно выделить следующие этапы предлагаемой концепции:

1) определение и обоснование общих положений и принципов, составляющих основу формирования предлагаемой концепции, определение ее структурных элементов;

2) анализ правоприменительной деятельности, материалов уголовных дел для выявления механизмов совершения мошенничеств и их криминалистической классификаций;

3) изучение, обобщение и анализ научных исследований, подготовленных частных методик расследования мошенничеств отдельных видов для установления: во-первых, возможности использования созданных научных разработок при формировании предлагаемой концепции; во-вторых, соответствия содержания подготовленных частных методик общим положениям предлагаемой концепции; в-третьих, определения соответствия разработанных частных методик, классификации мошенничеств и выделенным их видам;

4) апробация разработанной модели сформированной концепции досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств путем создания частной методики досудебного производства и судебного разбирательства того вида мошенничества, научное обеспечение раскрытия, расследования и судебного разбирательства которого не проведено;

5) выявление и устранение пробелов и недостатков в предлагаемой концепции;

6) окончательное, системное оформление концепции досудебного производства и судебного разбирательства мошенничеств как готового продукта с определением возможности его практического и научного использования.

Особо отметим, что в рамках достижения поставленной цели и решения сформулированных задач, выделенные этапы носят характер общих направлений, определяющих основной вектор исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нугаева Э.Д. Особенности расследования мошенничества при оказании оккультных услуг: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Уфа, 2018. 269 с.
2. Абитов И.Р., Ханзарова Д.Л. Лингвистическая экспертиза: язык и право // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 229-233.
3. Белицкий В.Ю. Психологическое воздействие на потерпевшего при совершении мошенничества // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Томск, 2018. Ч. 78. С. 170-172.
4. Белицкий В.Ю. Криминалистические аспекты предварительного расследования и судебного разбирательства мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид»: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Барнаул, 2008. 239 с.
5. Лебедева А.А. Расследование мошенничества, совершаемого с целью незаконного захвата в собственность имущества юридического лица : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2010. 198 с.
6. Звезда И.И. Расследование хищений в банковской сфере, совершенных путем мошенничества: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Тула, 2008. 226 с.
7. Мишина И.М. Расследование мошенничества, совершенного с использованием банковских карт: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2009. 241 с.
8. Нуждин А.А. Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. М., 2013. 232 с.
9. Коломинов В.В. Расследование мошенничества в сфере компьютерной информации: научно-теоретическая основа и прикладные аспекты первоначального этапа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Краснодар, 2017. 25 с.
10. Александров И.В. Налоговое расследование: основы криминалистического методики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 384 с.
11. Белохребтов В.С. Особенности выявления, раскрытия и первоначального этапа расследования покушения на мошенничество при возмещении налога на добавленную стоимость: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. Иркутск, 2015. 2015 с.
12. Белицкий В.Ю. Некоторые направления доказывания умысла по уголовным делам о мошенничествах в сфере предпринимательской деятельности // Актуальные проблемы предварительного расследования: сб. матер. всерос. науч.-практ. конференции / под ред. М.В. Лелетовой. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. С. 32-36.
13. Белицкий В.Ю. О необходимости разработки базовой методики раскрытия, расследования и судебного разбирательства мошенничеств // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы тринадцатой Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. Ч. 1. С. 3-5.
14. Щербаченко А.К. Криминалистическая классификация мошенничеств, совершенных группой лиц, как основа формирования базовой методики их раскрытия и расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 222-229.
15. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. 333 с.
16. Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2003. 342 с.
17. Субботина М.В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2004. 421 с.
18. Боровских Р.Н., Гармаев Ю.П. Основы концепции укрупненных (общих, базовых) криминалистических методик расследования преступлений // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 152-157.

REFERENCES

1. Nugaeva E.D. Osobennosti rassledovaniya moshennichestva pri okazanii okkul'tnyh uslug: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.12. Ufa, 2018. 269 s.
2. Abitov I.R., Hanzarova D.L. Lingvisticheskaya ekspertiza: yazyk i pravo // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 229-233.
3. Belickij V.YU. Psihologicheskoe vozdejstvie na poterpevshego pri sovershenii moshennichestva // Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti: sb. statej. Tomsk, 2018. CH. 78. S. 170-172.
4. Belickij V.YU. Kriminalisticheskie aspekty predvaritel'nogo rassledovaniya i sudebnogo razbiratel'stva moshennichestv, sovershennyh po principu «finansovyh piramid»: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Barnaul, 2008. 239 s.
5. Lebedeva A.A. Rassledovanie moshennichestva, sovershaemogo s cel'yu nezakonno go zahvata v sobstvennost' imushchestva yuridicheskogo lica : dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. M., 2010. 198 s.

6. Zvezda I.I. Rassledovanie hishchenij v bankovskoj sfere, sovershennyh putem moshennichestva: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Tula, 2008. 226 s.
7. Mishina I.M. Rassledovanie moshennichestva, sovershennogo s ispol'zovaniem bankovskih kart: kriminalisticheskie i ugolovno-processual'nye aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.09. M., 2009. 241 s.
8. Nuzhdin A.A. Rassledovanie moshennichestva, sovershennogo osuzhdennymi v uchrezhdeniyah UIS s ispol'zovaniem sredstv sotovyh sistem podvizhnoj svyazi: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.12. M., 2013. 232 s.
9. Kolominov V.V. Rassledovanie moshennichestva v sfere komp'yuternoj informacii: nauchno-teoreticheskaya osnova i prikladnye aspekty pervonachal'nogo etapa: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.12. Krasnodar, 2017. 25 s.
10. Aleksandrov I.V. Nalogovoe rassledovanie: osnovy kriminalisticheskoe metodiki: monografiya. M.: YUrlitinform, 2012. 384 s.
11. Belohrebtov V.S. Osobennosti vyyavleniya, raskrytiya i pervonachal'nogo etapa rassledovaniya pokusheniya na moshennichestvo pri vozmeshchenii naloga na dobavlennyuyu stoimost': dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.12. Irkutsk, 2015. 2015 s.
12. Belickij V.YU. Nekotorye napravleniya dokazyvaniya umysla po ugovolnym delam o moshennichestvah v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Aktual'nye problemy predvaritel'nogo rassledovaniya: sb. mater. vseros. nauch.-prakt. konferencii / pod red. M.V. Leletovoj. N. Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2019. S. 32-36.
13. Belickij V.YU. O neobходимosti razrabotki bazovoj metodiki raskrytiya, rassledovaniya i sudebnogo razbiratel'stva moshennichestv // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: materialy trinadcatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 3 ch. Barnaul: Barnaul'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2015. CH. 1. S. 3-5.
14. SHCHerbachenko A.K. Kriminalisticheskaya klassifikaciya moshennichestv, sovershennyh gruppoj lic, kak osnova formirovaniya bazovoj metodiki ih raskrytiya i rassledovaniya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 3 (90). S. 222-229.
15. Gavlo V.K. Teoreticheskie problemy i praktika primeneniya metodiki rassledovaniya otdel'nyh vidov prestuplenij. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1985. 333 s.
16. Garmaev YU.P. Teoreticheskie osnovy formirovaniya kriminalisticheskikh metodik rassledovaniya prestuplenij: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.09. M., 2003. 342 s.
17. Subbotina M.V. Kriminalisticheskie problemy rassledovaniya hishchenij chuzhogo imushchestva: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.09. Volgograd, 2004. 421 s.
18. Borovskih R.N., Garmaev YU.P. Osnovy koncepcii ukрупnennyh (obshchih, bazovyh) kriminalisticheskikh metodik rassledovaniya prestuplenij // Ugolovnaya yusticiya. 2017. № 10. S. 152-157.

Об авторе: Белицкий Владислав Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России
e-mail: vlad_belitskiy@mail.ru

© Белицкий В.Ю., 2020

Статья получена: 23.10.2019. Статья принята к публикации: 18.03.2020.

Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

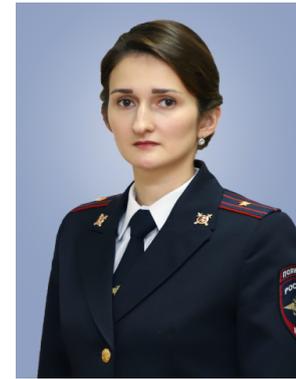
About the author: Belitsky Vladislav Yu., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of Criminal Proceedings, the Barnaul Law Institute of MIA of Russia

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Л.Р. Назмеева

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ:
ВЛИЯНИЕ НА ПРЕСТУПНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ
ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ**

**DIGITAL TRANSFORMATION OF ECONOMICS:
INFLUENCE ON CRIME AND ISSUES OF CRIME
PREVENTION**

Введение: в статье раскрываются процессы становления цифровой экономики в Российской Федерации, проведен статистический анализ эмпирических данных, содержащих сведения о преступлениях, совершенные с применением информационно-телекоммуникационных технологий, проанализированы проблемы обеспечения информационной безопасности, изучен положительный опыт регионов по противодействию отдельным видам киберпреступлений.

Материалы и методы: авторские рекомендации и предложения основываются на изучении материалов статистических данных МВД России о состоянии преступности, отчетности ведущих компаний по мониторингу и защите информации в России за период с 2013 по октябрь 2019 года. Методологическую основу данного научного исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания, а также обобщение и интерпретация эмпирических данных.

Результаты исследования: в статье обосновывается необходимость разработки эффективных мер по минимизации преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, проанализированы проблемы обеспечения информационной безопасности и многоэпизодность общественно опасных деяний.

Обсуждение и заключения: автором обосновывается необходимость разработки специальных научно обоснованных и логично выстроенных мер по осуществлению деятельности, направленной на предупреждение высокотехнологичной преступности.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, трансформация экономики, информационные технологии, киберпреступление, противодействие киберпреступлениям

Для цитирования: Назмеева Л.Р. Цифровая трансформация экономики: влияние на преступность и проблемы ее предупреждения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 69 – 74. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.010

Introduction: the article reveals the processes of the digital economics in the Russian Federation, conducts a statistical analysis of empirical data disclosed crimes, committed the use of information and telecommunication technologies, identifies issues related to ensuring security, studies the positive experience of the regions in countering certain types of cybercrimes.

Materials and Methods: the author's recommendations and suggestions were based on the studies of the statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the state of crime, reports of leading monitoring and protection companies in Russia for the period from 2013 to October 2019. The methodological basis of this academic research consisted of general and particular academic methods of cognition, as well as generalization and interpretation of empirical data.

Results: the article substantiated the need to develop effective measures to minimize crimes committed using information and telecommunication technologies, analyzed the issues of ensuring information security and the multiple episodes of socially dangerous acts.

Discussion and Conclusions: the author considers the need to develop special academic based and logically structured measures for the implementation of the preventive activities of high-tech crime.

Key words: digital economy, digitalization, economic transformation, information technology, cybercrime, countering cybercrime

For citation: Nazmeeva L.R. Digital Transformation of Economics: Influence on Crime and Issues of Crime Prevention // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 69 – 74. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.010

Введение

Цифровая (электронная, веб, интернет) экономика – это экономическая деятельность, построенная на основе электронной коммерции, представляющая собой любые формы деловых сделок, при которых заинтересованные стороны взаимодействуют через электронные устройства и сеть Интернет посредством информационных и телекоммуникационных технологий.

Цифровизация, играя ключевую роль в инновационном развитии, способствует созданию организационных, финансовых и законодательных механизмов, обеспечивающих трансформацию экономики, направленную на использование информационных технологий во всех сферах жизни государства.

Цифровая трансформация экономики – это своего рода революционная модель организации процессов с использованием новых технологий (интернет-банкинг, блокчейн, искусственный интеллект, электронная торговля, промышленный интернет вещей и др.).

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹ в области экономики выделены главные стратегические угрозы, к которым отнесено появление новых форм противоправной деятельности с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий, таких как киберпреступления.

В специальной литературе отмечается ассоцированность киберпреступности с проблемами угрозы государственности, информационной безопасности, инфраструктурного жизнеобеспечения, производственному и военно-промышленному комплексу страны [1, с.259].

Таким образом, назрела необходимость разработки механизмов предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационных и телекоммуникационных технологий.

Обзор литературы

В рамках юридических и экономических наук ведутся исследования, посвященные изучению процессов цифровизации экономики и проблем противодействия преступлениям с использованием информационных и телекоммуникационных технологий. Проблемы противодействия вышеуказанным преступлениям в своих работах рассматривали А.П. Суходолов, Л.А. Колпакова, Б.А. Спасенников, С.В. Иванцов, С.В. Борисов и другие.

Материалы и методы

Автором изложен перечень уголовно-правовых деяний с применением информационно-телекоммуникационных технологий на основе статистических данных МВД России о состоянии преступности, от-

четности ведущих компаний по мониторингу и защите информации в России за период с 2013 по октябрь 2019 года. Основу исследования составляют общенаучный, статистический и графический методы.

Результаты исследования

В условиях стратегического ориентирования российского государства на ускорение технологического развития, повышение конкурентоспособности продукции на мировом рынке актуальной становится проблема становления и развития цифровой экономики.

Президентом России в его послании Федеральному Собранию в декабре 2016 года было предложено уже в 2017 году запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, предусматривающую меры по созданию организационных, правовых, финансовых, технических условий для дальнейшей интеграции в пространство цифровой экономики Евразийского экономического союза. Тем самым был сформулирован один из стратегических принципов развития Российской Федерации – «цифровая экономика» [2], – послуживший основанием подписания указа «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»², согласно которому цифровизация выступает в качестве основного пути становления конкурентоспособного государства на мировом рынке.

Цифровизация экономики обуславливается необходимостью создания условий для формирования широких информационно-коммуникационных технологий, способствующих удовлетворению информационных потребностей органов власти, предприятий и граждан, и заключается в использовании критической информационной инфраструктуры (систем государственного управления, обеспечения обороноспособности, безопасности и правопорядка, автоматизированного управления производственными и технологическими процессами).

Одна из особенностей развития цифровой экономики заключается в концентрации нового рынка в руках крупных отраслевых холдингов, государственных корпораций, имеющих высокую стартовую позицию, обладающих достаточными финансовыми, трудовыми, интеллектуальными ресурсами и опирающихся на концентрированное управление, стремящихся обеспечить конкурентоспособность и преимущества в своей сфере на вновь образуемом рынке с использованием цифровых технологий, включающихся в процесс реализации цифровизации российской экономики.

Инновационные технологии, проникая в различные отрасли производства, вносят изменения в про-

¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. Ч. 2. Ст. 212.

² О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.12.2019).

цесс осуществления деятельности, направленной на управление предприятием, а также синхронизацию данных с государственными органами. В аспекте взаимодействия государственных органов с гражданами автоматизация всех распространенных процессов и процедур обусловили появление различных баз данных и реестров¹, раскрывающих и обобщающих информацию о лицах, тем самым обострив проблему охраны персональных данных.

Свободный доступ к информации способствует осложнению криминальной обстановки и нарастанию внутренних дестабилизирующих процессов в обществе, определивших в качестве уязвимого компонента безопасности информационную сферу, что требует актуализации нормативной правовой базы и установления ограничения на возможность использования информации не иначе как по специальному разрешению с использованием логина и пароля.

Цифровизация экономики сопровождается появлением проблем информационной безопасности, проявляющихся в системах, к которым относят важные объекты и организации как частного, так и госу-

дарственного уровней, направленные на использование и обработку информации.

Использование современных информационных технологий в экономической, политической, социальной и общественных сферах жизни детерминировали динамичный рост и качественное обновление компьютерной преступности, которую следует рассматривать не только в аспекте совершения преступлений посредством доступа к сети Интернет, но и как понятие «киберпреступление» – общественно опасное деяние, совершаемое в информационной сфере с использованием технических средств и способов в отношении информации, используемой в информационно-телекоммуникационных сетях.

С 2013 г. наблюдается устойчивый рост преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации: в 2013 г. зарегистрировано более 11 тысяч; в 2014 г. – более 44 тысяч; в 2016 г. – более 66 тысяч²; в 2017 г. – 90 587; в 2018 г. – 174 674; за период с января по октябрь 2019 г. – 240 209 преступлений³ (рис.1).

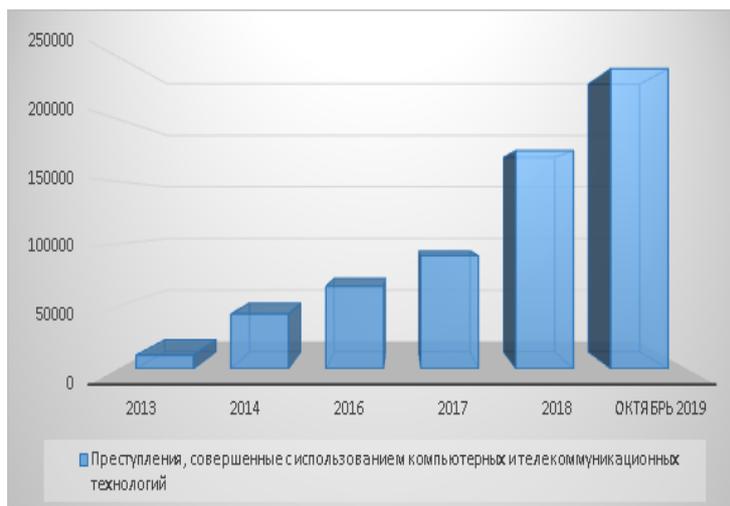

Рисунок 1 – Динамика преступлений, совершенных с использованием информационно - телекоммуникационных технологий, за период с 2013 г. по октябрь 2019 г.

Picture 1 – Dynamics of crimes committed using information and communication technologies for the period from 2013 to October, 2019

Сравнивая количество зарегистрированных преступлений с января по октябрь 2019 года с аналогичным периодом 2018 года, необходимо констатировать, что количество киберпреступлений увеличилось на 69,7%, при этом рост посредничества во взяточничестве составил 43,9%; дачи

взятки – на 23,1%, мошенничества – на 18,8%, кражи – на 3,3%; тяжких и особо тяжких преступлений – на 1,9 %. В то же время количество грабежей уменьшилось на 8,4 %; разбоев – на 8,0 %; преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков – на 2,9%⁴ (рис.2).

¹Формирование и ведение федерального реестра сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. URL: http://obrnadzor.gov.ru/ru/activity/main_directions/geestr_of_education/ (дата обращения: 18.12.2019).

²Генеральный прокурор Российской Федерации Юрий Чайка принял участие в III встрече руководителей прокурорских служб государств БРИКС, посвященной вопросам противодействия киберпреступности/ Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1237284/> (дата обращения: 20.12.2019).

³Состояние преступности в России // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 08.01.2020).

⁴Состояние преступности в России за период с января по октябрь 2019 г.// Министерство внутренних дел России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19007735/> (дата обращения: 08.01.2020).

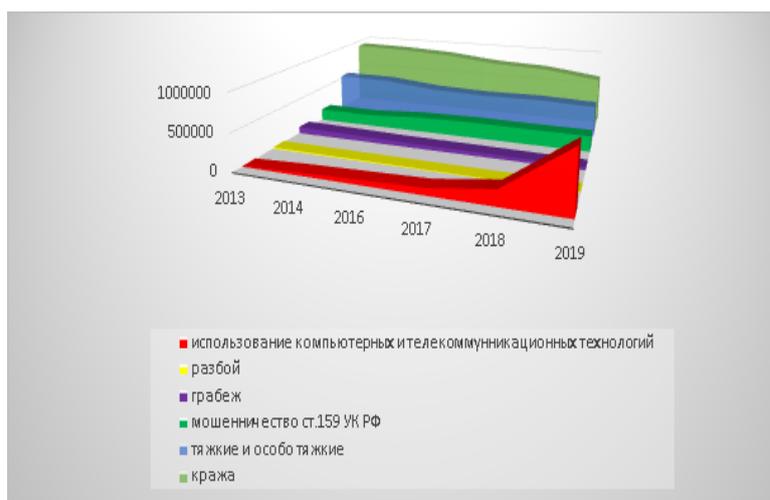

Рисунок 2 – Динамика преступлений, зарегистрированных в Российской Федерации за период 2013 – октябрь 2019 гг.

Illustration 2 – Dynamics of crimes recorded in the Russian Federation for the period 2013 – October, 2019

Статистические данные состояния преступности за рассматриваемый период свидетельствуют о тенденции интенсивного роста количества киберпреступлений, приобретающих профессионально-усложненный характер, предполагающих наличие высокого уровня знаний и навыков в этой сфере [3, с. 23].

Определяющим мотивом для совершения преступлений в сфере цифровой экономики выступает обогащение, но в отдельных случаях эмоциональное состояние лиц, находящихся на грани увольнения, способствующее посягательству на информационные ресурсы организации и передаче иным лицам коммерческой информации не столько из корысти, сколько из соображений мести [1, с.262]. Представляется, что данный мотив влечет за собой создание условий для инсайдерских действий и киберугроз, способствующих ухудшению финансового состояния организации, учреждения, предприятия, фирмы, снижению возможности для расширения производства, поддержанию их защищенности в условиях конкуренции.

В структуре преступлений общеуголовной направленности преобладают деяния, в которых в качестве средства или орудия совершения преступления выступают информационно-коммуникационные технологии. Эпицентр криминальных рисков совершения преступлений с учетом активности цифровизации проявляется в пропаганде деструктивной идеологии, незаконном обороте наркотиков, при совершении различного рода мошеннических действий, незаконных финансовых операций и других противоправных деяний¹.

Электронная среда, затрудняя идентификацию правонарушителя, и недостаточная защищенность банковской системы способствуют появлению одной из характерных черт преступности – многоэпизодности криминальной активности. Так, неправомерный доступ к базе данных, содержащей информацию о лицах, обслуживающихся в банковской системе, способствовал появлению явления фишинга с использованием средств сотовой связи.

Так, значительный рост рассматриваемой категории преступлений в УМВД России по Мурманской области обусловил проведение автоматизации процесса контроля, сбора, учета сведений и анализа работы по уголовным делам путем разработки и в последующем осуществления опытной эксплуатации информационно-поисковой системы «Дистанционное мошенничество», систематизирующей уголовные дела по заданным реквизитам (номера телефонов, с которых поступали звонки потерпевшим и на которые перечислялись денежные средства; IMEI телефонных аппаратов; адреса базовых станций; номера счетов и банковских карт; фамилии физических лиц; адреса банкоматов и иных устройств снятия денежных средств) [4, с.48].

Одной из основных проблем обеспечения информационной безопасности является использование информационных технологий в целях оказания деструктивного воздействия на элементы критической информационной инфраструктуры. Эта инфраструктура, способствующая бесперебойной и качественной работе основных служб и производственных систем в любом обществе в случае некорректной работы от преднамеренных действий третьих лиц может иметь серьезные последствия как для орга-

¹ Расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 28.02.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59913> (дата обращения: 21.12.2019).

низаций, так и для всего общества, не говоря уже об угрозе безопасности. Общее количество компьютерных атак на эти объекты за последние несколько лет выросло на 57%. Если по данным статистики в 2014-2015 годах¹ количество компьютерных атак на критическую информационную инфраструктуру составляло около полутора тысяч в год, то в 2018 году в России выявлено уже более 17 тысяч². По данным российского разработчика решений в области информационной безопасности Positive Technologies, на территории России в 2018 году³ зафиксирован рост количества кибератак на 27%, из них в 49% случаев подвергалась атаке инфраструктура.

В Совете безопасности Российской Федерации (июнь 2019 года) отмечается, что наступает эра технологического и цифрового терроризма, по масштабу сопоставимая с применением оружия массового поражения, и в качестве нового типа угроз выступает опасность вмешательства в работу автоматизированных систем управления важных для страны объектов⁴. С учетом сложности преодоления воздействия на критическую информационную инфраструктуру и обеспечения внутренней безопасности разработка механизмов ее защиты приобретает первостепенное значение и нуждается в эффективной защите в уголовно-правовом и административном аспектах.

С уголовно-правовой точки зрения неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру является наказуемым деянием, однако в законодательстве отсутствует норма, предусматривающая ответственность за несоблюдение требований по обеспечению ее безопасности, что явилось предпосылкой для разработки проекта федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» в части установления ответственности за нарушение требований по обеспечению безопасности объектов критической информационной инфраструктуры⁵.

Учитывая масштабный характер, высокую степень общественной опасности и общепризнанность транснационального характера киберпреступности, а также специфику совершения киберпреступлений в условиях серьезных трудностей для расследования из-за отсутствия эффективных механизмов контроля

правоприменения необходимо искать новые подходы к международно-правовому сотрудничеству.

На Международном конгрессе по кибербезопасности (июль 2018 г.) говорилось о необходимости создания единой системы международного обмена информацией, международных стандартов, учитывающих права и интересы всех государств мира в сфере киберпространства, и важности выработки единых правил противодействия преступлениям⁶. Создание данной системы позволит осуществлять эффективное взаимодействие финансовых организаций, операторов сотовой связи с правоохранительными органами и тем самым будет способствовать минимизации данного вида преступлений.

Обсуждение и заключения

Особенности совершения преступлений в киберпространстве определяют разработку комплекса научно разработанных и логично выстроенных мер, имеющих системный характер, направленных на повышение эффективности превентивной деятельности, которые при их комплексном использовании будут способствовать существенному повышению уровня информационной безопасности нашей страны.

Эффективность предупредительных мер может осуществляться только в случаях органичного взаимодействия государственных органов с органами местного самоуправления, средствами массовой информации, образовательными организациями и гражданами, с учетом специфики деятельности каждого субъекта, заинтересованного в реализации превентивных мер.

Возникает необходимость в обеспечении своевременного нормативно-правового реагирования на изменяющиеся условия использования информации и разработке систем защиты информационных ресурсов. Представляется целесообразным обратиться к зарубежной практике нормативно-правового урегулирования проблем борьбы с подобными преступлениями и методики обеспечения деятельности по предупреждению высокотехнологичной преступности.

Полагаем, что в рамках информационно-аналитического обеспечения деятельности в органах внутренних дел, направленной на накопление, хранение, упорядочение, обобщение и переработку сведений о

¹ Войны виртуальные и реальные // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/08/14/chislo-opasnyh-kiberatak-na-obekty-v-rf-vyroslo-v-11-raz-za-tri-goda.html> (дата обращения: 08.01.2020).

² Егоров И. Более 4 млрд кибератак на РФ зафиксировали специалисты в 2018 году // rg.ru: Российская газета. URL: <https://rg.ru/2018/12/11/bole-4-mlrd-kiberatak-na-rf-zafiksirovali-specialisty-v-2018-godu.html> (дата обращения: 18.12.2019).

³ Киберпреступность и киберконфликты: Россия. URL: <http://www.tadviser.ru/>. (дата обращения: 20.12.2019).

⁴ Погружение в хаос: насколько опасны для России возможные кибератаки со стороны США // Сетевое издание rt.com. URL: <https://russian.rt.com/world/article/643001-kiberbezopasnost-ataka-ugroza-rossiya-ssha>.

⁵ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части установления ответственности за нарушение требований по обеспечению безопасности объектов критической информационной инфраструктуры)» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=89944> (дата обращения: 04.01.2020).

⁶ Пленарное заседание Международного конгресса по кибербезопасности. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57957> (дата обращения: 30.12.2019).

преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, необходимо внедрять в других регионах России положительный опыт автоматизации процесса контроля и сбора сведений по материалам уголовных дел, применяемый в Мурманской области.

Учитывая специфику способов совершения преступлений в сфере высоких технологий, неизбежные проблемы, связанные с расследованием преступлений данного вида, необходимо создать специализированные группы по расследованию киберпреступлений с участием специалистов, обладающих знаниями и умениями в этой области, а также осуществлять подготовку квалифицированных специалистов в области проведения компьютерной экспертизы.

Полагаем, что в целях более эффективного противодействия киберпреступлениям необходимо:

- в целях систематизации действующего уголовного законодательства представляется целесообразным

разработать и принять постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам единого подхода в применении уголовно-правовых норм, связанных с квалификацией преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в ходе предварительного расследования и в правоприменительной деятельности судов;

- осуществлять комплекс мероприятий по созданию эффективных национальных компьютерных операционных систем с возможностями выявления, фиксации, учета деятельности преступной направленности в локальной сети Интернет;

- использовать (для последующей корректировки российского законодательства) положительный опыт стран Северной Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона и Европейского континента по урегулированию вопросов информационной безопасности и противодействия преступлениям в информационной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суходолов А.П., Колпакова Л.А. Спасенников Б.А. Проблемы противодействия преступности в сфере цифровой экономики // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 2. С. 258-267.
2. Кунгуров Д. Россиян ждет цифровая экономика. URL: <https://utro.ru/articles/2016/12/04/1307336.shtml> (дата обращения: 20.11.2019).
3. Иванцов С.В., Спасенников Б.А., Борисов С.В. Проблемы предупреждения преступлений в сфере цифровой экономики // Актуальные вопросы образования и науки. 2017. № 2 (60). С. 20-24.
4. Опальский А.П., Смирнов А.И. О деятельности информационно-поисковой системы по противодействию дистанционному мошенничеству // Алтайский юридический вестник. 2017. № 3 (19). С. 47-55.

REFERENCES

1. Suhodolov A.P., Kolpakova L.A. Spasennikov B.A. Problemy protivodejstviya prestupnosti v sfere cifrovoj ekonomiki // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2017. T. 11, № 2. S. 258-267.
2. Kungurov D. Rossiyan zhdet cifrovaya ekonomika. URL: <https://utro.ru/articles/2016/12/04/1307336.shtml> (data obrashcheniya: 20.11.2019).
3. Ivancov S.V., Spasennikov B.A., Borisov S.V. Problemy preduprezhdeniya prestuplenij v sfere cifrovoj ekonomiki // Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki. 2017. № 2 (60). S. 20-24.
4. Opal'skij A.P., Smirnov A.I. O deyatel'nosti informacionno-poiskovoj sistemy po protivodejstviyu distancionnomu moshennichestvu // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2017. № 3 (19). S. 47-55.

Об авторе: Назмеева Лейсан Рафиковна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России
e-mail: nazmeevalr@mail.ru

© Назмеева Л.Р., 2020

Статья получена: 12.01.2020. Статья принята к публикации: 18.03.2020.

Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

About the author: Nazmeeva Leysan R., Candidate of Economics (Research doctorate), Senior Lecturer at the Department of Economics, Financial Law and Information Technologies, the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Ольков С.Г.

КУБИЧЕСКАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ

CUBIC MATHEMATICAL MODEL OF CRIMINAL LIABILITY

Введение: ключевой задачей уголовной политики является построение простой и точной математической модели уголовной ответственности, пригодной для применения в любом государстве. С этой целью и подготовлена данная фундаментальная научная статья.

Материалы и методы: научные результаты, представленные в статье, получены на основе принципа строгого детерминизма и методов математического анализа – дифференциального и интегрального исчисления.

Результаты исследования: 1) построена неопределенная математическая модель уголовной ответственности вида: $p=f(x)$, где p – приведенная на общественную опасность личности цена преступления; x – приведенная на общественную опасность личности общественная опасность преступного деяния; 2) построена строго определенная математическая модель уголовной ответственности: $p=x^3$.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовное право, уголовная ответственность, цена преступления, преступление, наказание, лишение свободы, деяние, общественная опасность, предельная строгость, смертная казнь, пожизненное лишение свободы, приведенная общественная опасность

Для цитирования: Ольков С.Г. Кубическая математическая модель уголовной ответственности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 75 – 80. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.011

Introduction: the key objective of criminal policy is to build a simple and accurate mathematical model of criminal liability suitable for use in any state. For this purpose, the following fundamental academic article has been prepared.

Materials and Methods: the academic results presented in the article are obtained on the basis of the principle of strict determinism and methods of mathematical analysis - differential and integral calculus.

Results: 1) an undefined mathematical model of criminal liability of the form is constructed: $p = f(x)$, where p is the crime price reduced to the public danger of the person; x is the public danger of a criminal act brought to the public danger of the person; 2) a strictly defined mathematical model of criminal liability is constructed: $p = x^3$.

Keywords: criminal policy, criminal law, criminal liability, crime price, crime, punishment, imprisonment, act, public danger, extreme severity, capital punishment, life imprisonment, reduced public danger

For citation: Ol'kov S.G. Cubic Mathematical Model of Criminal Liability // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 75 – 80. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.011

Введение

В данном случае мы не рассматриваем общую модель юридической ответственности (*general model of legal liability*), а поэтому в целях удобства представления уголовной ответственности (*criminal liability*) как части негативной юридической ответственности (*negative legal liability*) можем условно рассматривать общественную опасность деяния и личности, его совершившей, цены преступлений как положительные величины. В противном случае, например, работая с плоскостью, нам придется иметь дело с третьим квадрантом декартовой системы координат правой ориентации, а это будет создавать дополни-

тельные и ненужные трудности, например, при использовании кубической функции уголовной ответственности. Нам придется рассматривать ее справа налево – влево от нуля в область увеличивающихся отрицательных чисел, что может затруднить понимание модели

Также отмечу, что в работе не приводится спецификация товаров преступлений, а определяется правило для установления цен на все теоретически возможные товары преступления, поскольку цена преступления является функцией от двух переменных – количества общественной опасности деяния и количества общественной опасности, содержащейся в личности, его совершившей.

Результаты исследования

Уголовная ответственность – это зависимая переменная – цена преступления (P – price) измеряемая в удобных единицах, в частности, времени лишения свободы в годах, месяцах или сутках, величине штрафа в рублях и т.д., то есть переменная, функционально зависящая от двух аргументов: 1) общественной опасности деяния (X) в условных единицах измерения; 2) общественной опасности личности (Y) в условных единицах измерения: $P=F(X,Y)$ (формула № 1), где F – конкретное правило, связывающее левую и правую части уравнения уголовной ответственности, которое нужно найти. Очевидно, что в конкретном опытным виде уголовная ответственность выражается в обвинительном приговоре, содержащем величину уголовного наказания осужденному преступнику в соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального закона.

Собственно, **общественная опасность деяния** есть функция от трех переменных: 1) количества физического вреда; 2) количества имущественного вреда; 3) количества морального (нравственного) вреда. То есть перед нами четырехмерное пространство общественной опасности преступного деяния. Физический вред имеет ряд категорий: 0, 1, 2, 3, 4, 5, где 0 – физический вред отсутствует, 1 – легкие телесные повреждения, 2 – менее тяжкий вред здоровью, 3 – вред средней тяжести, 4 – тяжкие телесные повреждения, 5 – смерть жертвы. Перевод физического вреда в имущественную форму удобно делать, закрепив законодательно денежную величину каждой категории физического вреда.

Имущественный вред будет определяться в денежных единицах эквивалентно похищенному или уничтоженному имуществу, а моральный подобно физическому удобно вводить в виде категорий, скажем, трех: первой, второй и третьей степени. При первой степени множитель равен, например, 0,1, при второй степени: 0,2, и при третьей степени: 0,3. Тогда если общий ущерб составил, скажем, 100 условных единиц, то с учетом морального вреда первой степени сумма ущерба составит: $100+100\cdot 0,1=110$ условных денежных единиц. Следовательно, моральный ущерб первой степени просто увеличил сумму ущерба на 10%.

Таким образом, общественная опасность деяния – это показатель, суммирующий величину физического, имущественного и морального вреда, причиненного преступлением, при материальном или формальном составе преступления. В последнем случае оценивается потенциальный ущерб.

Общественную опасность, отражающую количество физического, имущественного и морального вреда, далее удобно привести к трехступенчатой

шкале с непрерывными значениями от нуля до трех, что привязано к стандартному закону нормального распределения деяний субъектов правовых отношений, о чем поясняется далее по тексту. То есть выделяем общественную опасность первой ступени (степени) или категории, общественную опасность второй ступени или категории и общественную опасность третьей ступени или категории. При этом поскольку значения шкалы непрерывны, общественная опасность сколь угодно точно дифференцируется и внутри ступеней (степеней, категорий) общественной опасности.

Общественная опасность личности, совершившей преступление, есть функция в многомерном пространстве переменных: 1) пол физического лица; 2) возраст физического лица; 3) психическое состояние физического лица; 4) наличие прежних судимостей; 5) наличие заслуг перед государством и возможно иные переменные, включаемые в модель; 6) злоупотребление спорными напитками и прочее.

Очевидно, что на величину наказания будут влиять только: 1) наличие прежних судимостей – отдельно одна судимость, две, три и т.д. 2) злоупотребление спиртными напитками; 3) наличие заслуг перед человечеством и государством. В принципе законодатель может смягчить степень наказания несовершеннолетним (по признаку «возраст»), престарелым (по признаку «возраст»), женщинам (по признаку «пол»), то есть повысить ценность данных категорий физических лиц, поскольку между ценностью личности и общественной опасностью личности устанавливается обратная зависимость. Чем выше ценность личности, тем ниже степень общественной опасности совершенного ей деяния. И, соответственно, наоборот: чем ниже степень ценности личности, тем выше общественная опасность совершенного ей преступного деяния.

Поэтому обычные физические лица – гражданин, подданный, лицо без гражданства, иностранный гражданин, не имеющие судимостей, не злоупотребляющие спиртными напитками (наркотиками) и не имеющие заслуг перед человечеством и государством, – получают ценность личности, равную единице: $Y=1$. Физическое лицо, имеющее заслуги перед человечеством и государством, имеет $Y>1$; физическое лицо, имеющее прежние не снятые и не погашенные судимости, имеет $Y<1$; и злоупотребляющий спиртными напитками, а равно наркоман – $Y<1$.

Таким образом, при определении приведенной цены преступления и общественной опасности деяния для обычного человека в функции, описанной формулой № 2, ничего не меняется. Для того, кто имеет заслуги перед человечеством и государством, уровень общественной опасности деяния снижается, равно как и автоматически снижается цена со-

вершенного им преступления. Для физических лиц, имеющих ценность личности меньше единицы, общественная опасность содеянного повышается, равно как повышается и величина уголовного наказания. Например, если формула № 2 определена уравнением: $p=x^3$, то величина уголовного наказания для деяния с общественной опасностью 2,5 для личности, ценность которой равна единице ($Y=1$), будет давать наказание: $p=2,5^3=15,625$ лет лишения свободы. Для лица, имеющего государственную награду «Герой России», если ценность его личности будет определена законодательно $Y=1,5$, он получит наказание: $p_{1,5} = \frac{15,625}{1,5} = 10,41$ лет лишения свободы. Трижды судимый рецидивист при законодательно определенной ценности личности $Y=0,7$ получит уголовное наказание: $p_{0,7} = \frac{15,625}{0,7} = 22,32$ года лишения свободы.

При дальнейшем построении математической модели мы отвлечемся от внутреннего наполнения переменных «общественная опасность деяния» и «общественная опасность личности», сосредоточив внимание на связи между ценой преступлений и детерминирующими ее переменными – общественной опасностью деяния и общественной опасностью личности.

Таким образом, уголовная ответственность в соответствии с формулой № 1 – это поверхность в трехмерном пространстве, которую несложно построить и исследовать. Но задачу можно упростить, перейдя от поверхности к плоскости, для чего разделим обе части уравнения, представленного формулой № 1, на общественную опасность личности: $\frac{p}{Y} = F\left(\frac{x}{Y}, \frac{Y}{Y}\right) \Rightarrow \frac{p}{Y} = F\left(\frac{x}{Y}, 1\right)$, и тогда следует просто записать: $p=f(x)$ (формула № 2).

В формуле № 2 в левой части уравнения стоит приведенное на общественную опасность личности наказание, а в правой – приведенная на общественную опасность личности общественная опасность деяния. Следовательно, от трехмерного пространства $P\theta XY$ мы перешли к плоскости $p\theta x$ в декартовой системе координат правой ориентации.

Поскольку рост общественной опасности деяния увеличивает цену преступления и функция $p=f(x)$ непрерывна, постольку она монотонно возрастающая. Более того, эта функция должна учитывать особенности вероятностного закона распределения деяний субъектов правовых отношений, в частности, и негативных деяний, которые можно рассмотреть отдельно от позитивных. Плотность распределения деяний субъектов правовых отношений подчиняется нормальному закону распределения, который в дифференциальной форме (берем пер-

вую производную от первообразной нормального распределения) записывается $f(x) = \frac{1}{\sigma\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{(x-\mu)^2}{2\sigma^2}}$ и

его удобно свести к стандартной форме, получив $\sigma^2 = 1$ и $\mu = 0$ записав: $f(z) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{z^2}{2}}$, где $z = \frac{x-\mu}{\sigma}$, μ и σ – параметры исходного (первоначального) распределения соответственно математическое ожидание и стандартное отклонение.

Тогда все общественно опасные деяния в функции, представленной формулой № 2, удобно свести к трем категориям – первой, второй и третьей, поскольку здесь действует правило трех сигм и нам желательно, учитывая закон возрастающей предельной полезности уголовных наказаний, с помощью уголовно-правовых средств подавлять особо негативное поведение субъектов правовых отношений, содержащееся во второй и третьей сигмах.

С учетом этого обстоятельства положим область определения функции: $x \in (0; 3]$. Поскольку полуинтервал непрерывен, постольку на нем укладывается любое социально негативное поведение, которое нам нужно оценить. Здесь мы берем общественную опасность не со знаком минус, а со знаком плюс, ибо уже работаем не с плотностью вероятности в законе нормального распределения, а с функцией $p=f(x)$, и нам удобнее работать с первым, а не третьим квадрантом прямоугольной системы координат правой ориентации, о чем было сказано в начале работы.

Кроме того, с учетом главного закона уголовной политики – закона возрастающей предельной полезности уголовных наказаний (*law of increasing marginal utility of criminal penalties*) – нам желательно не применять жестких цен за деяния, не содержащие в себе общественной опасности существенно ниже единичного уровня. Ясно, что количество этих деяний велико – в пределах первой отрицательной сигмы находится около 35% всех деяний субъектов правовых отношений, а подавление их жесткими мерами даст обратный эффект – приведет к росту не только подобных, но и более опасных деяний. Поэтому в пределах единичной общественной опасности, не включая собственно единицу, цена за такие деяния должна быть невысокой, но возрастающей с ростом общественной опасности. **При этом напоминаю, что наказание и возмещение ущерба – разные понятия.** Здесь речь идет только о наказании, а не возмещении ущерба потерпевшему. Потерпевшему осужденным ущерб должен возмещаться в полном объеме по дисконтированной ставке с учетом текущей стоимости денег и заданной процентной ставки.

По мере роста общественной опасности строгость уголовного наказания должна нелинейно воз-

¹ Полуинтервал - поскольку нейтральное поведение не оценивается отрицательно, оно исключается, на что указывает круглая скобка.

растать без замедления, то есть с положительным ускорением: $\frac{d^2p}{dx^2} = 6x$ (вторая производная – изменение скорости нелинейной функции здесь должна быть больше нуля).

Таким образом, **предельная строгость уголовного наказания** – первая производная от функции уголовного наказания: $\frac{dp}{dx}$ или, что то же самое, – предельная величина цены преступления должна иметь нелинейный положительный рост.

В качестве функции уголовного наказания, учитывающей как закон нормального вероятностного распределения деяний, так и закон возрастающей предельной полезности уголовных наказаний, наи-

более подходящей является функция: $p=x^3$. Предельная строгость уголовных наказаний (**marginal severity of criminal punishment**) согласно данной первообразной функции:

$MSCP = \frac{dp}{dx} = 3x^2$ и вторая производная этой

функции: $\frac{d^2p}{dx^2} = 6x$ как раз положительна на отрезке $x>0$. То есть в модели имеется требуемое положительное ускорение.

Из рисунка № 1 и таблицы к нему наглядно видно, что в пределах пер-вой ступени общественной опасности деяний цена этих деяний, обладающая, как и всякая цена, отрицательной полезностью для

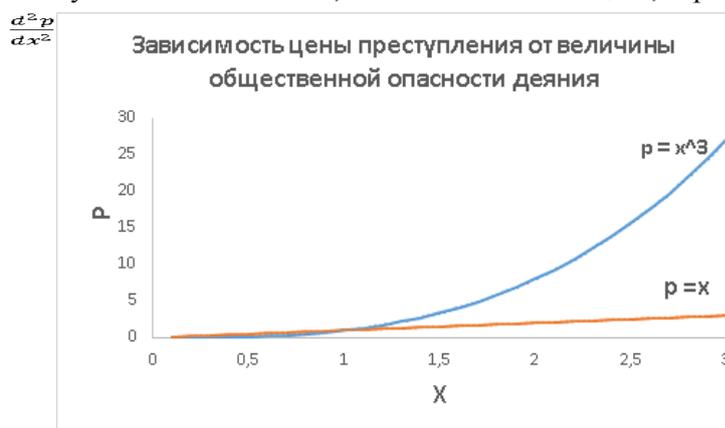

Рисунок 1 - График с двумя функциями: 1) $p=x$ – эталонная; 2) $p=x^3$
Illustration 1. Graphic with two functions: 1) $p=x$ –benchmark; 2) $p=x^3$

x	$p = x^3$	$p=x$
0	0	0
0,1	0,001	0,1
0,2	0,008	0,2
0,3	0,027	0,3
0,4	0,064	0,4
0,5	0,125	0,5
0,6	0,216	0,6
0,7	0,343	0,7
0,8	0,512	0,8
0,9	0,729	0,9
1	1	1
1,1	1,331	1,1
1,2	1,728	1,2
1,3	2,197	1,3
1,4	2,744	1,4
1,5	3,375	1,5
1,6	4,096	1,6
1,7	4,913	1,7
1,8	5,832	1,8
1,9	6,859	1,9
2	8	2
2,1	9,261	2,1
2,2	10,648	2,2
2,3	12,167	2,3
2,4	13,824	2,4
2,5	15,625	2,5
2,6	17,576	2,6
2,7	19,683	2,7
2,8	21,952	2,8
2,9	24,389	2,9
3	27	3

покупателя, растет и растет с положительным ускорением, но ее значения не превышают единицу, а равняются ей только тогда, когда значение общественной опасности становятся равными единице. Отклоняющееся от нормы поведение индивидов здесь подавляется не слишком жестко и во всяком случае даже ниже, чем это имело бы место при использовании в качестве функции уголовной ответственности эталонной линейной функции $p_{э}=x$. На рисунке № 1 видно, что кривая, описываемая уравнением $p=x^3$, меняет тангенс угла наклона, в отличие от эталонной функции $p=x$, но на интервале $p(x \in (0; 1))$ ниже линии $p=x$, а наклон кривой $p=x^3$ меньше единицы на интервале $x \in (0; 0,57735)$.

Определим, когда скорости эталонной и кубической функции равны. Для этого запишем равенство:

$$\frac{dp}{dx} = \frac{dp_э}{dx} \Rightarrow \exists x^2 = 1 \Rightarrow x^2 = \frac{1}{3} \Rightarrow x = \sqrt{\frac{1}{3}} =$$

$$\frac{\sqrt{3}}{3} \approx 0,57735. \text{ На интервале } x \in (0; 0,57735) \frac{dp}{dx} < \frac{dp_э}{dx}.$$

При $x=0,57735$ имеем $\frac{dp}{dx} = \frac{dp_э}{dx}$, а при $x > 0,57735$

$\frac{dp}{dx} > \frac{dp_э}{dx}$. То есть после прохождения точки $x=0,57735$ предельная строгость уголовного наказания выше единичной (эталонной).

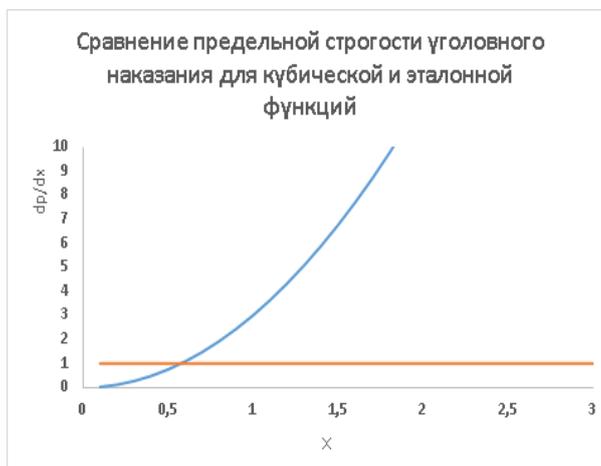

Рисунок 2 - Сравнение предельной строгости уголовного наказания для кубической и эталонной функций
Illustration 2. Comparison of maximum criminal penalties for cubic and reference functions

Обратим внимание, что на рисунках № 1 и № 2 по оси ординат разные единицы измерения. На рисунке № 1 это цена в соответствующих единицах измерения, а на рисунке № 2 та же цена, только на единицу измерения общественной опасности деяния, ибо производная – это скорость изменения первообразной функции, бесконечный набор касательных к ней.

Если интерпретировать величину уголовного наказания в годах лишения свободы, то для первой степени общественной опасности деяния — это наказание при прочих равных условиях не должно превышать одного года лишения свободы, а для ранее не судимых лиц с учетом закона возрастающей предельной полезности уголовных наказаний должно заменяться мерами, не связанными с лишением свободы, дабы не сбивать порог страха перед данным реальным уголовным наказанием, что в полной мере соответствует закону возрастающей предельной полезности уголовных наказаний.

Максимальное наказание в соответствии с функцией цены преступлений: $p=x^3$ составит 27

лет лишения свободы для деяний равных ровно трем единицам общественной опасности, а минимальное равно нулю при значениях приведенной величины общественной опасности близкой к нулю. Максимальное наказание для второй степени общественной опасности составит $p_2=2^3=8$ лет лишения свободы.

Возникает вопрос, имеется ли такое деяние, которое превышает величину три? Это не противоречит стандартному закону нормального распределения, поскольку за пределы трех сигм возможен выход, но количество таких деяний не превышает в данном случае¹ величину:

$\frac{1-0,9973}{2} = 1,35 \cdot 10^{-3}$. Здесь должна применяться высшая мера уголовного наказания – либо смертная казнь, либо пожизненное лишение свободы, – что также не противоречит закону возрастающей предельной полезности уголовных наказаний.

Обратим внимание на весьма важную деталь, характеризующую функцию $p=x^3$. Поскольку это степенная функция, постольку показатель степени есть постоянная эластичность: $\exists_{p/x} = 3$,

¹Делим на два, поскольку в нормальном распределении два хвоста, а нас интересует в данном случае только левый (отрицательный).

отвечающая на вопрос, насколько процентов изменится в данном случае цена преступления при изменении общественной опасности деяния на один процент. Скажем, если общественная опасность деяния выросла на один процентный пункт, то строгость уголовного наказания вырастет на 3 процентных пункта. Это обстоятельство также соответствует как закону стандартного нормального распределения, правилу трех сигм, так и закону возрастающей предельной полезности уголовных наказаний – главному закону уголовной политики, раскрывающему суть общей, специальной и индивидуальной превенции преступлений уголовными наказаниями.

Обсуждение и заключения

Таким образом, построена простая и точная математическая модель уголовной ответственности как функция приведенной на общественную опасность личности цены преступлений от приведенной на общественную опасность личности общественной опасности преступного деяния вида: $p=f(x)$, которую удобно параметризовать уравнением: $p=x^3$ с предельной строгостью уголовного наказания: $\frac{dp}{dx} = 3x^2$. Тогда все составы преступлений (товары преступления) по величине общественной опасности следует привести в соответствие со шкалой отношений, на которой определяется данная функция уголовной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ольков С.Г. Математические начала теории правоотношений, благо- и злодеяний (Часть II) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2018. № 3. С. 166 – 201.
2. Ольков С.Г. Приговор по уравнению с учетом обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. №1 (18). С. 365 – 376.
3. Ольков С.Г. Теория моральных и правовых многомерных оценочных пространств // Право и политика. 2006. № 2. С. 18 – 28.
4. Ольков С.Г. Юридическая ответственность и многомерные оценочные пространства // Актуальные проблемы правоправедения. 2004. № 1 (7). С. 196 – 204.

REFERENCES

1. Ol'kov S.G. Matematicheskie nachala teorii pravootnoshenij, blago- i zlodeyanij (CHast' II) // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region. 2018. № 3. S. 166 – 201.
2. Ol'kov S.G. Prigovor po uravneniyu s uchetom obstoyatel'stv, smygacha-yushchih i otyagchayushchih nakazanie) // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. 2015. №1 (18). S. 365 – 376.
3. Ol'kov S.G. Teoriya moral'nyh i pravovyh mnogomernyh ocenochnyh prostranstv // Pravo i politika. 2006. № 2. S. 18 – 28.
4. Ol'kov S.G. YUridicheskaya otvetstvennost' i mnogomernye ocenochnye prostranstva // Aktual'nye problemy pravovedeniya. 2004. № 1 (7). S. 196 – 204.

Об авторе: Ольков Сергей Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
e-mail: olkovsg@mail.ru

© Ольков С.Г., 2020

Статья получена: 17.12.2020. Статья принята к публикации: 18.03.2020.

Статья опубликована онлайн: 30.03.2020.

About the author: Ol'kov Sergey G., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and the Criminology of V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

М.Н. Соловьева

**ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДЕЙСТВИЙ,
УГРОЖАЮЩИХ БЕЗОПАСНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ
ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ (СТАТЬЯ 267¹ УК РФ),
И ХУЛИГАНСТВА
НА ТРАНСПОРТЕ (П. «В» Ч. 1 СТАТЬИ 213 УК РФ)**

**ISSUES OF LIMITATION OF ACTIONS,
THREATENING SAFE USAGE OF
VEHICLES (ART. 267¹ OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION), AND HOOLIGANISM
IN TRANSPORT (PARA. 1, P. SECTION “V” OF ART. 213
OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Введение: в данной статье рассмотрен вопрос отграничения смежных норм, связанных с эксплуатацией и движением транспортных средств (ст. 267¹ и п. «в» ч. 1 ст. 213 Уголовного кодекса РФ).

Материалы и методы: эмпирическую основу исследования составляют нормы Уголовного и Гражданского кодексов Российской Федерации, нормы федерального законодательства, материалы судебной практики, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также научная литература по рассматриваемой теме. Методологическую основу исследования составили диалектический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования: автором проведен анализ субъективных и объективных признаков рассматриваемых составов, определены критерии отграничения анализируемых норм. Особое внимание уделено уголовно-правовой оценке роли транспортного средства при совершении указанных деяний. По материалам судебной практики проанализированы некоторые аспекты квалификации указанных преступлений.

Обсуждение и заключения: автор подвергает критике словесную формулировку, используемую судами при квалификации действий виновных лиц за совершение хулиганства на транспорте, вносит предложения по совершенствованию практики применения соответствующих норм.

Ключевые слова: общественная безопасность, общественный порядок, безопасная эксплуатация, транспортные средства, хулиганство

Для цитирования: Соловьева М.Н. Вопросы разграничения действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств (статья 267¹ УК РФ), и хулиганства на транспорте (п. «в» ч. 1 статьи 213 УК РФ) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 81 – 85. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.012

Introduction: in this article, the issue of delimitation of related norms regarding the usage and traffic of vehicles is considered (Article 267¹ of the Criminal Code of the Russian Federation and paragraph “v” of Part 1 of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Materials and Methods: the author used the norms of the Criminal and Civil Codes of the Russian Federation, materials of judicial practice, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as academic literature on the subject. The methodological basis of the study was made up of dialectic, formal legal, comparative legal methods.

Results: the author conducted an analysis of subjective and objective signs of the compositions under consideration, defined the criteria for delimitation of the analyzed norms. Particular attention was paid to the criminal legal assessment of the role of the vehicle in the commission of these acts. Based on the materials of judicial practice, some aspects of the qualification of these crimes were analyzed.

Discussion and Conclusions: the author criticizes the verbal statement used by the courts in qualifying the actions of the responsible for committing “hooliganism in transport”, makes suggestions for improving the practice of applying the relevant standards.

Key words: public safety, public order, safe operation, vehicles, hooliganism

For citation: Solovyova M.N. Issues of Limitation of Actions, Threatening Safe Usage of Vehicles (Art. 267¹ of the Criminal Code of the Russian Federation), and Hooliganism in Transport (Para. 1, P. Section “V” of Art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 81 – 85. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.012

Введение

Федеральным законом Российской Федерации от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ введена статья 267¹ Уголовного кодекса РФ (УК РФ) «Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств». Криминализация данных действий вызвала большое количество вопросов как в правоприменительной практике, так и в теории уголовного права. Один из таких вопросов касается разграничения действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, хулиганства, совершенного на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования. Поместив данную норму в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», законодатель дал повод для размышления над вопросами соотношения указанного преступления с хулиганством, совершенным на транспорте. Необходимость разграничения указанных преступлений обусловлена тем, что они непосредственно или опосредованно могут быть связаны с эксплуатацией и движением транспортных средств. Изложенное актуализирует решение вопроса о роли транспорта в п. «в» ч. 1 ст. 213 и ст. 267¹ УК РФ.

Обзор литературы

Отдельные вопросы соотношения ст. 267¹ УК РФ и п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ стали предметом рассмотрения в научных публикациях Д.А. Гришина и Ю.В. Балашовой, М.В. Баранчиковой, Ю.В. Голика, Е.И. Куприянова, Е.И. Майоровой и Л.В. Яковлевой, С.Н. Шатиловича, М.Н. Косарева и С.А. Воропаева и др.

Признавая важность проведенных научных изысканий, необходимо отметить, что не все вопросы данного направления были разрешены, поэтому данная проблема продолжает оставаться актуальной.

Материалы и методы

В качестве исходных положений данного исследования нами были использованы нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность по ст. 267¹ УК РФ и п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Толкование элементов

и признаков данных норм проведено на основе формально-юридического метода и сравнительно-правового анализа. При изучении понятий и положений, содержащихся в положениях федерального законодательства (Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О транспортной безопасности») и постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», также использовался диалектический метод исследования.

Результаты исследования

Изучение правоприменительной практики свидетельствует о том, что судебные органы, квалифицируя действия виновных лиц по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, наряду с описанием иных содержащихся в указанной статье признаков, используют следующие словосочетания: «влияющие на безопасность движения»¹, «создавал угрозу безопасности полета воздушного судна»², «хулиганские действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортного средства»³, «создав реальную угрозу безопасности полета»⁴ и др. Очевидно, что данные формулировки следует использовать при вменении ст. 267¹ УК РФ, предусматривающей ответственность за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств. В целях определения существенности нашего довода обратимся к точкам зрения некоторых авторов.

Так, Д.А. Гришин и Ю.А. Балашова считают, что существенной разницы между ст. 267¹ УК РФ и п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ нет, так как в том и другом случае виновное лицо руководствуется хулиганскими побуждениями при совершении преступного деяния, представляющего угрозу безопасности движения на транспорте [1, с. 82]. Иной позиции придерживается М.В. Баранчикова. Ее аргументы сводятся к тому, что уголовный закон не требует, чтобы хулиганство было сопряжено с созданием угрозы безопасности функционирования транспорта, в отличие от ст. 267¹ УК РФ [2, с. 74]. Об анализируемых нами составах Ю.В. Голик говорит, что они различны по объекту, мотивационной направляющей и действиям, входящим в объективную сторону [3, с. 164].

¹ ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 23.12.2019). Дело № 1-160/2017. Постановление Петушинского районного суда Владимирской области от 09.08.2017 (дата обращения: 23.12.2019).

² ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 23.12.2019). Дело № 1-205/2018. Приговор Уфимского районного суда Республики Башкортостан от 10.08.2018 (дата обращения: 23.12.2019).

³ ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 23.12.2019). Дело № 1-160/2017. Постановление Петушинского районного суда Владимирской области от 09.08.2017 (дата обращения: 23.12.2019).

⁴ ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 23.12.2019). Дело № 1-575/2017. Приговор Химкинского городского суда Московской области от 12.09.2017 (дата обращения: 23.12.2019).

Рассмотрев некоторые доводы теоретиков уголовного права, мы приходим к мнению, что данные нормы имеют существенные различия. Так, применительно к п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ железнодорожный, морской, внутренний водный, воздушный транспорт, а также любой транспорт общего пользования является обязательным признаком состава, характеризующим место совершения преступления. В соответствии со ст. 789 Гражданского кодекса Российской Федерации транспорт общего пользования – это используемое в установленном порядке коммерческой организацией транспортное средство для осуществления перевозок грузов, пассажиров и багажа по обращению любого гражданина или юридического лица¹. Очевидно, что транспорт общего пользования является разновидностью транспортного средства и обладает особым правовым статусом – совокупностью прав и обязанностей между организацией, осуществляющей перевозки, и лицами, обратившимися к ней. Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» транспортными средствами принято считать устройства, предназначенные для перевозки физических лиц, грузов, багажа, ручной клади, личных вещей, животных или оборудования, установленных на указанных транспортных средствах устройств, в значениях, определенных транспортными кодексами и уставами². Исходя из вышеуказанных понятий, можно заключить, что разграничение транспорта общего пользования от иного вида транспорта следует проводить по критерию наличия или отсутствия установленного порядка пользования транспортным средством любыми физическими или юридическими лицами (например, пользование личным автотранспортом).

В отличие от п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, в ст. 267¹ УК РФ транспортное средство является предметом преступления. Это объясняется тем, что преступными действиями виновное лицо непосредственно воздействует на него как предмет внешнего мира, осуществляя при этом посягательство на соответствующий объект. Например, виновный бросает камни в лобовое стекло электропоезда. Более того, транспортное средство следует считать предметом и в том случае, когда непосредственное воздействие на него не осуществляется, действия происходят опосредованно путем влияния на лицо, им управляющее (ослепление пилота лазерной указкой). «Такие действия представляют

реальную угрозу безопасной эксплуатации транспортного средства», - считает С.Н. Шатилович [4, с. 72]. Поддерживая позицию ученого, полагаем, что общественные отношения по охране безопасной эксплуатации транспортных средств в вышеуказанном случае также подвергаются угрозе.

Вопросы разграничения могут возникнуть, когда лицо совершает действия, предусмотренные ст. 267¹ УК РФ, находясь на транспортном средстве. Осуществлять правовую оценку следует в зависимости от того, какому объекту преступного посягательства причиняется вред или создается угроза причинения вреда. Если пассажир на борту самолета начинает приставать к гражданам, высказываться нецензурной бранью в отношении других пассажиров и экипажа самолета, пытаться открыть эвакуационную дверь, тем самым грубо нарушать общественный порядок, выражая явное неуважение к присутствующим, содеянное следует квалифицировать по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, так как вред причиняется отношениям по охране общественного порядка на транспорте общего пользования. Если же пассажир проникает в кабину пилота, начинает хватать его за одежду и руки, пытается вырвать штурвал, нажимает на датчики управления самолетом, что ставит под угрозу состояние защищенности полета воздушного судна, его действия содержат признаки состава преступления, предусмотренного ст. 267¹ УК РФ, так как страдают отношения безопасной эксплуатации транспортных средств.

Изучение материалов судебных решений позволяет констатировать, что транспортное средство может выступать как местом, так и предметом преступления. Так, в соответствии с приговором Советско-Гаванского городского суда Хабаровского края, З. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ и ст. 267¹ УК РФ. Он, не имея повода, остановил работу главных двигателей морского судна, выключив рубильники аварийной остановки. Далее он с целью создания у членов экипажа мнения о невозможности восстановления судна извлек из панели генератора реле и предохранитель. Таким образом, дальнейшая эксплуатация морского буксира стала невозможной, а само судно стало неуправляемым. После З. начал оскорблять членов экипажа, выражаясь грубой нецензурной бранью, хватать их за одежду, применять к ним физическую силу, препятствовать несению службы вахтенной командой и пытаться привести в действие

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.12.2019).

² О транспортной безопасности: Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.12.2019).

систему охранного оповещения, тем самым проявлять явное неуважение к обществу, грубо нарушая общественный порядок¹.

Очевидно, что реальная совокупность при совершении действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортного средства, и хулиганства на морском транспорте общего пользования не исключается.

Сравнивая п. «в» ч. 1 ст. 213 и ст. 267¹ УК РФ, стоит отметить, что хулиганство и хулиганские побуждения не идентичны, так как речь идет о преступлении и мотиве преступления соответственно. Такой точки зрения придерживаются и авторы учебника по уголовному праву [5, с. 325].

Мы согласны с позицией авторов, что хулиганство и преступления, совершенные из хулиганских побуждений, не должны отождествляться. Сущность объективных признаков ст. 213 УК РФ буквально ориентирует на предполагаемый мотив данного преступления – неуважение и противопоставление виновного порядку, складывающемуся в обществе. Отсюда действия, сопровождающиеся грубым нарушением общественного порядка, совершаются по мотивам, связанным с проявлением своего «Я» перед окружающими, привлечением внимания к себе (например, Б. замахивается на стюарда стеклянной бутылкой, выражается в отношении него нецензурной бранью, высказывает угрозы). Хулиганские побуждения (как субъективный признак иных составов преступлений, в том числе ст. 267¹ УК РФ) как таковые не содержат в себе конкретных признаков какого-либо деяния, а характеризуют психологическую составляющую виновного (его мотивацию). Обозначение хулиганского мотива (хулиганских побуждений) путем повторения признаков состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, является неправильным и нелогичным. Тем самым его сущность сужается,

а определение заключается в строгие рамки. Хулиганский мотив не всегда связан с намерениями нарушить сложившиеся в обществе нормы поведения. Он может быть причиной любопытства или озорства виновного (например, шестнадцатилетний подросток оставляет мопед на железнодорожных рельсах, чтобы узнать, как в таком случае поступит машинист электропоезда). Если рассматривать хулиганские побуждения только как желание лица нарушить общественный порядок, противопоставляя себя обществу, то любое преступление можно считать совершенным из хулиганских побуждений, поскольку в той или иной степени нарушается или затрагивается общественный порядок.

О критериях разграничения хулиганства и хулиганского мотива (хулиганского побуждения) говорится и в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 45 от 15 ноября 2007 г. К таким критериям относятся содержание и направленность умысла виновного лица, мотив, цели, обстоятельства совершенного преступления².

Обсуждение и заключения

В результате изучения различных источников, сопоставления позиций авторов был получен материал, который позволяет заключить следующее:

1. Считаем, что расположение ст. 267¹ УК РФ в гл. 27 УК РФ обоснованно и связано со спецификой объекта преступного посягательства (отношений в сфере безопасного процесса эксплуатации транспорта).

2. Предполагаем, что хулиганство на транспорте и действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, необходимо разграничивать в зависимости от характера совершенного виновным действий, места преступления, намерений виновного (его мотива и цели).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришин Д.А., Балашова Ю.В. Уголовно-правовая характеристика хулиганских побуждений, как квалифицирующего признака преступления // *Черные дыры* в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 79–83.
2. Баранчикова М.В. Уголовная ответственность за хулиганство на транспорте и его отграничение от смежных составов правонарушений // *Сибирский юридический вестник*. 2019. № 2 (85). С. 71–76.
3. Голик Ю.В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства // *Lex Russica*. 2017. № 8 (129). С. 162–165.

¹ Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.12.2019). Дело № 1 – 99/2018. Приговор Советско-Гаванского городского суда Хабаровского края. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UXrkjleTPnZK/>, свободный (дата обращения: 26.12.2019).

² О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда от 15.11.2007 № 45. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.12.2019).

4. Шатилович С.Н. Отдельные вопросы уголовно-правовой оценки конструктивных признаков состава преступления, предусмотренного статьей 267.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 69–75.
5. Курс Советского уголовного права. Т. VI. Москва: Наука, 1971. 559 с.

REFERENCES

1. Grishin D.A., Balashova YU.V. Uголовно-правовая характеристика хулиганских побуждений, как квалифицирующего признака преступления // «СHyрные дыры» в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 79–83.
2. Baranchikova M.V. Uголовная ответственность за хулиганство на транспорте и его отграничение от смежных составов правонарушений // Сibirskij yuridicheskij vestnik. 2019. № 2 (85). С. 71–76.
3. Golik YU.V. Otvetstvennost' za huliganstvo: izmenenie zakonodatel'stva // Lex Russica. 2017. № 8 (129). С. 162–165.
4. SHatilovich S.N. Otdel'nye voprosy uголовно-pravovoj ocenki konstruktivnyh priznakov sostava prestupleniya, predusmotrennogo stat'ej 267.1 Uголовного кодекса Rossijskoj Federacii // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2019. № 1 (47). С. 69–75.
5. Kurs Sovetskogo uголовного права. T.VI. Moskva: Nauka, 1971. 559 s.

Об авторе: Соловьева Марина Николаевна, адъюнкт Уральского юридического института МВД России
e-mail: solovyova11557@gmail.com

About the author: Solovyova Marina N., Postgraduate, the Ural Law Institute of MIA of Russia

© Соловьева М.Н., 2020

Статья получена: 09.01.2020. Статья принята к публикации: 18.03.2020.
Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 343.5

DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.013

И.А. Халиков

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В ОТНОШЕНИИ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ**

ISSUES ON ARCHAEOLOGICAL CRIME QUALIFICATION

Введение: статья посвящена исследованию вопроса криминализации действий по незаконному поиску и (или) изъятию археологических предметов из мест залегания. Автор обращается к содержанию основных понятий, используемых при построении диспозиции ч. 1 ст. 243.2 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ); акцентирует внимание на таком антисоциальном явлении, как «черная археология», которое способствует развитию нелегального рынка культурных ценностей, приводит к утрате значимых археологических предметов (находок) для исторической науки.

Материалы и методы: в работе использовались логический, системно-структурный и статистический методы. Материалами исследования послужили нормы международного права, уголовного законодательства, положения законодательства об охране культурного и исторического наследия Российской Федерации, научная литература.

Результаты исследования: в статье раскрывается содержание правовых дефиниций «культурный слой», «археологический предмет», «памятник археологии». Исследована общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ, наносящего вред охраняемым законом общественным отношениям по сохранению памятников археологии, возможности научного изучения материальных следов существования ушедших исторических эпох.

Обсуждение и заключения: автор приходит к выводу о необходимости внесения изменений в диспозицию ст. 243.2 УК РФ путем расширения содержания общественно опасных последствий и указания на возможность уничтожения либо повреждения памятников археологии в результате совершения преступления.

Ключевые слова: культурный слой, памятник археологии, археологический предмет, находка, объекты культурного наследия

Для цитирования: Халиков И.А. Проблемы квалификации преступлений в отношении памятников археологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 86 – 91. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.013

Introduction: the article is devoted to the study of the criminalization of actions for illegal search and (or) seizure of archaeological objects from places of occurrence. The author refers to the content of the basic concepts used in the construction of the disposition of Part 1 of Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, focuses on such anti-social phenomenon as "black archeology", which contributes to the development of illegal market of cultural values, leads to the loss of significant archaeological objects (finds) for history.

Materials and Methods: logical, system-structural and statistical methods were used in the work. The materials of the study were the norms of international law, criminal legislation, provisions of legislation on the protection of cultural and historical heritage of the Russian Federation, academic literature.

Results: the author revealed the content of legal definitions "cultural layer", "archaeological object", "archaeological monument", investigated the social danger of the crime provided by Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, causing harm to legally protected public relations for preservation of monuments of archeology, the academic study of the material traces of a bygone historical eras.

Discussion and Conclusions: the author comes to the conclusion that it is necessary to amend the disposition of Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, expanding the content of socially dangerous consequences, pointing to the possibility of destruction or damage to archaeological monuments as a result of a crime.

Key words: cultural layer, archaeological monument, archaeological object, find, objects of cultural heritage

For citation: Halikov I.A. Issues on Archaeological Crime Qualification // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 86 – 91. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.013

Введение

Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ в российское уголовное законодательство была введена ст. 243.2 «Незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания»¹. Приведенная норма, по мнению законодателя, должна была стать частью механизма реализации положений Европейской конвенции об охране археологического наследия от 16 января 1992 г. (пересмотренная)² (далее – Европейская конвенция, если не указано иное). Российская Федерация с целью сохранения материальных свидетельств жизнедеятельности ушедших эпох, а также создания условий для их изучения, присоединившись к указанному международному договору, взяла на себя обязательство по организации государственной охраны всех археологических объектов, в том числе еще неизвестных науке, принятию мер уголовно-правового характера с целью противодействия разграблению памятников археологии. Однако по прошествии шести лет можно констатировать наличие проблем правоприменительной практики, препятствующих более широкому применению ст. 243.2 УК РФ.

Обзор литературы

В юридической литературе проблемам противодействия преступлениям в отношении памятников истории и культуры, памятников археологии посвящены труды таких ученых, как М.М. Богуславский, Ю.С. Зубенко, Л.Р. Клебанов, А.А. Ковалев, И.Э. Мартыненко, А.Н. Панфилов, А.В. Сумачев и др.

Изучением преступления, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ, при исследовании общих вопросов уголовно-правовой охраны культурных ценностей на диссертационном уровне занимались Л.Р. Клебанов, О.М. Мартышева, И.Э. Мартыненко.

Материалы и методы

Методологическая основа проведенного исследования сформирована на основе совокупности методов диалектического познания, формально-юридического и статистического методов. Материалами исследования послужили нормы международного права, уголовного законодательства, законодательства Российской Федерации по охране культурного наследия, научная литература.

Результаты исследования

Незаконный оборот археологических предметов создает реальную угрозу безвозвратной утраты для истории и культуры многонационального народа Российской Федерации ценностей, посредством изучения которых возможно познание и объективная оценка исторических событий. С принятием Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» государство выразило намерение уголовно-правовыми средствами противодействовать «черной археологии» как антисоциальному явлению. В пояснительной записке к проекту федерального закона было указано, что российское законодательство до внесения соответствующих изменений и дополнений не содержало норм, направленных на предотвращение незаконной добычи и оборота культурных ценностей, представляющих значение с точки зрения археологии³. Действенным правовым инструментарием, по мнению законодателя, должно было стать дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации ст. 243.2 «Незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания». Однако практическое применение нормы уголовного закона вызвало затруднения.

Возможность эффективной реализации уголовно-правового запрета законодатель связал с легализацией в Федеральном законе от 25 июня 2002 г. 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон 73-ФЗ, если не указано иное) дефиниций, содержание которых было раскрыто в Европейской конвенции. За основу были взяты используемые в отечественной археологии понятия. Так, ст. 3 Федерального закона 73-ФЗ была дополнена определениями, раскрывающими содержание основных правовых понятий, используемых в ст. 243.2 УК РФ – «культурный слой» и «археологический предмет».

В соответствии с содержанием ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ культурный слой – это слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: Федеральный закон от 23.07.2013 № 245-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 30 (Ч. I). Ст. 4078.

² Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) от 16.01.1992 // Бюллетень международных договоров. 2013. № 3. С. 41–54.

³ Пояснительная записка к законопроекту № 217902-6 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения деятельности в области археологии» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf\(Spravka\)OpenAgent&RN=217902-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf(Spravka)OpenAgent&RN=217902-6) (дата обращения: 11.11.2019).

предметы. Европейская конвенция не содержит определения понятия «культурный слой», а использует дефиницию «контекст» (содержание, наполнение)¹. Согласно § 3 ст. 1 международно-правового документа контекст – это элемент археологического наследия, который может находиться как на суше, так и (или) под водой. Он может иметь в своем составе строения, сооружения, группы сооружений, освоенные участки земли, движимые объекты, памятники иного рода. В пояснительном докладе Совета Европы в части раскрытия содержания Конвенции сказано, что контекст, в котором обнаруживаются предметы, – важный элемент археологического наследия, не менее важный и значимый, как и сами предметы. Объекты, лишенные контекста, могут утратить свою научную и историческую привлекательность. По мнению участников Конвенции, исследователь, планируя проведение работ, должен рассмотреть возможность изучения археологического наследия без проведения раскопок, то есть без нарушения контекста². Приведенное определение рассматриваемой дефиниции безусловно повышает ее значение и разъясняет позицию отечественного законодателя, отнесшего повреждение или уничтожение культурного слоя к общественно опасным последствиям объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ. Кроме этого, от возможности наступления приведенных общественно опасных последствий зависит отграничение состава преступления от состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

От толкования термина «культурный слой» непосредственно зависит содержание понятия «археологические предметы». В соответствии со ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ к археологическим предметам относятся исключительно движимые вещи. Возможность их обнаружения и изъятия законодатель связывает с проводимыми раскопками или находками.

По мнению А.А. Ковалева, определение, изложенное в Федеральном законе № 73-ФЗ, полностью повторяет определение международного договора (Европейской конвенции), из чего, по его мнению, следует, что понятием «археологические предметы» в законодательстве Российской Федерации об охране культурного наследия охватывается движимая часть «элементов археологического наследия» [2, с. 8–31]. Соглашаясь с данным мнением, следу-

ет заметить, что ч. 3 ст. 1 Европейской конвенции содержит примерный, иллюстративный перечень предметов (вещей), которые, исходя из положений национального законодательства, могут быть признаны элементами археологического наследия. Так, под элементами археологического наследия, к которым в соответствии с имеющимся в отечественном законодательстве определением относятся археологические предметы, в рассматриваемом международно-правовом документе понимаются не только движимые археологические объекты, но и иные важные доказательства, способные оказать влияние на историю народа, социальной либо этнической группы. При этом они должны соответствовать критериям, указанным в §2 ст. 1 Европейской конвенции, то есть это должны быть следы существования человечества в прошлых эпохах, с помощью которых возможно расширение исторических знаний; это должно быть нечто такое, основным либо одним из основных источников информации о которых должны быть археологические раскопки или находки. Под приведенные критерии попадает массовый археологический материал (следы озоления древесины, остеологические останки и т.п.). Он не представляет ценности для злоумышленников, вместе с тем служит маркером для признания культурного слоя таковым и также может быть признан в качестве археологических предметов. Вместе с тем о подобной возможности не указано в ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ. Это не способствует возможности раскрытия содержания признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ. Именно с оценкой подобного рода противоправных действий и последствий возникают сложности в правоприменительной практике. Так, практически по всем уголовным делам, рассмотренным судами в 2013–2019 гг., лица, признанные виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ, задерживались сотрудниками правоохранительных органов на месте незаконных раскопок. При них обнаруживались вещи, признанные археологическими предметами, а также средства осуществления поиска. Доказать причастность «черных археологов» к осуществлению незаконного поиска археологических предметов практически невозможно, если они не задерживались на месте незаконного раскопа, при них не изымались предметы, извлеченные из культурного слоя памятника археологии.

¹ Русский текст конвенции не имеет статуса официального документа. В официальных текстах конвенции (на английском и французском языках) использован термин *context* (*contexte*), в опубликованном тексте на русском языке термин переведен как содержание, наполнение.

² Council of Europe. Treaty Office. Details of Treaty No. 143. URL: <http://coe.int/en/web/conventions/treaty/143> (дата обращения: 25.11.2019).

Кроме этого, обнаружение на месте происшествия предметов, посредством которых происходит отнесение участка земли к культурному слою, а также установление факта его повреждения, повреждения (уничтожения) памятника археологии, вызывает у сотрудников правоохранительных органов затруднения при квалификации содеянного по ст. 243.2 УК РФ, отграничении рассматриваемого состава преступления от смежных. Так, сотрудниками отдела полиции № 6 МУ МВД России «Оренбургское» при осмотре места происшествия – поврежденной насыпи кургана № 1 курганной группы «Высокая Могила – Студенкин Мар» – не принято во внимание наличие в отвале незаконного раскопа следов археологического материала – фрагментов деревянных перекрытий, следов органического тлена. Без должных на то оснований противоправные действия лиц, совершивших преступление – разграбивших древнее захоронение, были квалифицированы по ч. 1 ст. 243, а не по п. «в» ч. 3 ст. 243.2 УК РФ.

Приведенные упущения в деятельности сотрудников правоохранительных органов обосновывают необходимость обращения к документам, раскрывающим содержание рассматриваемого понятия. При этом определенную сложность вызывает отсылка к внутриведомственным документам. Так, на возможность признания массового археологического материала археологическими предметами указано в Положении о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации, утвержденном постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской Академии наук от 20 июня 2018 г. № 32¹. В пояснительной записке к Положению указано, что оно вносит уточнения в основные понятия, используемые в законодательстве по охране культурного наследия. При этом о возможности подобного толкования содержания основного правового понятия «археологический предмет» сотрудникам правоохранительных органов не известно. Полагаем, что разъяснение о возможности отнесения массового археологического материала к археологическим предметам будет способствовать уменьшению правоприменительных ошибок.

Обязательным признаком объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ, является наступление общественно опасных последствий в виде повреждения либо уничтожения культурного слоя. По мнению Л.Р. Клебанова,

уничтожение или повреждение культурного слоя как такового необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 243 УК РФ, поскольку культурный слой является самостоятельным объектом археологического наследия. Вместе с тем преступление, предусмотренное ст. 243.2 УК РФ, выступает единым сложным преступлением и его квалификация не требует совокупности с преступлением, предусмотренным ст. 243 УК РФ [1, с. 71–75]. В практической деятельности сотрудники правоохранительных органов при квалификации преступлений по ст. 243.2 УК РФ в части раскрытия содержания общественно опасных последствий сталкиваются с двумя проблемами. Во-первых, в ряде случаев наравне с повреждением культурного слоя объекта культурного наследия повреждается и сам памятник, находящийся на государственной охране. Так, 24 ноября 2015 г. дознавателем ОД МО МВД России «Карачаевский» возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 243.2 УК РФ. Согласно материалам уголовного дела, не установленные дознанием лица в ночь с 21 на 22 ноября 2015 г. проникли в помещение Шоанского храма Х в. (памятник истории и культуры федерального значения²), где, сломав полы в северо-западной части помещения для отправления религиозного культа, выкопали яму размерами 105x142x80 см. Участок земли под деревянным полом христианского храма был признан культурным слоем, находящимся в пределах границы территории объекта культурного наследия. Необходимым для квалификации содеянного общественно опасным последствием стало повреждение культурного слоя памятника истории и культуры. При этом дознавателем не принято процессуальное решение по факту повреждения объекта культурного наследия, не дана соответствующая правовая оценка сломанному в ходе совершения преступления полу в храме. При этом, исходя из материалов уголовного дела, можно сделать вывод о повреждении памятника истории и культуры исключительно в целях поиска и изъятия археологических предметов.

Во-вторых, в правоприменительной практике встречаются случаи совершения преступлений в отношении памятников истории и культуры, не имеющих культурного слоя как такового. При этом предметом уголовно-правовой охраны является сам археологический объект. Так, на отдельных объектах археологического наследия погребального типа (некрополи, курганы, древние могиль-

¹ Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации. URL: http://arheolog.ru/media/OPI/Polozhenie_2018_2.pdf. (дата обращения: 11.11.2019).

² О дополнении и частичном изменении постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР»: постановление Совета Министров РСФСР от 04.12.1974 № 624. URL: <http://okn-mk.mkrf.ru/maps/show/id/343291>. (дата обращения: 11.11.2019).

ники, отдельные захоронения) культурный слой может отсутствовать, а предмет охраны образует само погребение. Кроме этого, в соответствии со ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ культурный слой отсутствует на таких объектах археологического наследия, как остатки древних укреплений, дороги – при условии их нахождения на поверхности земли. Теоретическое обоснование приведенной в федеральном законе позиции можно найти в Европейской конвенции и Пояснительном докладе Совета Европы в части толкования ее содержания. Так, в ч. 3 ст. 1 Европейской конвенции приводятся примеры вещей, которые могут составлять археологическое наследие. К ним относятся сооружения, строения, группы зданий, освоенные участки, памятники другого рода, а также их контекст, которые могут находиться на суше или под водой. При толковании международно-правового документа разъяснено, что приведенный перечень объектов археологического наследия не является исчерпывающим, он носит иллюстративный характер. Наравне с перечисленными, в соответствии с положениями норм национального законодательства к объектам археологическим наследия могут быть отнесены места захоронений, городские стены. Это самостоятельные памятники, как правило, не имеющие контекста (содержания, наполнения), применительно к отечественному законодательству – культурного слоя. На отсутствие приведенного важного элемента объекта археологического наследия прямо указано в Пояснительном докладе Совета Европы в части толкования содержания Европейской конвенции по охране археологического наследия¹. Соответственно, при осуществлении поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания при фактическом отсутствии подлежащего государственной охране культурного слоя злоумышленники могут избежать уголовной ответственности.

Приведенная проблема наиболее значима при выявлении факта поиска археологических предметов в местах древних захоронений (курганы, грунтовые могильники, древние погребения). Так, 17 марта 2017 г. дознавателем ОД отдела МВД по Шелковскому району Чеченской республики по постановлению прокурора района возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 243.2 УК РФ. Согласно материалам уголовного дела неустановленное лицо в период с февраля по март 2017 г. с целью поиска археологических предметов из мест залегания по-

вредело насыпь Старощедринского кургана «Золотой бугор» скифо-сарматского времени, являющегося памятником археологии, расположенного в четырех километрах восточнее станицы Старощедринская Шелковского района. На месте незаконного раскопа было обнаружено повреждение насыпи кургана глубиной 3 – 5 м. Правильно квалифицировав действия злоумышленников, сотрудники правоохранительных органов воздержались от раскрытия содержания объективной стороны состава преступления в части описания общественно опасных последствий. В постановлении о направлении материалов проверки в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, постановлении о возбуждении уголовного дела указано, что в результате совершения преступления «повреждены и уничтожены некоторые слои объекта культурного наследия». При этом правоприменители намеренно воздержались от отнесения поврежденных и разрушенных слоев к «культурным», поскольку они, в соответствии с содержанием ст. 3 Федерального закона 73-ФЗ, таковыми не являются. Культурный слой – слой земли на местах человеческих поселений, содержащий следы или остатки деятельности человека. Насыпь кургана не является культурным слоем, она часть предмета охраны – древнего захоронения. Приведенный пример обосновывает необходимость дополнения диспозиции ч. 1 ст. 243.2 УК РФ альтернативной возможностью наступления общественно опасных последствий в виде повреждения или уничтожения памятника археологии.

Обсуждение и заключения

Приведенные обстоятельства свидетельствуют о необходимости теоретического осмысления норм о преступлениях в отношении культурного и исторического наследия, а также разработки рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики. Отсутствие значимых результатов деятельности правоохранительных органов по расследованию преступлений в отношении объектов археологического наследия обосновывает необходимость внесения в ст. 243.2 УК РФ изменений.

Диспозицию ч. 1 ст. 243.2 УК РФ следует изложить в следующей редакции: «Поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимые без разрешения (открытого листа), повлекшее повреждение или уничтожение культурного слоя и (или) памятника археологии».

¹ Council of Europe. Treaty Office. Details of Treaty No. 143. URL: <http://coe.int/en/web/conventions/treaty/143>. (дата обращения: 25.11.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клебанов Л.Р. О некоторых новеллах уголовного законодательства, охраняющего культурные ценности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2004. № 5. С. 71 – 75.
2. Ковалев А.А. Применение понятий «археологический предмет» и «культурный слой» в правоохранительной деятельности // Противодействие незаконной деятельности в области археологии: материалы конференции. М.: ИА РАН, 2015. С. 8 – 32.

REFERENCES

1. Klebanov L.R. O nekotoryh novellah ugolovnogo zakonodatel'stva, ohranyayushchego kul'turnye cennosti // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2004. № 5. S. 71 – 75.
2. Kovalev A.A. Primenenie ponyatij «arheologicheskij predmet» i «kul'turnyj sloj» v pravooxranitel'noj deyatel'nosti // Protivodejstvie nezakonnoj deyatel'nosti v oblasti arheologii: materialy konferencii. M.: IA RAN, 2015. S. 8 – 32.

Об авторе: Халиков Искандер Альфредович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: iskanderh@mail.ru

© Халиков И.А., 2020

Статья получена: 16.12.2019. Статья принята к публикации: 18.03.2020.
Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

About the author: Halikov Iskander A., Candidate of Law (Research doctorate), Senior Lecturer, the Department of Procurator's Supervision over Enforcement of Laws in the Investigation Activities and Prosecutor's Participation in Criminal Proceedings, the Kazan Law Institute (branch) of the University of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.85

DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.014

Г.Г. Чанышева, Р.И. Чанышев

О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ВУЗОВ МВД РОССИИ К ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

PROMOTING THE EFFICIENCY OF PREPARATION OF CADETS AND STUDENTS FOR THE PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR IN JUVENILES

Введение: в статье рассматриваются основные противоречия, присущие процессу подготовки курсантов и слушателей к профилактике девиантного поведения несовершеннолетних, анализируются закономерности, условия, способствующие повышению эффективности этой подготовки.

Материалы и методы: использован комплекс теоретических, эмпирических, логических методов.

Результаты исследования: на основании проведенного исследования авторы пришли к выводу, что эффективность процесса подготовки курсантов и слушателей вузов МВД России зависит от множества факторов как объективного, так и субъективного характера: форм и методов работы, позитивной мотивации и т.д.

Обсуждение и заключения: проведенный анализ не является исчерпывающим, предполагает дальнейшую исследовательскую работу в избранном направлении. Полученные результаты могут быть использованы в образовательном процессе высших учебных заведений системы МВД России.

Ключевые слова: девиантное поведение несовершеннолетних, позитивная мотивация к обучению, профилактическая деятельность, педагогические компетенции, учебно-воспитательный процесс

Для цитирования: Чанышева Г.Г., Чанышев Р.И. О повышении эффективности подготовки курсантов вузов МВД России к профилактике девиантности несовершеннолетних // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 92 – 97. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.014

Introduction: the article discusses the main contradictions of preparation of cadets and students for the prevention of deviant behavior in juveniles, analyses regularities and conditions that promote efficiency of the preparation.

Materials and Methods: theoretical, empirical and logical methods were used.

Results: basing on the study the authors concluded that the efficiency of the preparation among cadets and students of MIA institutions of higher education depends on many objective and subjective factors: forms and methods of the work, positive motivation etc.

Discussion and Conclusions: the taken analysis is not exhaustive. It points to further studies in this area. The study results can be used in the educational process of institutions of higher education of MIA of Russia.

Keywords: deviant behaviour of minors, positive motivation for learning, preventive activity, pedagogical competence, educational process

For citation: Chanyшева G.G., Chanyшев R.I. Promoting the Efficiency of Preparation of Cadets and Students for the Prevention of Deviant Behavior in Juveniles // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 92 – 97. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.014

Введение

Экономические и социально-политические преобразования, происходящие в России в настоящий момент, определили необходимость модернизации всей системы образования и профилактической деятельности в частности. Как результат влияния негативных факторов в обществе наблюдается рост различного рода девиаций, т.е. отклонений от нормы. Отклоняющееся поведение детей и подростков в научной литературе рассматривается в качестве результата социопатогенеза, который развился в результате различных целенаправленных и стихийных влияний на личность несовершеннолетнего. Знания социально-психологических, психобиологических и психолого-педагогических особенностей несовершеннолетних девиантов обязательно для организации продуктивной учебно-воспитательной и профилактически-коррекционной деятельности. Все это обуславливает необходимость разработки новых форм, методов, средств и технологий работы с девиантными несовершеннолетними, которые были бы направлены на эффективное предупреждение девиаций. «Одной из актуальных и социально значимых задач, стоящих сегодня перед обществом, безусловно, является нахождение путей снижения роста отклоняющегося поведения среди подростков и повышения эффективности его профилактики. Необходимость решения этой задачи обусловлена не только тем, что в стране продолжает сохраняться достаточно сложная криминальная обстановка, но, прежде всего, тем, что в сферы организованной преступности втягиваются подростки. В связи с этим учеными и практиками уделяется значительное внимание проблемам отклоняющегося поведения учащихся. Негативными факторами в воспитании являются: снижение материального положения семей, социальная незащищенность подрастающего поколения, ослабление роли семьи и образовательных учреждений как социальных институтов, недостаточная эффективность государственных программ по профилактике и преодолению отклоняющегося поведения среди учащихся» [1, с. 8]. Следовательно, крайне необходимы эффективные предупредительные мероприятия, нацеленные на профилактику девиантного поведения подростков, которым требуется профессиональная квалифицированная поддержка специалистов. А это, в свою очередь, обуславливает необходимость и актуальность целенаправленной специализированной подготовки курсантов и слушателей юридических вузов к деятельности по профилактике и коррекции девиантного поведения несовершеннолетних, ибо

нивелирование отклоняющегося поведения подростков – это одно из главных направлений совместной работы образовательных организаций и правоохранительных органов.

Обзор литературы

Вопросы отклоняющегося поведения несовершеннолетних широко освещаются как в отечественной, так и зарубежной литературе. Эти проблемы рассматриваются в трудах криминологов, криминалистов, педагогов и психологов (Г.А. Аванесов, С.А. Беличева, Б.С. Братусь, Я.И. Гишинский, И.С. Кон, В.П. Беспалько, А.В. Мудрик, Н.Ф. Талызина). В российской педагогике и психологии накоплен весомый практический опыт профилактики и коррекции правонарушающего поведения несовершеннолетних (П.П. Блонский, А.С. Макаренко, Н.Т. Молчанов, В.Н. Сорока-Росинский, В.А. Сухомлинский и др.). Это сформировало теоретическую базу и практический фундамент для подготовки курсантов-будущих сотрудников правоохранительных органов к профилактической работе.

Принципиальные основы подготовки курсантов и слушателей в высших военных и юридических образовательных учреждениях заложены в исследованиях таких российских ученых, как И.А. Алехин, В.Н. Герасимов, Ю.А. Ленев, В.И. Марченков [2, 3, 4]. Учеными постулируется тезис о том, что необходима целостная психолого-педагогическая концепция, которая даст возможность сформировать принципиально новое содержание образования, разработать качественно новые и модернизировать существующие теории и технологии обучения и образования (Ф.К. Зиннуров [5]). В настоящее время криминологи, педагоги, психологи часто обращаются к проблемам профессиональной подготовки юристов, педагогов, психологов, социологов к работе с детьми и подростками, нуждающимися в поддержке и коррекции поведения (В.Г. Бочарова, Н.М. Гуськова, А.П. Закалюк, Е.Н. Савинкова и др.). Но, несмотря на большое количество точек зрения, концепции и теории, проблема девиантности несовершеннолетних в настоящее время требует тщательной проработки и дальнейшего изучения. В современном российском образовательном пространстве возникло противоречие; с одной стороны, необходимо тщательно и профессионально готовить выпускников юридических вузов к работе по профилактике девиантного поведения несовершеннолетних, с другой стороны, данный вопрос недостаточно методически и практически проработан в учебно-воспитательном процессе образовательных организаций МВД России.

Материалы и методы

Для решения определенных задач и доказательства выделенных положений применялись несколько эмпирических и теоретических методов исследования: анализ и синтез научных трудов и источников, нормативно-правовой документации; обобщение опыта практической работы по данному направлению; наблюдение, контент-анализ; а также комплекс логических методов: интерпретация, экстраполяция, метод аналогии, моделирования и проектирования.

Результаты исследования

Одним из ключевых направлений в подготовке курсантов и слушателей вузов системы МВД России является морально-психологическое обеспечение, которое также предполагает профилактику девиантного поведения среди обучающихся. В настоящее время на ведомственном уровне предпринят ряд мер в данном направлении, которые нашли свое отражение в ведомственных правовых актах. В частности к таковым можно отнести приказ МВД России от 10 августа 2012 г. № 777 «Об организации морально-психологической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации»¹, приказ МВД России от 2 сентября 2013 г. № 660 «Об утверждении положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации»². Кроме того, 10 октября 2018 г. ДГСК МВД России утверждены методические рекомендации «Организация морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», разработанные в целях установления в системе МВД России единого подхода к организации и проведению морально-психологического обеспечения деятельности ОВД РФ³.

Полагаем, что результативность подготовки курсантов и слушателей вузов МВД России напрямую зависит от реализации следующих методов:

- целесообразно ввести в программу обучения спецкурс, в котором предусмотрено изучение основ профилактической деятельности с несовершеннолетними девиантного поведения;
- формирование позитивной мотивации курсантов на успешное овладение знаниями по данной проблеме;
- участие курсантов и слушателей в практической деятельности по профилактике и коррекции девиантного поведения в ходе проведения практики и стажировки;

- включение данной тематики в научно-исследовательскую и кружковую работу курсантов и слушателей.

Существовавшие ранее технологии и модели юридического образования в ведомственных вузах МВД России предполагали усвоение обучающимися готового комплекса знаний, умений и навыков. Трансформирование системы органов внутренних дел, сложность и неоднозначность происходящих изменений, частые структурные и содержательные изменения всей системы высшего юридического образования, изменение качественного и количественного состава обучающихся предъявляют новые требования к организации всего учебно-воспитательного процесса.

В.Н. Герасимов [6] выделил основные закономерности, которые необходимо реализовать в ходе образовательного процесса в юридических вузах:

- обусловленность содержания диагностической, профилактической и коррекционной деятельности ее целями и задачами;
- объединение воспитания, перевоспитания и самовоспитания как составных частей педагогического процесса подготовки курсантов и слушателей к профилактической работе с девиантными подростками;
- обусловленность результатов процесса подготовки курсантов и слушателей к психолого-педагогической деятельности их мотивацией и стремлением к овладению всей системой коррекционной деятельности.

Эти и другие закономерности образуют в совокупности устойчивые тенденции, которые представляют и обуславливают направления и результаты процесса подготовки обучающихся в высших учебных заведениях системы МВД к профилактической работе. Основой для формирования психолого-педагогических технологий подготовки курсантов и слушателей к профилактической деятельности несовершеннолетних можно назвать свойственные этому процессу противоречия его содержания.

Анализ и обобщение научной литературы, практической деятельности в ОВД позволили определить комплекс особых противоречий, присутствующих процессу подготовки курсантского коллектива к профилактической деятельности:

- 1) противоречие между уровнем индивидуальных мотивов, склонностей и потребностей в

¹Об организации морально-психологической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 10.08.2012 № 777 (в действующей редакции). Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 26.02.2020).

²Об утверждении положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 02.09.2013 № 660 (в действующей редакции). Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 26.02.2020).

³Организация морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: методические рекомендации. ДГСК МВД России, 2018.

профилактике девиантного поведения и возможностью, а также способностью эти потребности удовлетворить;

2) противоречие между образом действий и поведением отдельного курсанта и коллективными целями и задачами профилактической деятельности. Сюда же можно отнести противоречие между теоретическим представлением курсанта о модели, способах и средствах профилактической деятельности и реальным поведением в складывающихся условиях;

3) противоречие между имеющимся уровнем знаний, умений, навыков профилактической и коррекционной работы и вновь возникающими требованиями.

Разрешить противоречия возможно следующими способами: формировать соответствующие условия для плодотворной работы по профилактике девиаций детей и подростков; устранить пробелов в существующих знаниях, умениях, навыках; сформировать осознание социальной значимости этой деятельности. «Таким образом, цель подготовки курсантов к профилактике подростковых девиаций состоит в том, чтобы максимально способствовать положительному разрешению выявленных противоречий, содействовать укреплению социально значимых качеств и чувств, помогать успешно преодолевать противоположные тенденции в социальном, образовательном (правовом, психолого-педагогическом) развитии курсантов» [7, с. 44-45].

Все вышеуказанное дало возможность наметить следующие положения, которые определяют эффективность и плодотворность подготовки курсантов к дальнейшей профилактической работе с девиантными подростками:

1) триединство воспитательного, образовательного процесса и практической деятельности обучающихся (знания, умения и навыки, полученные в вузе, применяются в работе с несовершеннолетними);

2) слияние осознания и поведенческих стереотипов курсантов и слушателей, т.е. обучающиеся должны осознавать необходимость и важность профилактической деятельности и отрицать девиантность в повседневной жизни;

3) педагогический процесс по подготовке курсантов к профилактической работе должен обладать постоянством, динамичностью и целостностью;

4) необходимо опираться на имеющиеся знания, умения и навыки обучающихся и учитывать накопленный ими опыт;

5) постоянная позитивная направленность процесса подготовки, как со стороны курсантов, так

и со стороны профессорско-преподавательского состава;

6) вовлечение обучающихся в различные виды психолого-педагогической деятельности, которые дают возможность продемонстрировать и формировать положительные качества и свойства личности;

7) соединение индивидуальной и групповой работы.

Эффективность процесса подготовки обучающихся в вузах МВД России к профилактической и коррекционной деятельности с подростками девиантного типа можно повысить следующим образом:

- должен быть виден результат работы курсантов по профилактике и коррекции девиантности, исправлению поведения несовершеннолетних;

- позитивное отношение как субъектов, так и объектов профилактической деятельности (т.е. как курсантов, так и девиантных детей и подростков);

- нацеленность на основы комплекса знаний по профилактике девиантного поведения в ходе приобретения психолого-педагогических, социально-юридических знаний.

Программа подготовки обучающихся к профилактической и коррекционной деятельности с девиантными несовершеннолетними объективно включает в себя несколько ступеней:

1) осуществление превентивной деятельности с различными категориями абитуриентов (от этапа формирования личных дел до зачисления на обучение);

2) психолого-педагогическая, воспитательная и образовательная деятельность с курсантами младших курсов;

3) формирование положительной мотивации к профилактической и коррекционной деятельности с девиантными подростками у курсантов 3-5 курсов на основе анализа и перспективных прогнозов со стороны психологов, курсантов, наставников (в период прохождения практики и стажировки);

4) этап самостоятельной профилактической деятельности с девиантными детьми и подростками.

Среди условий и возможностей, которые могут повысить результативность подготовки курсантов и слушателей к работе с девиантными подростками, стоит назвать следующее:

- укрепление взаимодействия и взаимосвязи вузов системы МВД со средними учебными заведениями, в том числе специальными школами закрытого типа для детей и подростков с отклоняющимся поведением;

- осуществление подготовки к профилактической и коррекционной деятельности в постоянном режиме;

- высокопрофессиональное кадровое и хорошее материально-техническое обеспечение процесса подготовки курсантов и слушателей к профилактической работе;

- неперенное участие в подготовке обучающихся психологов, социологов и других специалистов;

- формирование положительной устойчивой мотивации к овладению соответствующими компетенциями;

- реализация педагогических компетенций по организации профилактической работы с девиантными несовершеннолетними в учебно-методических комплексах психолого-педагогического, юридического, гуманитарного профилей;

- регулярный комплексный мониторинг уровней сформированности педагогических компетенций.

Обсуждение и заключения

Исследование различных вопросов подготовки курсантов и слушателей высших учебных заведений МВД России к профилактике и коррек-

ции девиантного поведения несовершеннолетних не является в настоящий момент законченным. Проблемы сущности, содержания, строения педагогического процесса подготовки обучающихся к профилактической работе носили и будут носить дискуссионную направленность. Мы же можем сделать лишь некоторые выводы: эффективность и результативность подготовки курсантов и слушателей к работе с девиантными несовершеннолетними обуславливается единством образовательной, воспитательной и практической деятельности; формированием у курсантов и слушателей позитивной мотивации на овладение навыками профилактической работы с девиантными детьми и подростками; использованием в учебно-воспитательном процессе высших учебных заведений юридического профиля разнообразных методов, средств, моделей и технологий, направленных на формирование готовности к работе с несовершеннолетними с отклоняющимся поведением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заречнев Д.О. Подготовка курсантов вузов МВД России к работе по профилактике вовлечения подростков в незаконный оборот наркотиков: дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2008. 197 с.
2. Алехин И.А., Сливин Т.С. Перспективы военного образования в России // Мир образования - образование в мире. 2013. № 2 (50). С. 32 – 36.
3. Ленев Ю.А., Шишков А.И. Сущность и структура процесса формирования профессиональной компетентности у курсантов военных вузов в ходе тактико-специальной подготовки // Мир образования - образование в мире. 2012. № 2 (46). С. 56 – 62.
4. Марченков В.И., Степанищев А.Т. Воспитание историей // Вестник Военного университета. 2012. № 1 (29). С. 5 – 17.
5. Зиннуров Ф.К. Педагогическая система профилактики девиантного поведения подростков в условиях социокультурной деятельности: монография. Казань: КЮИ МВД России, 2011. 526 с.
6. Герасимов В.Н. Основы превентивной педагогики: учебное пособие. М., 2010. 250 с.
7. Чанышев Р.И. Подготовка курсантов юридических вузов МВД России к педагогической профилактике подростковых девиаций: монография / под ред. Ф.К. Зиннурова. Казань: КЮИ МВД России, 2014. 150 с.

REFERENCES

1. Zarechnev D.O. Podgotovka kursantov vuzov MVD Rossii k rabote po profilaktike vovlecheniya podrostkov v nezakonnyj oborot narkotikov: dis. ... kand. ped. nauk. Barnaul, 2008. 197 s.
2. Alyohin I.A., Slivin T.S. Perspektivy voennogo obrazovaniya v Rossii // Mir obrazovaniya - obrazovanie v mire. 2013. № 2 (50). S. 32 – 36.
3. Lenev YU.A., SHishkov A.I. Sushchnost' i struktura processa formirovaniya professional'noj kompetentnosti u kursantov voennyh vuzov v hode taktiko-special'noj podgotovki // Mir obrazovaniya - obrazovanie v mire. 2012. № 2 (46). S. 56 – 62.
4. Marchenkov V.I., Stepanishchev A.T. Vospitanie istoriej // Vestnik Voennogo universiteta. 2012. № 1 (29). S. 5 – 17.
5. Zinnurov F.K. Pedagogicheskaya sistema profilaktiki deviantnogo povedeniya podrostkov v usloviyah sociokul'turnoj deyatel'nosti: monografiya. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2011. 526 s.
6. Gerasimov V.N. Osnovy preventivnoj pedagogiki: uchebnoe posobie. M., 2010. 250 s.
7. CHanyshhev R.I. Podgotovka kursantov yuridicheskikh vuzov MVD Rossii k pedagogicheskoy profilaktike podrostkovykh deviacij: monografiya / pod red. F.K. Zinnurova. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2014. 150 s.

Об авторах: Чанышева Гульнара Габдулхаковна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России
e-mail: goolchan@mail.ru

Чанышев Руслан Ильмирович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Казанского юридического института МВД России
e-mail: 89196887000@mail.ru

© Чанышева Г.Г., 2020

© Чанышев Р.И., 2020

About the authors: Chanyшева Gulnara G., Doctor of Pedagogy (Doctor habilitatus) Professor, Professor of Criminology and Penal Enforcement Law, the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Chanyшев Ruslan I., Associate Professor of Tactics and Fire Training Department, the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Candidate of Pedagogy (Research doctorate)

Статья получена: 11.02.2020. Статья принята к публикации: 18.03.2020.

Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Заявленный вклад авторов

Чанышева Гульнара Габдулхаковна – сбор и анализ эмпирического и научного материала, постановка научных задач, формирование выводов.

Чанышев Руслан Ильмирович – подготовка первоначального варианта текста, поиск научного материала, доработка текста, оформление статьи по установленным требованиям.

УДК 343

DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.015

С.В. Элекина

КАТЕГОРИЯ «ПРЕИМУЩЕСТВО» В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

THE CATEGORY "ADVANTAGE" IN MODERN CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Введение: статья посвящена исследованию преимущества как правовой категории, используемой в современном уголовном законодательстве России при описании составов преступлений против интересов службы, не получившей законодательного или иного официального определения.

Материалы и методы: применены общенаучная и частнонаучная методология, историко-правовой и системно-правовой подходы, юридико-технический анализ. При этом использован нормативный материал в виде советского и современного уголовного законодательства, источников высшей судебной власти.

Результаты исследования: установлено, что категория «преимущество» используется в четырех статьях Особенной части Уголовного кодекса РФ 1996 г. (УК РФ) (ст. 201, 201.1, 202 и 289). Определено, что применительно к положениям глав 23 и 30 УК РФ преимущество является признаком объективной и субъективной сторон преступлений против интересов службы, который выражается в виде получения субъектом преступления либо иным физическим или юридическим лицом привилегии, перевеса, превосходства, исключительного права, приоритета, иного предпочтения в сравнении с каким-либо другим субъектом. Категория «преимущество» соотнесена с такими уголовно-правовыми понятиями, как выгода, льгота, покровительство.

Обсуждение и заключения: обоснована целесообразность дальнейшего упорядочения категориального аппарата, используемого при конструировании составов преступлений против интересов службы.

Ключевые слова: преимущество, выгода, льгота, покровительство, преступления против интересов службы, злоупотребление полномочиями, незаконное участие в предпринимательской деятельности

Для цитирования: Элекина С.В. Категория «преимущество» в современном уголовном законодательстве России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 98 – 103. DOI:10.24420/KUI.2020.39.1.015

Introduction: the article is devoted to the study of "advantage" as a legal category used in modern Russian criminal legislation when describing the elements of crimes against the interests of the service, which has not received a legislative or other official definition.

Materials and Methods: general and private academic methodology, historical and legal approaches, legal and technical analysis are applied. The regulatory material in the form of Soviet and modern criminal legislation, sources of higher judicial power was used.

Results: it was found that the category "advantage" is used in four articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation 1996 (Articles 201, 201.1, 202 and 289). It has been determined that, in relation to the provisions of Chapters 23 and 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, advantage is a sign of the objective and subjective aspects of crimes against the interests of the service, which is expressed in the form of a privilege, preponderance, superiority, exclusive right, priority, or other preference of the subject of the crime or another natural or legal person in comparison with any other subject. The category "advantage" is correlated with such criminal legal notions as "benefit", "privilege", "patronage".

Discussion and Conclusions: it is reasonable to further streamline of the categorical apparatus used in the construction of crimes against the interests of the service.

Keywords: advantage, benefit, benefit, patronage, crimes against the interests of the service, abuse of authority, illegal participation in entrepreneurial activity

For citation: Elekina S. V. The Category "Advantage" in Modern Criminal Law of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 98 – 103. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.015

Введение

Преимущество относится к числу категорий, используемых в различных правовых отраслях, в том числе в гражданском, антимонопольном (конкурентном) и уголовном законодательстве России. Так, в гражданском законодательстве предусматривается прямой запрет на возможность извлечения субъектами хозяйственного оборота преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения. В действующем УК РФ преимущество применяется при описании отдельных составов преступлений, предусмотренных главой 23 и главой 30. В правоприменении эта категория трактуется неоднозначно. Между тем понятие «преимущество» не получило законодательного определения или иного официального разъяснения, содержание его не истолковано и в источниках высшей судебной власти. Верховным Судом РФ не разработаны специальные правила квалификации для случаев, характеризующихся извлечением преимуществ или связанных с предоставлением преимуществ. Это обстоятельство требует всестороннего развития соответствующего правового категориального ряда.

Материалы и методы

В качестве методологической основы исследования выступают общенаучный и частнонаучный методы, историко-правовой и системно-правовой подходы, юридико-технический анализ.

Основой исследования послужили нормативные правовые акты гражданского, антикоррупционного законодательства, положения уголовного закона. Изучена правоприменительная практика.

Обзор литературы

Уголовно-правовая категория «преимущество» впервые в научной литературе рассматривается в синонимичном ряду совместно с такими смежными категориями, как выгода, льгота, покровительство, каждая из которых наполняется оригинальным содержанием и отграничивается по ряду критериев от сходных понятий.

Автором статьи используются научные исследования профессоров А.Г. Безверхова [1], Н.А. Егоровой [2], С.В. Изосимова [3], А.В. Шнитенкова [4] и др., в которых анализируются основные признаки преступлений против интересов службы, описанных с помощью категории «преимущество».

Результаты исследования

С философской точки зрения категория (от греч. *κατηγορία* – высказывание; лат. *praedicamenta*) представляет собой понятие фундаментального характера. Категорию можно рассматривать как

устойчивый способ предцирования, существующий в языке, составляющий условие возможности опытного знания. Категории по своей функции являются общими родами высказываний¹. Как справедливо замечено в юридической доктрине, категории права – общие понятия, которые выражают пределы обобщения в юриспруденции [5, с. 87-88]. Они имеют априорное значение в качестве универсалий и предельных понятий права. Правовая категория как универсальное и предельное понятие получает свое применение в различных сферах правовой действительности.

Сказанное выше справедливо и для категории «преимущество». Последняя как общее родовое высказывание и фундаментальное понятие находит применение в различных отраслях права и законодательства.

Преимущество (приоритет, предпочтение, привилегия, первенство, превосходство, предпочтительность) является прежде всего антиподом категорий «равенство», «равноправие», получивших многократное конституционное отражение. Исходя из положений ст. 6 Конституции Российской Федерации, отрицание преимущества вплетено в конституционные принципы и положения о равенстве и равноправии граждан, провозглашающие недопустимость каких-либо предпочтений в реализации прав, недопустимость того или иного превосходства при исполнении гражданских обязанностей, предусмотренных Конституцией Российской Федерации.

Преимущества возможны в случаях, установленных законом. Такие правомерные преимущества предполагают создание специальных правовых механизмов, имеющих целью предоставление определенным лицам дополнительных предпочтений и привилегий.

Применительно к гражданскому законодательству категория «преимущество» находит отражение в разных аспектах. Один из них – прямой запрет на возможность извлечения субъектами хозяйственного оборота привилегий из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ)). Это начало конкретизируется в правилах недопустимости злоупотребления правом и доминирующим положением (ст. 10 ГК РФ). Одновременно ГК РФ устанавливает специальный механизм правомерного преимущества, например, касающегося реализации преимущественного права покупки участниками (акционерами) общества доли (акции) общества (ст. 93, 100), преимущественного права участников долевой собственности (ст. 250) и др.

¹ Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH7c502f11983e819124187c?p.s=TextQuery> (дата обращения: 13.02.2020).

Межотраслевым нормам конкурентного законодательства России также известна категория «преимущество». Причем в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹ преимущество используется для определения основополагающего понятия недобросовестной конкуренции (ст. 4). Правомерное преимущество законодателем отражено в этой же статье применительно к государственным и муниципальным преференциям, в соответствии с которыми преимущество устанавливается для создания более выгодных условий деятельности отдельным хозяйствующим субъектам в различных формах (например, предоставления имущественных льгот, государственных или муниципальных гарантий).

В Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»² преимущество имеет значение при определении личной заинтересованности служащего применительно к недопущению конфликта интересов (ст. 10).

В связи с этим обратим внимание, что закон РФ от 26 июня 1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»³ содержит более узкое определение конфликта интересов и личной заинтересованности. С учетом вышеизложенного представляется необходимым внести изменения в абз. 3 и 4 п. 2 ст. 3 этого закона, приведя понятия «конфликт интересов» и «личная заинтересованность» в соответствие со ст. 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. При этом абз. 3 и 4 п. 2 ст. 3 закона от 26 июня 1992 № 3132-1 может звучать так: «Под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) судьи влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных обязанностей (осуществление полномочий), в том числе в случае, при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью судьи и правами и законными интересами граждан, организаций, общества, муниципально-образованного субъекта Российской Федерации или Российской Федерации, способное привести к причинению вреда правам и законным интересам граждан, организаций, общества, муниципально-образованного субъекта Российской Федерации или Российской Федерации, а также умалить ав-

торитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности». «Под личной заинтересованностью судьи, которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей, понимается возможность получения судьей при исполнении должностных обязанностей (осуществлении полномочий) и во внеслужебной деятельности доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) непосредственно для судьи и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которыми судья и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными обязательствами, корпоративными или иными близкими отношениями».

В современном уголовном законодательстве России категория «преимущество» также нередко используется. Здесь названная категория применяется при описании составов преступлений, при этом речь идет о неправомерном преимуществе.

Исследуемая нами категория для отечественного уголовного законодательства не нова. Она применялась в особенных частях советских уголовных кодексов. Например, в ст. 129-а Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. (УК РСФСР)⁴ говорится об учреждении и руководстве организациями, которые прикрываются легальными формами с целью использования льгот и преимуществ, предоставленных кооперации. Другой пример – ст. 74 УК РСФСР 1960 г.⁵, где говорится о преимуществах в зависимости от расовой, национальной принадлежности или отношения к религии.

Обратим внимание читателя на четыре статьи Особенной части УК РФ 1996 г. Речь идет о ст. 201, 201.1, 202 и 289. Все указанные статьи устанавливают уголовное наказание за служебные посягательства. В этих статьях названы следующие признаки объективной и субъективной сторон служебных преступлений, которые описаны законодателем с помощью категории «преимущест-

¹ О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (в ред. федеральных законов от 27.12.2019 № 485-ФЗ, № 509-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.02.2020).

² О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в ред. Федерального закона от 16.12.2019 № 432-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.02.2020).

³ О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (в ред. Федерального закона от 26.07.2019 № 197-ФЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.02.2020).

⁴ Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года (в ред. указа Президиума Верховного Совета РСФСР 11.01.1956). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 10.01.2020).

⁵ Уголовный кодекс РСФСР 1960 года (в ред. Федерального закона от 30.07.1996 № 103-ФЗ). URL: <http://docs.cntd.ru/document/9037819> (дата обращения: 10.01.2020).

ство»: извлечение преимуществ для себя или других лиц; предоставление преимуществ.

В указанных составах преступлений «извлечение преимуществ» названо в качестве целей совершения преступления. Что касается ст. 289 УК РФ, здесь «предоставление преимуществ» характеризует связь этого признака объективной стороны с описанными в статье преступными деяниями.

Акцентируем внимание в настоящей статье на юридико-техническом анализе категории «преимущество», выражающейся в признаках объективной и субъективной сторон некоторых служебных преступлений.

Во-первых, «преимущество» в смысле положений главы 23 УК РФ – это идеальная мысленная модель будущего конечного результата в виде получения какого-либо превосходства в сравнении с иными физическими или юридическими лицами. Речь идет о создании более благоприятного образа о себе, укреплении своих позиций в обществе, создании условий для лояльного отношения со стороны руководства, подчиненных и иных лиц. При этом «благоприятность условий» определяется как превосходства, возвышающие это лицо в сравнении с иными лицами. Упомянутая рядом ученых-юристов характеристика преимущества, заключающаяся в наличии связи с материально-техническим состоянием и уровнем финансового обеспечения организации и пр.¹, не является первостепенной.

Во-вторых, заметим, что подобная цель – извлечение преимуществ для себя или других лиц – характерна только для составов злоупотребления полномочиями. В этом видится особая связь публичного и частного права. Очевидно, что злоупотребление полномочиями имеет связь с общим понятием злоупотребления правом, поскольку действия субъекта злоупотребления выражаются в осуществлении действий в обход закона с противоправной целью, полномочий (прав) с намерением причинить вред другому лицу, а также заведомо недобросовестным осуществлением полномочий (прав). Здесь недопустимо поведение по извлечению преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения.

В составе преступления, предусмотренного ст. 289 УК РФ, категория «преимущество» связана,

как уже подчеркивалось, с объективной стороной преступления. Кроме того, эта категория характеризует предоставление преимуществ только организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, то есть только юридическому лицу. Применительно к положениям главы 30 УК РФ преимущество – это предоставление коммерческой организации превосходства и привилегий, которые улучшают ее состояние, повышают ее конкурентноспособность в сравнении с другими организациями и пр.

В правоприменительной практике, как правило, в отношении ст. 289 УК РФ признак «преимущество» не наполняют отдельным содержанием и рассматривают наряду с признаками «льгота» и «покровительство в иной форме». Суды в качестве таковых деяний называют деяния, связанные с обеспечением упрощенного и ускоренного порядка рассмотрения документов²; создание различных препятствий для конкурентов³. Подчеркнем, что в ст. 289 УК РФ признак «преимущество» подлежит рассмотрению в непрерывной связи со служебным положением виновного лица.

В целях соотношения смежных категорий обратимся к соответствующему категориальному ряду главы 23 УК РФ. Здесь вместе с категорией «преимущество» законодатель использует понятие «выгода». Последнее отображает один из признаков субъективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 201, 201.1, 202 УК РФ. Извлечение выгод является целью указанных преступлений, которой охватывается желание виновного получить или увеличить то или иное благо материального или нематериального характера. В уголовном праве извлечение выгод тесно примыкает к категории корыстной и иной личной заинтересованности.

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» речь идет о двух видах выгод⁴. Во-первых, о выгодах имущественного характера. Во-вторых, о неимущественных выгодах. Выгода имущественного характера представляет собой материальную ценность. Такая ценность может быть выражена в различных формах. Например,

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 2. 704 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.12.2019).

² Приговор Кантемировского районного суда Воронежской области от 19.07.2019 по делу № 1-85/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.02.2020).

³ Постановление Невского районного суда города Санкт-Петербурга от 28.12.2017 по делу № 1-454/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.02.2020).

⁴ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 59). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2020).

получение наличных денег, перевод безналичных денежных средств, предоставление документарных и бездокументарных ценных бумаг, пересылка иностранной валюты, передача иного движимого имущества, регистрация недвижимого имущества. Материальная ценность может принимать форму предоставления имущественных прав и иных выгод, перечень которых открыт.

Выгода неимущественного свойства есть нематериальные блага, порождаемые такими побуждениями, как карьерный рост, желание приукрасить действительное положение, семейственность, обмен взаимными услугами нематериального свойства, покровительство и поддержка в решении какого-либо вопроса, сокрытие своего непрофессионализма, некомпетентности и другие.

В главе 30 УК РФ «преимущество» соотносится с такими категориями, как «льгота» и «покровительство». При этом «преимущество» и «льгота» трактуются законодателем как виды покровительства. Перечень покровительственных форм признается открытым. В ст. 289 УК РФ прямо говорится о предоставлении организации льгот и преимуществ или покровительства в иной форме.

Применительно к положениям статьи 290 УК РФ понятие «общее покровительство» имеет, как известно, легальное определение. Исходя из ст. 289 УК РФ, покровительство есть предоставление юридическому лицу льгот, преимуществ, привилегий, превосходства, исключительного права, иного имущественного и неимущественного предпочтения в сравнении с каким-либо другим лицом. Отсюда льгота представляет собой привилегию, исключительное право. Льгота может заключаться

в освобождении полностью или частично от выполнения установленных обязанностей. Наконец, льгота может состоять в облегчении условий осуществления каких-либо обязательств.

Обсуждение и заключения

1. Преимущество в смысле положений главы 23 УК РФ – это идеальная мысленная модель будущего конечного результата в виде получения какого-либо превосходства в сравнении с иными физическими или юридическими лицами. Речь идет о создании более благоприятного образа о себе, укреплении своих позиций в обществе, создании условий для лояльного отношения со стороны руководства, подчиненных и иных лиц. Преимущество в смысле положений главы 30 УК РФ – это предоставление коммерческой организации превосходства и привилегий, которые улучшают ее состояние, повышают ее конкурентоспособность в сравнении с другими организациями и пр.

2. В главе 30 УК РФ преимущество и льгота трактуются законодателем как разновидности должностного покровительства. Льгота представляет собой привилегию, освобождение от установленных обязанностей (полное или частичное), облегчение условий осуществления каких-либо обязательств.

3. Опираясь на вышеизложенное, полагаем, что необходимо дальнейшее совершенствование категориального аппарата, используемого при конструировании составов преступлений против интересов службы. Категория «преимущество» ждет дальнейшего комплексного и фундаментального научно-прикладного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безверхов А.Г. Должностные (служебные) преступления и проступки: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 1995. 234 с.
2. Егорова Н.А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции (управленческие преступления). Волгоград: Перемена, 2006. 550 с.
3. Изосимов С.В. Уголовно-правовой анализ служебных преступлений, совершаемых в коммерческих и иных организациях. Н.Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2005. 227 с.
4. Шнитенков А.В. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях: поста-тейный комментарий к главе 23 Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2018. 173 с.
5. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.

REFERENCES

1. Bezverhov A.G. Dolzhnostnye (sluzhebnye) prestupleniya i prostupki: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Kazan', 1995. 234 s.
2. Egorova N.A. Teoreticheskie problemy ugovolnoj otvetstvennosti za prestupleniya lic, vypolnyayushchih upravlencheskie funkicii (upravlencheskie prestupleniya). Volgograd: Peremena, 2006. 550 s.
3. Izosimov S.V. Ugolovno-pravovoj analiz sluzhebnyh prestuplenij, sovershaemyh v kommercheskih i inyh organizacijah. N.Novgorod: Izd-vo Volgo-Vyat. akad. gos. sluzhby, 2005. 227 s.

4. SHnitenkov A.V. Prestupleniya protiv interesov sluzhby v kommercheskih i inyh organizacijah: postatejnyj kommentarij k glave 23 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii. M.: YUsticinform, 2018. 173 s.
5. Vasil'ev A.M. Pravovye kategorii: metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorij teorii prava. M.: YUrid. lit., 1976. 264 s.

Об авторе: Элекина Светлана Вячеславовна, директор по правовым и корпоративным вопросам АО «АвтоКом», e-mail: elekina.s@yandex.ru

© Элекина С.В., 2020

Статья получена: 05.01.2020. Статья принята к публикации: 18.03.2020.

Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

About the author: Elekina Svetlana V., Director for Legal and Corporate Matters, Industrial Company "AutoCom"

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.1

DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.016

К.Ф. Багаутдинов

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ**

**CERTAIN ISSUES OF LAW REGULATION OF PRE-TRIAL
COOPERATION AGREEMENT**

Введение: в статье рассматриваются отдельные вопросы правового регулирования норм института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве.

Материалы и методы: в ходе исследования применялись различные материалы и методы: логико-юридический, сравнительно-правовой, статистической обработки данных, обобщение судебной и следственной практики, анализ и синтез, описание, сравнение, метод моделирования. Материалами исследования послужили досудебные соглашения о сотрудничестве, постановления прокуроров о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве по Республике Татарстан за 2016-2019 гг.

Результаты исследования: исходя из материалов обобщения судебной, прокурорской, следственной практики, выделены отдельные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве, которые требуют дополнительного правового регулирования, в частности, применительно к процедуре принятия прокурором решения о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве и мерам обеспечения безопасности сотрудничающего лица.

Обсуждение и заключения: выдвигаются рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики, предложения о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство, направленные на устранение имеющихся пробелов и недостатков норм института досудебного соглашения о сотрудничестве, о введении специальной карточки на лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве, особый порядок судебного разбирательства, прекращение досудебного соглашения о сотрудничестве

Для цитирования: Багаутдинов К.Ф. Отдельные вопросы правового регулирования института досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т.11, № 1. С. 104 – 107. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.016

Introduction: the article discusses definite issues of legal regulation of regulations of pre-trial cooperation agreement in criminal procedure.

Materials and Methods: logical, judicial, comparative, statistical data processing, generalization of court and investigation practice, analysis and synthesis, description, comparison, simulation method. Materials of the study were pre-trial cooperation agreements, public prosecutors' orders to terminate their pre-trial cooperation agreement for the Republic of Tatarstan for 2016-2019.

Results: based on the generalization of judicial, prosecutorial and investigative practices, certain issues of the institution of a pre-trial cooperation agreement have been identified that require additional legal regulation, in particular with regard to the procedure for the prosecutor to decide to terminate a pre-trial cooperation agreement and measures to ensure the security of the cooperating person.

Discussion and Conclusions: the author recommends to improve law enforcement practice, change in criminal procedure law, aimed to fill gaps in pre-trial cooperation agreements, on introduction a special card of the person who has entered into a pre-trial cooperation agreement.

Key words: pre-trial cooperation agreement, prosecutor's powers in criminal proceedings, special procedure of court proceedings, termination of pre-trial cooperation agreement

For citation: Bagautdinov K.F. Certain Issues of Law Regulation of Pre-Trial Cooperation Agreement // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2019. V. 11, No 1. P. 104 – 107. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.016

Введение

Приказ Генерального прокурора РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» требует от прокурора при получении сведений о несоблюдении подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве вынесения постановления о прекращении досудебного соглашения, а в случае его поступления при выполнении требований ст. 221 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) – постановления об отказе во внесении представления.

Результаты исследования

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 322-ФЗ в статье 317.4 УПК РФ предусмотрена возможность вынесения прокурором постановления об изменении досудебного соглашения о сотрудничестве с составлением нового досудебного соглашения в установленном ст. 317.3 УПК РФ порядке, а также указано о праве прокурора вынести постановление о прекращении действия досудебного соглашения о сотрудничестве. Решение прокурора о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве должно быть выражено в виде мотивированного постановления.

Отметим, что в Уголовно-процессуальном кодексе Германии предусмотрены обстоятельства, при наличии которых суд вправе отказаться от заключенного соглашения в уголовном судопроизводстве. К ним относятся:

- а) в процессе заключения соглашения были упущены правовые или фактические обстоятельства дела;
- б) такие обстоятельства стали известны позже;
- в) действия или высказывания подсудимого после принятия соглашения не соответствуют оговоренному в соглашении, если, например, его признание содержит меньше информации, чем было оговорено в соглашении;
- г) суд находился в заблуждении, если, например, после заключенного соглашения поступила информация о прежней судимости подсудимого [1].

В случае вынесения прокурором постановления о прекращении действия досудебного соглашения о сотрудничестве производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке. Расторгнуть досудебное соглашение о сотрудничестве может и обвиняемый, подав соответствующее заявление. Каких-либо обоснований для этого не требуется.

Отдельные авторы считают, что при наличии возражений со стороны подозреваемого или обвиняемого расторжение досудебного соглашения о сотрудничестве не может быть произведено прокурором и такое решение должно приниматься исключительно в судебном порядке [2, с.11].

На наш взгляд, такое предложение противоречит самой роли суда в уголовном судопроизводстве. Рассмотрение таких споров неизбежно вовлечет суд в оценку доказательств, что является недопустимым.

О.Н. Тисен считает, что порядок расторжения досудебного соглашения о сотрудничестве по инициативе стороны обвинения в ходе предварительного следствия должен быть аналогичным порядку заключения досудебного соглашения, то есть следователь должен вынести мотивированное постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о расторжении досудебного соглашения, согласованное с руководителем следственного органа [3, с. 28].

Полагаем, что это является излишним. Прокурор в любом случае принимает это решение с учетом мнения следователя, однако оно не имеет решающего значения. С другой стороны, закон не содержит запрета на обращение следователя к прокурору с ходатайством о расторжении досудебного соглашения о сотрудничестве.

При этом прокурор должен истребовать от следователя подробную информацию о действиях обвиняемого в рамках досудебного соглашения о сотрудничестве с указанием, в чем выражается нарушение обвиняемым условий досудебного соглашения о сотрудничестве, неисполнение взятых на себя обязательств и какими данными, доказательствами это подтверждается.

Как следует из закона, досудебное соглашение о сотрудничестве может быть прекращено прокурором в случае неисполнения обвиняемым взятых на себя обязательств по раскрытию преступлений, изобличению соучастников, розыску имущества и т.д. В то же время обвиняемый может исполнить свои обязательства и при этом противодействовать расследованию. Так, например, с А., привлеченным к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 160 УК РФ, было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. А. дал полные показания об обстоятельствах совершенных преступлений, сообщил об известных ему фактах хищения денежных средств, выдал через супругу сумку, в которую собирал похищенные денежные средства, и выполнил другие условия досудебного соглашения о сотрудничестве. В связи с этим А. и его защитник ходатайствовали о непродлении срока содержания обвиняемого под стражей. Суд продлил соответствующий срок, указав при этом следующее: А. оказывал давление на свидетеля К., чтобы последний дал удобные для него показания; не установлено место нахождения похищенных денежных средств либо приобретенного на них имущества¹.

¹ Апелляционное постановление Мурманского областного суда от 14.05.2015 № 22К-782-2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2017).

В то же время решение о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве с А. не принималось. То есть факт давления со стороны А. на свидетеля К. не стал основанием для прекращения досудебного соглашения о сотрудничестве.

На наш взгляд, подобные действия, заключающиеся в оказании давления на свидетелей, потерпевших, также могут повлечь за собой прекращение досудебного соглашения о сотрудничестве – безусловно, при доказанности этого факта. Кроме неисполнения условий досудебного соглашения о сотрудничестве, в законе могут быть предусмотрены и другие основания, влекущие прекращение действия досудебного соглашения о сотрудничестве, которые напрямую не связаны с исполнением его условий.

Постановление прокурора о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве должно отвечать требованиям законности, обоснованности, мотивированности. Такое решение может быть принято прокурором только по результатам проведенной проверки сведений и данных о несоблюдении обвиняемым условий и обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, а также изучения материалов уголовного дела. При этом прокурор должен истребовать соответствующую информацию от следователя и получить объяснение от обвиняемого. В постановлении должны быть указаны конкретные основания и мотивы принятого решения.

Следует иметь в виду, что в целях обеспечения безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, может быть изменена территориальная подсудность уголовного дела. Например, на подсудимого, участника банды, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, оказывалось противоправное воздействие в виде угроз и требования отказаться от содействия и показаний против соучастников преступления. Заместитель Генерального прокурора РФ утвердил обвинительное заключение по данному делу и направил мотивированное ходатайство в Верховный Суд РФ об изменении территориальной подсудности уголовного дела. Это ходатайство было удовлетворено, территориальная подсудность дела изменена, и оно передано для рассмотрения в Северо-Кавказский окружной военный суд.

Рассматривается и возможность заключения с лицами, находящимися в следственных изоляторах и учреждениях исполнения наказания и подпадающими под государственную защиту, специальных договоров. В них должны быть четко прописаны права и обязанности, взаимоотношения сторон при осуществлении мер безопасности. Речь идет в том числе и о лицах, заключивших

досудебное соглашение о сотрудничестве. Среди мер безопасности в учреждениях исполнения наказания указаны: отдельное размещение от остальных заключенных; технические средства защиты, перевод из одного учреждения в другое; оставление в следственном изоляторе¹.

В качестве меры безопасности и государственной защиты обвиняемого предложено помещать лицо, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, при осуждении его к лишению свободы в специальные учреждения уголовно-исполнительной системы [2, с. 15]. Казалось бы, хорошее предложение, но оно нереализуемо в современных условиях. Число таких лиц, осужденных в особом порядке, является незначительным. С учетом тяжести совершенных преступлений они направляются в исправительные учреждения разного типа (общий режим, строгий режим). Создать специальные условия для лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, в современных условиях переполненности исправительных учреждений, недостаточного финансирования невозможно.

В то же время необходимо обеспечить раздельное отбывание наказания лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и его соучастников, которых он изобличил. В связи с этим предлагаем обязать следователя заполнять специальную карточку на лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, с постоянным ее обновлением, отражая движение уголовного дела данного лица и уголовных дел его соучастников, основные решения, принятые по этим делам.

В целях обеспечения оперативности данная карточка могла бы заполняться в письменном и электронном вариантах с направлением необходимых сведений в места содержания арестованных лиц.

Данная карточка могла бы включать в себя следующие сведения:

- номер основного уголовного дела;
- дату возбуждения;
- статью, по которой возбуждено уголовное дело;
- орган расследования;
- ФИО следователя;
- ФИО лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве:
- год рождения;
- дату задержания, ареста;
- первоначальное обвинение;
- окончательное обвинение;
- дату заключения досудебного соглашения о сотрудничестве;
- дату выделения уголовного дела в отдельное производство;

¹ Куликов В. Заключенные войдут в программу защиты свидетелей. Сядут особо // Российская газета. 2017. 22 июня. С. 5.

дату направления дела в суд;
дату рассмотрения дела судом первой инстанции, ФИО судьи;

приговор суда первой инстанции: квалификация, мера наказания, ФИО судьи;

приговор суда апелляционной инстанции, ФИО судей;

соучастников лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве (те же сведения на каждого из них);

местонахождение (в СИЗО) и в местах лишения свободы.

Ведение такой карточки со своевременным внесением в нее необходимых сведений позволит в первую очередь обезопасить сотрудничающее со следствием лицо и обеспечить его отдельное содержание от соучастников. Кроме того, это позволит избежать нарушения требований закона об отводе судьи при рассмотрении взаимосвязанных уголовных дел лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и его соучастников.

Данная проблема еще более актуализируется в связи с введением с 1 сентября 2019 г. в российском судопроизводстве автоматизированного распределения уголовных дел судьям. Включение в автоматизирован-

ную информационную систему распределения уголовных дел указанных данных позволит обеспечить рассмотрение уголовных дел на сотрудничающее лицо и его соучастников в соответствии с требованиями закона, без нарушения положений об отводе судьи.

Обсуждение и заключения

Предлагаем разработать специальную карточку по уголовному делу в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, отражающую полные данные лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве и его соучастников; движение дел в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и его соучастников; данные судей, рассматривавших уголовное дело в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и уголовные дела его соучастников; и другие.

Введение такой карточки со своевременным внесением в нее необходимых сведений позволит исключить нарушения требований закона об отводе судьи в связи с предыдущим участием в рассмотрении уголовного дела; обеспечить безопасность сотрудничающего лица и его отдельное содержание от соучастников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэст Э., Флорштедт Й. Уголовный процесс Германии: соглашение сторон в суде // Уголовное судопроизводство. 2018. № 4. С. 42-47.
2. Иванов А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 25 с.
3. Тисен О.Н. Механизм расторжения досудебного соглашения о сотрудничестве со следствием // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 26-30.

REFERENCES

1. Best E., Florstedt J. Uголовnyj process Germanii: soglashenie storon v sude // Uголовnoe sudoproizvodstvo. 2018. № 4. S. 42-47.
2. Ivanov A.A. Teoreticheskie i organizacionno-pravovye aspekty realizacii instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve v rossijskom uголовnom processe: avtoref. dis. ... kand.yurid.nauk. Chelyabinsk, 2013. 25 s.
3. Tisen O.N. Mekhanizm rastorzheniya dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve so sledstviem // Rossijskaya yusticiya. 2013. № 10. S. 26-30.

Об авторе: Багаутдинов Камиль Флерович, руководитель Азнакаевского межрайонного следственного отдела Управления Следственного комитета РФ по Республике Татарстан
e-mail: kamilskrt@mail.ru

© Багаутдинов К.Ф., 2020

Статья получена: 14.01.2020. Статья принята к публикации: 18.03.2020.

Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

About the author: Bagautdinov Kamil F., Head of the Aznakaevo Inter-District Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Republic of Tatarstan

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 343.14

DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.017

С.И. Иванов

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ВЕДЕНИИ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ОПЕРАЦИИ
ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**PECULIARITIES OF INTERACTION OF INTERNAL AFFAIRS
AGENCIES IN INVESTIGATION**

Введение: в статье рассматриваются проблемные вопросы организации взаимодействия в ходе оперативно-розыскных операций органов внутренних дел (ОВД), в том числе система научных взглядов на проблематику, на основе чего предлагаются пути его совершенствования.

Материалы и методы: при рассмотрении вопросов взаимодействия при проведении оперативно-розыскной операции органами внутренних дел исследовались работы А.В. Бецкова, Ю.В. Дубко, А.И. Музеева, А.С. Самodelкина, О.Б. Трошина, А.М. Чеченова, результаты анкетирования сотрудников подразделений уголовного розыска, проходивших обучение по дополнительным профессиональным программам в Крымском филиале Краснодарского университета МВД России в 2018 – 2019 гг., применялись общенаучный диалектический, структурно-логический, функциональный и логико-семантический методы, методы анализа, синтеза, классификации и группировки.

Результаты исследования: проведен сравнительный анализ механизмов взаимодействия в оперативно-розыскных операциях с иными операциями, которые проводятся ОВД; раскрыты особенности механизмов, влияющих на организацию взаимодействия; сформулированы требования к организации взаимодействия при проведении оперативно-розыскных операций.

Обсуждение и заключения: обоснована авторская позиция, согласно которой вопросы организации и осуществления взаимодействия в ходе оперативно-розыскных операций необходимо закрепить в нормативных актах МВД России.

Ключевые слова: взаимодействие, оперативно-розыскная операция, оперативные подразделения, органы внутренних дел, рекогносцировка, конспирация, конфидент

Автор выражает признательность рецензенту, проводившему слепое анонимное рецензирование данной работы.

Для цитирования: Иванов С.И. Особенности взаимодействия при ведении оперативно-розыскной операции органами внутренних дел // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С.108 – 112. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.017

Introduction: the article deals with the issues of interaction during investigations of the internal affairs agencies, and the system of academic views on the issues on the basis of which the ways of its improvement are proposed.

Materials and Methods: the works of A.V. Betskov, Yu.V. Dubko, A.I. Muzeyev, A.S. Samodelkin, O.B. Troshin, A.M. Chechenov, the results of the survey of employees of criminal investigation units trained in additional professional programs at the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2018-2019 were studied, general academic dialectic, structural-logical, functional and logical-semantic methods, methods of analysis, synthesis, classification and grouping were used.

Results: a comparative analysis of the mechanisms of interaction in investigations with other operations that are conducted by the internal affairs agencies is made. The features of the mechanisms that affect the organization of interaction are disclosed. The requirements for the organization of interaction in investigations were presented.

Discussion and Conclusions: the author's position that the organization and implementation of interaction in the investigations should be fixed in the regulations of the Ministry of Internal Affairs of Russia is justified.

Key words: interaction, operational-search operation, operational units, internal affairs agencies, reconnaissance, conspiracy, confidant

The author expresses his gratitude to reviewer who conducted double-blind peer review.

For citation: Ivanov S.I. Peculiarities of Interaction of Internal Affairs Agencies in Investigation// Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2019. V. 11, No 1. P. 108 – 112. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.017

Введение

Взаимодействие – один из основных принципов оперативно-розыскной тактики, предполагающий координацию и согласование усилий органов внутренних дел и их оперативных подразделений, основной отличительный и неотделимый признак любой операции, проводимой ОВД – специальной, оперативно-профилактической, оперативно-розыскной и др. По своему определению операция предполагает обязательное согласование усилий по цели, времени, месту, объекту, способам действий. Именно на идее постоянного взаимодействия зиждется сущность операции, поскольку осознание всеми ее участниками того, что любое ошибочное действие или бездействие кого-либо из них может свести на нет усилия многих, является побудительным мотивом к усилению персональной личной ответственности.

Обзор литературы

Различные аспекты организации взаимодействия ОВД с другими правоохранительными органами исследованы в работах А.В. Бецкова, Ю.В. Дубко, А.И. Музеева, А.С. Самоделкина, О.Б. Трошина, А.М. Чеченова и многих других. Вместе с тем вопросы организации взаимодействия непосредственно при проведении оперативно-розыскных операций (далее – ОРО) остаются мало исследованными. Указанные обстоятельства требуют подробного рассмотрения внутреннего взаимодействия оперативных подразделений ОВД и других участников данных операций.

Материалы и методы

Общая теоретическая основа, разработанная вышеуказанными авторами, с учетом принципиальной однотипности всех операций позволяет при обязательном учете особенностей, присущих именно ОРО, обобщить практический опыт взаимодействия оперативных и иных подразделений, рядовых участников таких операций. Одновременно подвергались анализу труды по вопросам взаимодействия в специальных операциях, использовался личный опыт оперативной работы автора и материалы анкетирования оперативных сотрудников. Применялись общенаучный диалектический, структурно-логический, функциональный и логико-семантический методы, методы анализа, синтеза, классификации и группировки.

Результаты исследования

Одним из основных факторов, влияющих на результативность оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) ОВД, является качество ор-

ганизации взаимодействия с другими правоохранительными органами, их оперативными аппаратами, следственными подразделениями, государственными органами власти и управления, а также с другими субъектами, с которыми организация взаимодействия оперативных подразделений всегда была в центре внимания практиков и ученых, исследовавших пути повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности органов и подразделений внутренних дел [1, с. 62].

В научной литературе представлено несколько определений ОРО, однако мы придерживаемся формулировок, предложенных Ю.В. Дубко и А.В. Копаном для всего класса операций, проводимых ОВД. Под ОРО мы понимаем организационную форму осуществления оперативными подразделениями ОВД своей оперативной функции, являющейся системой оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, направленных на решение задач ОРД, осуществляемых в соответствии с единым замыслом, на основе единого плана и согласованных по цели, времени, месту, объекту и способам действий [2, с. 112]. Иными словами, в отличие от оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), ОРО немыслима без организации и постоянного поддержания взаимодействия между всеми ее участниками. Исходя из определения, именно согласование действий является необходимым признаком любой операции, причем понятия «согласование» и «взаимодействие» нами рассматриваются как синонимы.

Применительно к ОРД взаимодействие в ОВД А.С. Самоделкиным определяется как основанное на законодательных и ведомственных нормативных актах сотрудничество, совместная или согласованная деятельность оперативных подразделений указанных органов, осуществляемая в пределах их полномочий и направленная на решение задач ОРД [3, с. 46]. По мнению Ю.В. Дубко, «под взаимодействием следует понимать комплекс совместных или согласованных по цели, времени, месту действий двух или более субъектов (органов, служб, подразделений и т.п.) для решения задач, требующих совместных усилий, проводимых на основе законов и подзаконных актов присущими взаимодействующим субъектам силами, средствами, методами» [4, с. 627]. При ведении ОРО требуется согласование действий как всех рядовых участников операции (оперативных работников, конфидентов и т.п.), так и различных подразделений, если есть необходимость их привлечения к ОРО. Это могут

быть подразделения специальных технических мероприятий, оперативно-розыскной информации, оперативно-поисковые и другие оперативные подразделения, а также службы и подразделения ОВД, привлекаемые для участия в различного рода организационных, вспомогательных и обеспечивающих действиях, предусмотренных замыслом и планом ОРО.

Поэтому уже на стадии выработки общего замысла и плана операции, наряду с оценкой оперативной обстановки и оперативно-розыскной ситуации, возможностей противоборствующей стороны и собственных сил и средств, включая потенциалы негласного аппарата, особое внимание уделяется вопросам организации взаимодействия между всеми участниками операции, в том числе дополнительно привлеченными из других территориальных органов МВД России.

К тактическим способам действий оперативно-розыскной тактики и ОРМ предлагаем относить простые ОРМ, оперативную игру, оперативные комбинации [5, с. 105], а к организационным, вспомогательным и обеспечивающим способам действий – комплекс других мер и действий, не включенных по различным основаниям в Федеральном законе об ОРД в перечень ОРМ. Уверены, что достижение целей ОРД в большинстве случаев без применения таких мер либо вообще невозможно, либо может привести к срыву операции. Именно по этим способам действий должны согласовываться усилия участников ОРО.

Как правило, вопросы взаимодействия отражаются в отдельных пунктах плана с обязательным указанием ответственных за их исполнение и сроков. В литературе, посвященной проведению операций (главным образом специальных), часто указывается, что главные вопросы взаимодействия отображаются в плановой таблице взаимодействия [6, с. 177]. Таблицы взаимодействия заимствованы из военной науки и для ОРО могут применяться только по требованию руководства.

В соответствии с принципом конспирации доведение замысла и плана до исполнителей имеет свою специфику. Обычно исполнители знакомятся с замыслом и планом только в части, каждого из них касающейся. Считаем, что в целом такой порядок формально противоречит постулату, что поддержание непрерывного взаимодействия в ходе выполнения задач достигается глубоким пониманием замысла руководителя, твердым знанием своих задач, задач соседей и т.д. [6, с. 177]. Однако отступление от принципа конспирации ведет к провалу ОРО и тяжким последствиям. В этих условиях исключительно важны установившиеся взаимоотношения исполнителей с руководителем операции.

По нашему убеждению, руководитель ОРО должен обладать не просто формальным авторитетом своей должности, но и неформальным лидерством в своем коллективе и желательным среди взаимодействующих подразделений.

Определенные особенности взаимодействия отдельных участников операции присущи оперативному внедрению, которое является основным содержанием ряда ОРО или их начального этапа. Добывание оперативной информации о намерениях, составе, возможностях и т.п. организованной преступной группы (далее – ОПГ), как правило, невозможно иным путем, как только с помощью внедренных или приобретенных в ней конфиденотов. И здесь мы согласны с Н.Д. Абдуллаевой, которая считает, что экстренное оперативное внедрение также связано с повышенным риском, поскольку в большинстве случаев проходит при недостатке информации, что может вызвать негативные последствия [7, с. 74]. Именно поэтому для поддержания постоянного взаимодействия со всеми подразделениями, группами, участниками требуется хорошо продуманная система связи.

Взаимодействующие силы и средства – силы и средства оперативных подразделений и, при необходимости, спецподразделений, нарядов патрульно-постовой службы, постов ГИБДД, других подразделений ОВД, временно используемых для выполнения единых задач ОРО, но действующих по собственной, присущей данному подразделению тактике. Оперативные подразделения призваны обеспечить сбор и обработку оперативной информации для руководителя ОРО, а также непосредственное участие в проведении оперативно-розыскных мероприятий, являющихся тактическими способами действий в операции. Как свидетельствует практика, для эффективного взаимодействия этих подразделений необходимы предварительные совместные тренировки, а при отсутствии такой возможности – совместные рекогносцировки перед соответствующими этапами операции, на которых и будут согласовываться предстоящие действия по цели, времени, месту (объектам) и способам действий.

К аналогичным выводам приходят и большинство сотрудников подразделений уголовного розыска (76,2 %), проходивших обучение по дополнительным профессиональным программам в Крымском филиале Краснодарского университета МВД России в 2018-2019 гг. Руководитель операции ставит конкретные задачи, определяет порядок взаимодействия, проводит инструктаж непосредственно перед операцией. Инструктаж должен быть максимально подробным. Кроме порядка взаимодействия, подлежат выяснению все предстоящие задачи. Безусловно, разведка, совмещенная

с рекогносцировкой и подробным инструктажом, способствует успеху операции.

Мы солидарны с позицией А.М. Чеченова, что подобные действия должны проводиться именно на тактическом уровне. «Тактический уровень охватывает, как правило, горрайорган (...), является первым и основным уровнем (...). Именно здесь в конечном счете решаются стоящие перед всей группировкой сил и средств задачи (...). При планировании и руководстве действиями учитываются и определяются задачи каждой группы, а при необходимости и каждого сотрудника» [8, с. 155]. На всех этапах ОРО взаимодействие должно осуществляться при «четком определении роли каждой из взаимодействующих сторон, в том числе определении порядка действий каждого сотрудника. Взаимодействие должно отвечать принципам законности, координированности, непрерывности, нормированности, паритетности, маневренности и специализированности» [9, с. 84]. Добавим к этому еще обязательные для ОРО принципы конспирации и обеспечения внезапности. Связь этих двух принципов очевидна: без соблюдения конспирации практически невозможно достичь внезапности. Кроме того, без зашифровки действий и внезапности трудно достичь успеха в операции. Но принцип взаимодействия, точнее, его обеспечение, трудно согласуется с принципами конспирации и внезапности, поскольку усложняет процесс подготовки действий и доведения задач до исполнителей. При проведении ОРО нужно проявить высокий профессионализм, чтобы, умело совмещая эти три принципа (взаимодействие, конспирация и внезапность), добиваться успеха.

Стоит подчеркнуть, что в ходе любой операции приходится организовывать, уточнять, поддерживать и восстанавливать утраченное взаимодействие между различными подразделениями и отдельными участниками. Поэтому эти вопросы требуют постоянного внимания руководителя ОРО, группы управления, старших оперативных и иных подразделений, принимающих участие в операции. Соответственно, утрата взаимодействия в ходе действий должна рассматриваться как совершенно нетерпимая и требующая принятия неотложных мер по его восстановлению.

По нашему мнению, оперативно-тактическое взаимодействие всех сил и средств, привлекаемых к ОРО, должно обеспечиваться временным подчинением старших всех оперативных, обеспечивающих и других групп одному органу управления – руководителю операции и его группе управления, выполняющей функции штабного подразделения. Необходимыми условиями для организации и поддержания взаимодействия являются: единое пони-

мание руководителями оперативных групп замысла и плана операции; единое понимание всеми участниками ОРО содержания задач, способов совместных действий по их выполнению; постоянный контроль за поддержанием взаимодействия, внесение своевременных коррективов в план и немедленное реагирование на доклады подчиненных об утрате взаимодействия, когда они не в силах восстановить его. Отличительной чертой ОРО от других операций, осуществляемых ОВД, является соблюдение мер конспирации при постановке задач исполнителям. Одной из форм доведения задач является инструктаж непосредственно перед действиями в ходе очередного этапа операции, когда достигается максимальное ограничение числа сотрудников, посвящаемых в цели операции.

По справедливому мнению Ю.В. Дубко, вопросы, рассматриваемые на инструктаже, должны включать: 1) решаемые задачи; 2) порядок их выполнения по месту, объекту и времени; 3) тактические способы совместных действий (в данном случае кроме ОРМ должны рассматриваться и блокирование, оперативный захват (силовое, как правило, зашифрованное задержание и т.д.)); 4) организацию связи и взаимной информации (при необходимости – применение переговорных таблиц для конспирации связи); 5) организацию взаимного опознавания, оповещения, целеуказания; 6) сигналы взаимодействия и управления. В масштабных операциях необходимо согласование действий подразделений, осуществляющих всестороннее обеспечение ОРО по месту и времени [4, с. 641].

Обсуждение и заключения

На наш взгляд, оперативно-розыскная операция является именно той организационной формой оперативной деятельности ОВД, которой в наибольшей степени свойственно взаимодействие всех ее участников. Мысль о постоянном поддержании взаимодействия, согласовании всех действий по цели, способу, месту (объектам), времени красной нитью проходит сквозь всю операцию – от разработки замысла, плана до практического их осуществления. Взаимодействие – неотъемлемый определяющий признак ОРО, поскольку игнорирование его всегда приводит к неудаче и зачастую к тяжким негативным последствиям. Имеющиеся в статье рекомендации по подготовке плана и замысла, конспиративной системе связи, разведке, рекогносцировке и др. имеют практическое значение. Все эти и другие вопросы организации взаимодействия в ОРО должны найти закрепление в нормативном акте МВД России, регламентирующем основы организации и тактики оперативно-розыскной деятельности ОВД для использования их на практике в оперативно-служебной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Музеев А.И. Внутреннее взаимодействие органов внутренних дел по борьбе с бандитизмом // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 3. С. 62 – 69.
2. Иванов С.И. Оперативно-розыскная операция: понятие и основные особенности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 109 – 113.
3. Самodelкин А.С. Взаимодействие оперативных подразделений как элемент координации оперативно-розыскной деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 2. С. 42 – 47.
4. Дубко Ю.В. Управление органами внутренних дел в особых условиях: монография. Луганск: РИО ЛАВД, 2004. 776 с.
5. Иванов С.И. О тактических способах действий оперативно-розыскной тактики и оперативно-розыскных операций // Вестник Уральского юридического института. 2019. № 2. С. 102 – 106.
6. Трошин О.Б. Основы организации взаимодействия органов внутренних дел при проведении специальных операций // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 11. С. 175 – 177.
7. Абдуллаева Н.Д. Некоторые аспекты оперативного внедрения // Известия Байкальского государственного университета. 2006. С. 73 – 74.
8. Чеченов А.М. Особенности управления силами и средствами специальных подразделений МВД России в особых условиях // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 154 – 156.
9. Бецов А.В. Организация взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы войск Национальной гвардии при участии в проведении контртеррористической операции (административно-правовые аспекты) // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3. С. 80 – 85.

REFERENCES

1. Muzeev A.I. Vnutrennee vzaimodejstvie organov vnutrennih del po bor'be s banditizmom // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2012. № 3. S. 62 – 69.
2. Ivanov S.I. Operativno-rozysknaya operaciya: ponyatie i osnovnye osobennosti // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 4. S. 109 – 113.
3. Samodelkin A.S. Vzaimodejstvie operativnyh podrazdelenij kak element koordinacii operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 2. S. 42 – 47.
4. Dubko YU.V. Upravlenie organami vnutrennih del v osobyh ucloviyah: monografiya. Lugansk: RIO LAVD, 2004. 776 s.
5. Ivanov S.I. O takticheskikh sposobah dejstvij operativno-rozysknoj taktiki i operativno-rozysknyh operacij // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta. 2019. № 2. S. 102 – 106.
6. Troshin O.B. Osnovy organizacii vzaimodejstviya organov vnutrennih del pri provedenii special'nyh operacij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 11. S. 175 – 177.
7. Abdullaeva N.D. Nekotorye aspekty operativnogo vnedreniya // Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. S. 73 – 74.
8. Shechenov A.M. Osobennosti upravleniya silami i sredstvami special'nyh podrazdelenij MVD Rossii v osobyh usloviyah // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 21. S. 154 – 156.
9. Beckov A.V. Organizaciya vzaimodejstviya organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii i Federal'noj sluzhby vojsk Nacional'noj gvardii pri uchastii v provedenii kontrterroristicheskoy operacii (administrativno-pravovye aspekty) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 3. S. 80 – 85.

Об авторе: Иванов Святослав Игоревич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
e-mail: sviatoslavigor@gmail.com
© Иванов И.А., 2020

About the Author: Ivanov Svyatoslav Igorevich, Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Investigative Activities and Special Equipment of the Crimean Branch of the Krasnodar University of MIA of Russia

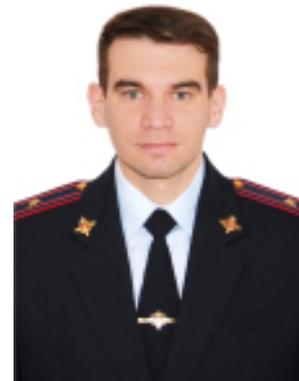
Статья получена: 06.02.2020. Статья принята к публикации: 18.03.2020.
Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

В.С. Латыпов

**КИНОСЪЕМКА ЛИЦАМИ, ОКАЗЫВАЮЩИМИ
СОДЕЙСТВИЕ ПРАВОСУДИЮ, КАК СПОСОБ ФИКСАЦИИ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ РОССИИ**

**FILMING BY PERSONS WHO PROVIDE ASSISTANCE
TO JUSTICE AS A WAY OF FIXING EVIDENCE IN MODERN
CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA**

Введение: в статье анализируются проблемы использования киносъемки как способа фиксации доказательств в ходе производства процессуальных и следственных действий в уголовном процессе России. Автор статьи особое внимание уделяет особенностям фиксации производства следственных и иных процессуальных действий на кино- и видеоаппаратуру.

Материалы и методы: методологическую базу исследования составили диалектический метод научного познания, исторический, логический, сравнительно-правовой, статистический методы, а также наблюдение и другие частные методы исследования правовых явлений.

Результаты исследования: в статье на основании изучения действующего уголовно-процессуального законодательства России и зарубежных стран, научных исследований выявлены особенности производства киносъемки в уголовном судопроизводстве, сформулированы требования, предъявляемые к специалистам, оказывающим содействие в осуществлении кинофиксации. Установлена преемственность норм УПК РФ, регламентирующих киносъемку, из УПК РСФСР 1960 г.

Обсуждение и заключения: автор статьи считает, что некогда прогрессивная для УПК РСФСР 1960 г. норма, позволявшая запечатлеть при помощи киноаппаратуры проводимые следственные действия в динамике, в настоящее время является устаревшей и подлежит исключению из норм современного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: киносъемка, видеозапись, содействие правосудию, специалист, обнаружение, фиксация, изъятие, исследование доказательств

Для цитирования: Латыпов В.С. Киносъемка лицами, оказывающими содействие правосудию, как способ фиксации доказательств в современном уголовном процессе России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т.11, № 1. С. 113 – 118. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.018

Introduction: the author analyzes the issues of filming as a method of filming evidence in the production of procedural and investigative actions in the criminal process of Russia, pays special attention to the peculiarities of filming investigative and other procedural actions.

Materials and Methods: the methodological basis of the study was the dialectical method of academic knowledge, historical, logical, comparative legal, statistical methods, as well as observation and other private methods of research of legal phenomena.

Results: the article based on the study of the current criminal procedure legislation of Russia and foreign countries, academic research revealed the features of film production in criminal proceedings, formulated the requirements for specialists who assist in filming. The continuity of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regulating filming from the Code of Criminal Procedure of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of 1960 was established.

Discussion and Conclusions: the author believes that the norm once progressive for the Code of Criminal Procedure of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of 1960, allowing to capture the dynamics of the carried out investigative actions on video equipment is currently outdated and subject to progressive exclusion from the rules of contemporary Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Key words: filming, video recording, assistance to justice, specialist, detection, fixation, seizure, investigation of evidence

For citation: Latypov V.S. Filming by Persons who Provide Assistance to Justice as a Way of Fixing Evidence in Modern Criminal Proceedings in Russia // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 113 – 118. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.018

Введение

Осуществление государственного правосудия в различных сферах деятельности регламентировано соответствующим отраслевым законодательством. Несмотря на имеющееся разнообразие кодифицированных нормативных актов, определяющих процессуальный порядок производства по рассматриваемым юридическим спорам, всех их объединяет одно – своей основной задачей (назначением) они определяют охрану свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, защиту нарушенных или оспариваемых прав, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Безусловно, не может быть иначе, поскольку Конституция Российской Федерации в статье 2 провозглашает обязанностью государства признание, защиту и соблюдение прав человека.

Соблюдение и защита прав человека представляет собой достаточно сложный многоэтапный процесс, в который вовлекаются как лица, переступившие закон, так и лица, чьи права были нарушены подобным противоправным поведением. Но это далеко не полный перечень участников процессуальных отношений. Правосудие в Российской Федерации осуществляется исключительно судом (ч. 1 ст. 118 Конституции Российской Федерации), для обеспечения состязательного равноправного и всестороннего процесса в суде сторонами могут быть вовлечены и другие лица, оказывающие содействие правосудию. К такой категории, как правило, относятся специалисты, эксперты, свидетели, понятые, переводчики и другие лица в зависимости от отраслевой принадлежности процесса. Следует отметить, что участие в отправлении правосудия является конституционным правом граждан Российской Федерации (ч. 5 ст. 32 Конституции Российской Федерации).

В рамках настоящего исследования мы предлагаем обратить внимание на такой способ фиксации доказательств, как киносъемка, которая применяется практически во всех процессуальных отраслях.

Допустимо ли отождествление киносъемки с видеосъемкой, имеет ли место при киносъемке творческий вымысел, должен ли быть режиссер или заранее утвержденный сценарий и как процедура киносъемки, с которой ассоциируется исключительно привычный отечественный и зарубежный кинематограф, может быть полезна в отправлении

правосудия? Предлагаем ответить на поставленные вопросы в ходе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства.

Обзор литературы

Настоящее исследование подготовлено на основе анализа норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и иных нормативных актов, изучения научных работ по исследуемой проблематике таких ученых, как В.Н. Григорьев [1, 2, 3], С.В. Зуев [4], А.Г. Филиппов [5], З.З. Талышева [6].

Материалы и методы

Применяемые в процессе настоящего исследования частнонаучные методы, такие как системно-структурный, формально-логический, логико-семантический, метод сравнительного правоведения, позволили проанализировать и обобщить вопросы общетеоретической направленности, относящиеся к предмету исследования, а также сформулировать необходимые выводы и предложения.

Результаты исследования

На примере возникающих после принятия сообщения о совершенном преступлении уголовно-процессуальных отношений отметим, что в задачи правоохранительных органов входит установление перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию (предмет доказывания) (ст. 73 УПК РФ). Процедура доказывания осуществляется путем сбора, проверки и оценки доказательств (ст. 85 УПК РФ). Уполномоченные государственные органы в лице должностных лиц вправе собирать доказательства путем производства следственных и иных процессуальных действий. В свою очередь, закон допускает возможность вовлечения для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применения технических средств специалиста (ч. 1 ст. 58 УПК РФ). Вместе с тем в норме, регламентирующей порядок составления протокола следственного действия, закреплено, что при производстве следственного действия могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись (ч. 2 ст. 166 УПК РФ). Кроме того, закон признает в качестве доказательства сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться: материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном УПК РФ (ст. 84 УПК РФ).

Приведенные нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволяют подвести промежуточные итоги: во-первых, уголовно-процессуальные отношения так или иначе направлены на сбор, проверку или оценку собираемых по делу доказательств; во-вторых, доказательства могут быть получены в процессе производства следственных и иных процессуальных действий для производства которых допустимо вовлечение лиц, оказывающих содействие правосудию, – специалистов; в-третьих, полученные доказательства подлежат обязательной фиксации, для чего может быть применена киносъемка; в-четвертых, ч. 2 ст. 166 УПК РФ не отождествляет киносъемку с видеозаписью, поскольку перечисляет оба варианта фиксации.

Уголовный процесс – не единственная отрасль права, предусматривающая киносъемку как способ фиксации доказательств. Так, для привлечения лица к административной ответственности в качестве доказательств рассматриваются зафиксированные специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи административного правонарушения (ч. 1 ст. 2.6.1, ч. 4 ст. 11.7, ч. 3.1 ст. 12.6, ч. 7 ст. 12.9 и другие КоАП РФ). Арбитражное процессуальное законодательство предусматривает возможность использования в качестве доказательств материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации (ч. 2 ст. 89 АПК РФ). Более того, арбитражный процессуальный кодекс допускает возможность осуществления кино- и фотосъемки, видеозаписи, трансляции судебного заседания арбитражного суда по радио, телевидению и в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, но только с разрешения председательствующего в судебном заседании (ч. 7 ст. 11 АПК РФ). Следует отметить, что данное правило распространяется и на гражданский судебный процесс (ч. 7 ст. 10 ГПК РФ). В то же время оно действует при условии, что действия граждан, присутствующих в зале заседания и осуществляющих разрешенные судом кино- и фотосъемку, видеозапись, трансляцию судебного заседания по радио, телевидению и в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, не мешают надлежащему порядку в судебном заседании (ч. 4 ст. 158 ГПК РФ).

В целом отметим, что как в уголовно-процессуальном законодательстве, так и в остальных процессуальных отраслях права киносъемку исполь-

зуют в качестве способа фиксации обстоятельств дела, который в суде признается в качестве самостоятельного доказательства, ни один из приведенных законов не отождествляет киносъемку с видеосъемкой. Но в то же время, в отличие от уголовно-процессуального законодательства, в остальных процессуальных отраслях не требуется наличие специалиста для производства киносъемки, она может осуществляться как самостоятельно (в автоматическом режиме), так и заинтересованными лицами.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит определения понятия «киносъемка», но вместе с тем данное понятие в Кодексе встречается 62 раза.

Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой предлагает под киносъемкой понимать «процесс съемки фильма; запечатление на киноплёнку с помощью киносъёмочного аппарата» [7, с. 372]. Большой современный толковый словарь русского языка дает следующее определение: «Съемка на киноплёнку, осуществляемая киносъёмочным аппаратом»¹. Большая советская энциклопедия содержит более развернутое определение анализируемого понятия: «Важнейший этап работы по созданию фильма, представляющий собой художественно-творческий и одновременно производственно-технический процесс, в котором участвуют основной состав съёмочной группы»². Из предложенных вариантов толкования киносъемки следует, что это художественно-творческий и одновременно производственно-технический процесс создания фильма и записи его на киноплёнку с помощью киносъёмочного аппарата. Но, к сожалению, данное определение не соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, которое заключается в педантичной фиксации происходящего процессуального действия, где нет места художественно-творческому вымыслу.

Безусловно, в отличие от фотофиксации, проведение видеозаписи или киносъемки позволяет отобразить динамику проводимого следственного или иного процессуального действия, но при условии, что в ходе такой фиксации будут соблюдены требования, предъявляемые ст. 166 УПК РФ.

Традиционный процесс киносъемки состоит из таких элементов, как сцена, ракурс, зритель, средние и ближние планы, актеры, репетиции, кадры, которые состоят из дублей, монтаж и многого другого. Могут ли эти элементы быть отнесены к уго-

¹ Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. СПб: Норинт, 1998. С. 543.

² Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров; редкол.: Н.К. Байбаков, А.А. Благодоров, Б.Е. Быховский [и др.], Т. 12, Кварнер - Конгур. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 478.

ловному судопроизводству? Не думаем. Вместе с тем в теории отмечается, что кино съемка применяется в тех случаях, когда в ходе производства следственного действия необходимо зафиксировать сложную и разнообразную обстановку места исследуемого события, показать взаимосвязь ее отдельных предметов и следов, а также для запечатления какого-либо действия движения, процесса развития определенного события или явления, например, с целью познания способа совершения преступления и т.п.¹

Необходимо отметить, что к лицу, оказывающему содействие правосудию в качестве специалиста, предъявляются повышенные требования. Очевидно, что он должен уметь пользоваться киноаппаратурой (телевизионной камерой), знать основы кинематографа, методов съемки, уметь извлекать видеоизображение из использованной в процессе производства следственного или иного процессуального действия киноленты.

Возможность кинофиксации законодатель в уголовном судопроизводстве допускает для производства следующих следственных и процессуальных действий: а) для хранения отдельных видов вещественных доказательств (подп. «а» п. 1 ч. 2 ст. 81, п. 4.1 ч. 2 ст. 81, п. 8 ч. 2 ст. 81, подп. «а», п. 9, ч. 2 ст. 81 УПК РФ); б) при производстве следственных действий (ст. 179, ст. 189, 190, ст. 191, ст. 192, ч. 2 ст. 450.1 УПК РФ); в) при проведении судебного разбирательства (ч. 5 ст. 241, ч. 5 ст. 259, ч. 1 ст. 276, ст. 281 УПК РФ).

Важно отметить, что УПК РФ является не единственным уголовно-процессуальным законом, закрепляющим возможность кинофиксации проводимых процессуальных и следственных действий. Наряду с видеофиксацией возможность использования кино съемки допускает ч. 4 ст. 10 Уголовно-процессуального кодекса Грузии, ч. 2 ст. 193 Уголовно-процессуального кодекса Белоруссии, ч. 4 ст. 172 Уголовно-процессуального кодекса Таджикистана, ч. 11 ст. 123 Уголовно-процессуального кодекса Казахстана, ч. 1 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Армении, ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджана, ст. 150 Уголовно-процессуального кодекса Эстонии.

Полагаем, в этом нет ничего удивительного, поскольку исторически уголовное судопроизводство указанных стран объединял УПК РСФСР 1960 г. Кроме того, впервые возможность кинофиксации проводимого следственного действия была закреп-

лена именно в УПК РСФСР 1960 г., но данный нормативный акт в силу своего исторического периода функционирования не предусматривал возможность видеофиксации процессуальных и следственных действий. Такая возможность была закреплена лишь с принятием УПК РФ 2001 г.

В научной литературе встречаются исследования, посвященные рассмотрению вопросов, связанных с использованием видеозаписи и кино съемки [6, 8], но в них отсутствует разделение указанных понятий по функционально-техническому признаку; авторы таких работ, как правило, не акцентируют внимание на отличительных особенностях данных процедур. Более того, в настоящее время нам неизвестны монографические исследования, посвященные вопросу использования киноаппаратуры для фиксации процессуальных действий в современном уголовном судопроизводстве. Полагаем, что с учетом очевидного технического прогресса, который произошел в последние десятилетия во всех сферах жизни общества, необходимость применения кино съемки в целях фиксации следственных и процессуальных действий является неактуальной, устаревшей возможностью, которая «перекочевала» в действующий УПК РФ из предыдущего Кодекса.

Действительно, в соответствии с ч. 1 ст. 11 Федерального закона «О полиции»² сотрудники правоохранительных органов в своей деятельности обязаны использовать достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру. Указанная норма также соответствует указу Президента РФ от 01 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»³, в котором приоритетом обозначена реализация государственной политики по трансформации науки и технологий как стратегической задачи развития Российской Федерации. Принятые нормативные акты легли в основы современных научных исследований, посвященных использованию информационных технологий в правоохранительной деятельности, в том числе в рамках уголовного судопроизводства [1, 2, 3, 4].

По данным опроса 35 сотрудников органов дознания и следственных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, проходящих службу на территории Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Оренбургской и Челябинской областей, проведенного в 2019 году, ни

¹ Основы кино съемки и видеозаписи. Криминалистическая техника. [Электронный ресурс]. URL: https://studwood.ru/601441/pravo/osnovy_kinosemki_videozapisi (дата обращения: 15.01.2020).

² О полиции: Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

³ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента РФ от 01 декабря 2016 г. № 642 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

один из них за время своей службы не применял для фиксации следственных и процессуальных действий киноаппаратуру, поскольку применение видеофиксации гораздо проще и доступнее.

Кроме того, в современной учебной литературе отмечается, что, действительно, «прежде в деятельности правоохранительных органов для фиксации хода и результатов следственных действий применялась киносъемка. Однако процесс получения киноизображения сложен, так как связан с лабораторной обработкой пленки. Поэтому киносъемка при раскрытии и расследовании преступлений сейчас практически не используется» [5, с. 55].

Обсуждение и заключения

Подводя итоги, отметим следующее: киносъемка является способом фиксации доказательств в российских процессуальных отраслях права. В современный уголовный процесс кинофиксация «перешла» из УПК РСФСР 1960 г. и представляет собой достаточно сложный трудоемкий технический процесс, для осуществления которого требуется лицо, обладающее специальными знаниями в области киносъемки, требуется специальная ки-

ноаппаратура и соблюдение определенных правил кинопроизводства. Вместе с тем киносъемка в современной правоприменительной деятельности практически не применяется, в отличие от видеосъемки, которая отличается доступностью реализации и удобством применения. Полагаем, что киносъемка в уголовном процессе имеет место лишь в том случае, когда проводимое следственное действие является фрагментом документального или иного фильма, ориентированного на показ зрителю, а не участникам уголовного судопроизводства. Кинофиксация в уголовном процессе на современном этапе развития технического прогресса себя исчерпала как устаревшая и не оправдывающая свое предназначение процедура, которой практика нашла иную жизнеспособную действенную альтернативу – видеофиксацию. Некогда прогрессивная норма, позволяющая запечатлеть в динамике проводимые следственные действия на киноаппаратуру, в настоящее время является архаизмом в российском уголовном процессе и подлежит исключению из норм современного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев В.Н. Тенденции и проблемы развития законодательства в области информационных технологий, регулирующего уголовное судопроизводство // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 57–61.
2. Григорьев В.Н. Цифровое законодательство в сфере уголовного судопроизводства: некоторые тенденции // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы VII международной научно-практической конференции. 2019. С. 27–30.
3. Григорьев В.Н., Максимов О.А. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 2 (84). С. 33–44.
4. Основы теории электронных доказательств / под ред. д-ра юрид. наук С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. 400 с.
5. Криминалистика: учебник для прикладного бакалавриата / А.Г. Филиппов и др.; под редакцией А. Г. Филиппова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 466 с.
6. Талынева З.З., Давыдова С.Р. К вопросу о доказательственном значении материалов аудио- и видеозаписи в уголовном процессе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 4 (82). С. 54–57.
7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. М.: Рус. яз. 2000. Т. 2. 1209 с.
8. Вотановский Т.Н. Фотоснимки, видеозаписи, фонограммы в системе доказательств в уголовном процессе // Вестник ТГУ. 2011. № 11 (103). С. 400–403.

REFERENCES

1. Grigor'ev V.N. Tendencii i problemy razvitiya zakonodatel'stva v oblasti informacionnyh tekhnologij, reguliruyushchego ugovolnoe sudoproizvodstvo // Akademicheskaya mysl'. 2019. № 3 (8). S. 57–61.
2. Grigor'ev V.N. Cifrovoe zakonodatel'stvo v sfere ugovolnogo sudoproizvodstva: nekotorye tendencii // Ugolovnoe proizvodstvo: processual'naya teoriya i kriminalisticheskaya praktika: materialy VII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2019. S. 27–30.
3. Grigor'ev V.N., Maksimov O.A. Ponyatie elektronnyh nositelej informacii v ugovolnom sudoproizvodstve // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 2 (84). S. 33–44.
4. Osnovy teorii elektronnyh dokazatel'stv. Nauchnoe izdanie. Kollektivnaya monografiya / pod red. d-ra yurid. nauk S.V. Zueva. M.: YUritinform, 2019. 400 s.
5. Kriminalistika: uchebnik dlya prikladnogo bakalavriata / A.G. Filippov i dr.; pod redakciej A. G. Filippova. 3-e izd., pererab. i dop. M.: YUrajt, 2019. 466 s.
6. Talyneva Z.Z., Davydova S.R. K voprosu o dokazatel'stvennom znachenii materialov audio- i videozapisi v ugovolnom processe // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 4 (82). S. 54–57.

7. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyj. M.: Rus. yaz. 2000. T. 2. 1209 s.

8. Votansovskij T.N. Fotosnimki, videozapisi, fonogrammy v sisteme dokazatel'stv v ugolovnom processe // Vestnik TGU. 2011. № 11 (103). S. 400–403.

Об авторе: Латыпов Вадим Сагитьянович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России
e-mail: Vadi-Latypov@yandex.ru

© Латыпов В.С., 2020

Статья получена: 17.01.2020. Статья принята к публикации: 18.03.2020.

Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

About the author: Latypov Vadim S., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Chief, Department of Criminal Proceedings, Ufa Law Institute of MIA of Russia

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

И.В. Латышов, В.В. Гарманов

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА
СТРЕЛКОВОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ**

**CERTAIN ISSUES REGARDING THE MODE OF PRODUCTION
OF SMALL ARMS AND FIREARMS**

Введение: статья посвящена проблеме экспертного определения способа производства отдельных разновидностей стрелкового огнестрельного оружия.

Обзор литературы: рассмотрена практика оценок криминалистами 9-мм пистолета-пулемета К6-92 (Армения) и конструктивно сходных с ним пистолетов-пулеметов, изготовленных в рамках криминальных оружейных производств.

Материалы и методы: материалами для исследования послужили криминалистическая литература, а также проведенное авторами судебно-баллистическое экспертное исследование самодельного пистолета-пулемета, в ходе которого использовались методы наблюдения, измерения, описания, сравнения, экспериментальный и микроскопический методы.

Результаты исследования: устанавливаемые государством требования к организации заводского промышленного производства стрелкового оружия обеспечивают его заведомо высокое качество. С учетом этого методикой экспертного исследования при определении принадлежности объекта к огнестрельному оружию для изделий заводского промышленного производства предусмотрено лишь установление модели оружия. Его высокие боевые, функциональные свойства, а также надежность презюмируются и экспертной проверке не подлежат. Однако переносить подобный подход на экспертное исследование конструктивно сходных с 9-мм пистолетом-пулеметом К6-92 самодельных образцов, по мнению авторов статьи, нельзя из-за отсутствия в криминальных оружейных производствах необходимых материалов, оборудования, квалифицированного персонала и пр.

Обсуждение и заключения: авторы приходят к выводу, что изготовленные на конструктивной основе 9-мм пистолета-пулемета К6-92 (Армения) его самодельные образцы, даже при наличии на них принятых в заводском промышленном производстве оружия атрибутов (маркировочных обозначений, торговых знаков, номеров оружия), не могут рассматриваться как оружие заводского способа изготовления. При решении вопроса о способе производства оружия, а также его принадлежности к группе огнестрельного оружия, следует принимать во внимание и признак легитимности оружейного производства. При его отсутствии изделие следует считать самодельным и использовать принятые для этих случаев соответствующие экспертные методики.

Ключевые слова: стрелковое огнестрельное оружие, пистолет-пулемет, способ производства, судебно-баллистическая экспертиза

Для цитирования: Латышов И.В., Гарманов В.В. Некоторые вопросы определения способа производства стрелкового огнестрельного оружия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т.11, № 1. С. 119 – 125. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.019

Introduction: the article is devoted to expert definition of manufacture of some types of shooting firearms.

Literature review: the practice of forensic assessments of the 9-mm submachine gun K6-92 (Armenia) and structurally similar to it submachine guns manufactured as part of criminal arms production was examined.

Materials and Methods: the materials of the article have based on the results of the analysis of forensic literature, as well as a forensic ballistic expert study of a homemade submachine gun, during which methods of observation, measurement, description, comparison, experimental and microscopic methods were used.

Results: state requirements for factory industrial production of small arms ensure its obvious high quality. With this in mind, the methodology of expert research in determining the belonging of an object to firearms for products of factory industrial production provides only the establishment of a model of weapons. Its high combat, functional properties, as well as reliability are presumed and are not subject to expert verification. However, according to the authors of the article, it is impossible to transfer such an approach to an expert study of structurally similar to the K6-92 9-mm submachine gun submachine guns due to the lack of necessary materials, equipment, qualified personnel, etc. in criminal arms production.

Discussion and Conclusions: the authors have come to the conclusion that the K6-92 (Armenia) 9-mm submachine gun manufactured on a constructive basis is its home-made samples, even if they have attributes (markings, trademarks, numbers) accepted in the factory industrial production of weapons) cannot be considered as weapons of the factory manufacturing method. When deciding on the method of producing weapons, as well as their belonging to a group of firearms, one should also take into account the sign of the legitimacy of weapons production. In case of absence (failing), the product should be considered home-made and appropriate expert methods adopted for these cases should be used.

Key words: small arms, submachine gun, mode of production, forensic ballistics examination

For citation: Latyshov I.V., Garmanov V.V. Certain Issues Regarding the Mode of Production of Small Arms and Firearms // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 119 – 125. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.019

Введение

В практике раскрытия и расследования преступлений огнестрельное оружие может выступать в качестве предмета преступления (ст. 222, 223, 226 Уголовного кодекса Российской Федерации – далее УК РФ) или орудия преступлений насильственного, корыстно-насильственного характера, преступлений против общественной безопасности (ст. 105, 111, 162, 213 УК РФ).

В обоих случаях для правовой оценки следователем, дознавателем или судьей совершенного деяния важны полученные экспертным путем данные о принадлежности объекта к группе огнестрельного оружия, способе его производства. Однако исследование экспертом-баллистом огнестрельного оружия иногда бывает осложнено отсутствием однозначно понимаемых наукой и практикой криминалистически значимых признаков способа производства отдельных разновидностей оружия.

Обзор литературы

В контексте темы исследования вызывает интерес практика оценок криминалистами 9-мм пистолета-пулемета К6-92 (Армения) [1, с. 30–31; 2, с. 200–201; 3, с. 168–171] и конструктивно сходных с ним пистолетов-пулеметов, изготовленных в рамках криминальных оружейных производств [4, с. 56–57].

Отметим, что речь идет не о единичных фактах изготовления оружия, а об имевшей место на Се-

верном Кавказе практике его незаконного промышленного производства.

Так, в период незаконного правления режима Д. Дудаева боевиками незаконных чеченских вооруженных формирований в качестве стрелкового вооружения использовались 9-мм пистолет-пулемет К6-92 (Армения) (рис. 1) и конструктивно сходные с ним пистолеты-пулеметы, изготовленные в рамках криминальных оружейных производств, получившие наименование «Борз» (от чеченского – волк).

Информация о формах такого криминального оружейного производства, особенно в первые годы появления такого оружия, в экспертной практике была противоречива, что вызвало проблемы в определении страны-разработчика пистолета-пулемета К6-92 [5, с. 118], установлении способа производства конструктивно сходных с ним образцов.

По имеющейся информации на машиностроительном заводе «Красный молот» в г. Грозном было налажено производство 9-мм пистолета-пулемета К6-92 «Борз», который имел принятую для заводских промышленных изделий оружейную атрибутику (клейма, номерные обозначения и пр.). Однако в связи с проблемами технологического характера производство пистолета-пулемета К6-92 «Борз» вскоре было прекращено¹.

¹ Всего на заводе «Красный молот» г. Грозного было изготовлено лишь несколько сотен пистолетов-пулеметов – аналогов армянского пистолета-пулемета К6-92. Промышленный выпуск оружия вскоре после его начала был прекращен по причине недостатка качественного металла и начавшейся войны (1994).

Рисунок 1 – Пистолет-пулемет К6-92 (Армения) под патрон 9х18 мм (ПМ) со сложенным прикладом
Illustration 1 – Submachine Gun K6-92 (Armenia) Developed for the 9x18 мм, Folded

Следует сказать, что отдельные криминальные мастерские продолжили производство конструктивно сходных с К6-92 самодельных пистолетов-пулеметов, отличавшихся большим разнообразием (рис. 2).

Рисунок 2 – Один из вариантов конструктивно сходных с пистолетом-пулеметом К6-92 самодельных пистолетов-пулеметов «Борз» (без магазина) под патрон 9х18 мм (ПМ)
Illustration 2 – One of the Variants Constructively Similar To Submachine Gun K6-92 Of Hand-Made Submachine Guns "Borz" (Without Magazine) for the Patron 9x18 мм

По свидетельствам ученых и практиков, оружие получилось «сырым» и ненадежным, а эффективность боевого применения ограничивалась двумя десятками метров [4, с. 56–57].

Следует отметить, что чеченский вариант пистолета-пулемета К6-92 в силу ряда формальных оснований (факт производства на машиностроительном заводе, наличие на изделии маркировок, номерных обозначений, торговых знаков) можно было бы рассматривать как огнестрельное оружие заводского производства. Однако это далеко не так.

Материалы и методы

Материалы статьи основаны на результатах анализа криминалистической литературы, проведенного авторами судебно-баллистического экспертного исследования конструктивно сходного с 9-мм пистолетом К6-92 его самодельного образца. В ходе производства экспертизы использовались традиционные для таких случаев методы наблюдения, измерения, описания, сравнения, а также экспериментальный и микроскопический методы.

Результаты исследования

Отметим, что в системе оценочных критериев способов изготовления огнестрельного оружия (заводской, кустарный¹, самодельный) зачастую упускается из вида правовой признак оружейного промышленного производства – его легитимность. Средствами его выражения являются решение органа государственной власти о разработке оружия, организации его промышленного производства, процедуре введения оружия в оборот (сертификация гражданских и служебных образцов, прием на вооружение военизированных подразделений боевых образцов), а также официальная информация органов государственной власти.

Таким образом, в рамках заводского производства изготовление стрелкового огнестрельного оружия ведется на основании выданных органами государственной власти разрешений и лицензий. Их получение предполагает выполнение хозяйствующим субъектом установленных для организации промышленного производства оружия требований: наличие необходимых производственных площадей, профильного оборудования, квалифицированного персонала, охранно-режимные мероприятия и прочее.

Заводское промышленное производство стрелкового огнестрельного оружия предваряется конструкторскими работами по созданию опытного образца, его отработке, полигонными испытаниями.

Процесс производства осуществляется в соответствии с разработанной конструкторско-технической и технологической документацией на изделие, что предполагает жесткий контроль качества производимой продукции и его соответствие установленным требованиям.

Сложившаяся процедура производства стрелкового огнестрельного оружия обеспечивает высокое качество его заводских образцов, что позволило криминалистической науке сформулировать соответствующий подход к его оценке.

Так, в соответствии с методиками экспертных исследований [6; 7, с. 91–94; 8, с. 194–200 и др.], для решения вопроса о принадлежности изготовленного заводским способом объекта к группе огнестрельного оружия достаточно установления модели оружия. Его боевые, функциональные свойства, а также надежность при этом презюмируются, экспертной проверке не подлежат, что достаточно для решения вопроса по существу.

В связи этим возникает вопрос: можно ли переносить подобный подход на экспертное исследование конструктивно сходных с 9-мм пистолетом-пулеметом К6-92 образцов, изготовленных в рамках

незаконных оружейных производств, в том числе и чеченского варианта пистолета-пулемета К6-92 «Борз», изготовленного на машиностроительном заводе «Красный молот» г. Грозного².

Полагаем, что оснований для этого нет, а выполнение жестких условий организации в условиях такого оружейного производства сомнительно, что подтверждается низким качеством и малым ресурсом изделий пистолетов-пулеметов.

В целом же практика отражает большое разнообразие производимых на конструктивной основе 9-мм пистолета-пулемета К6-92 самодельных пистолетов-пулеметов «Борз».

Так, при экспертном исследовании одного пистолета-пулемета под 9-мм патрон к пистолету Макарова (ПМ) установлены:

– его общее конструктивное сходство с 9-мм пистолетом-пулеметом К6-92, включая принцип автоматики (отдача свободного затвора) и тип ударного механизма (затворный) (рис. 3);

– сходство конструкций ствола, затвора, затворной коробки, магазина исследуемого пистолета-пулемета и пистолета-пулемета К6-92 (рис. 4).

В то же время исследуемый экземпляр имел ряд отличий от пистолета-пулемета К6-92:

– отсутствие в конструкции оружия приклада, а также устройства на ствольной коробке для монтажа на ней приклада, что исключает ведение из оружия прицельной стрельбы, несмотря на наличие имеющихся прицельных приспособлений (отдельной мушки и целика, совмещенного с фиксатором крышки затворной коробки);

– отличный от пистолета-пулемета К6-92 способ фиксации ствола на затворной коробке (отсутствие на стволе наружной фиксирующей муфты) (рис. 5);

– наличие в исследуемом экземпляре оружия съемного наружного кожуха ствола;

– другой способ соединения горловины магазина к затворной коробке (сварное соединение в отличие от соединения клепкой на пистолете-пулемете К6-92) (рис. 6);

– различия в характере и качестве обработки частей и деталей оружия (наличие выраженных следов станочного оборудования и последующей ручной доводки металлообрабатывающим инструментом), низкое качество защитного покрытия частей и деталей, характерное для самодельного способа производства оружия;

– отсутствие на частях и деталях оружия каких-либо маркировочных обозначений (товарного знака предприятия-изготовителя, номерных маркировок, оттисков технологических проверочных клейм).

¹ В настоящее время можно рассматривать лишь в историческом аспекте, так как в экспертной практике такое оружие практически не встречается.

² Факт поступления в Чеченскую Республику пистолетов-пулеметов К6-92 без маркировочных обозначений (не прошедших всего технологического цикла производства) отмечен в работе В.Р. Аветисяна [3, с. 170].

Рисунок 3 – Представленный на исследование самодельный пистолет-пулемет под патрон 9х18 мм (ППМ)
Illustration 3 – Submit to the Study Hand-Made Submachine Gun Developed for the 9x18 mm

Рисунок 4 – Части и детали самодельного пистолета-пулемета
Illustration 4 – Details of Hand-Made Submachine Gun

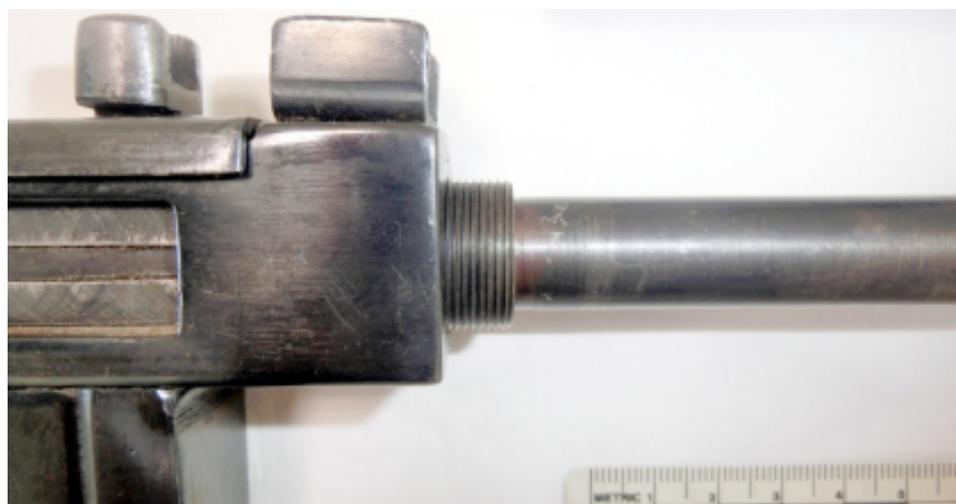

Рисунок 5 – Резьбовой способ соединения ствола и затворной коробки
Illustration 5 – Threaded Connections of the Tube and Main Casing

Рисунок 6 – Сварной способ соединения горловины магазина к затворной коробке
Illustration 6 – Welded Joints of Magazine Housing to the Main Casing

Наличие подобных «модификаций» базового образца пистолета-пулемета К6-92 говорит о криминальном характере производства данного оружия со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями.

Обсуждение и заключения

По результатам проведенного исследования есть основания для вывода о том, что изготовленные на конструктивной основе 9-мм пистолета-пулемета К6-92 (Армения) его самодельные образцы, даже при наличии на них принятых в заводском промышленном производстве оружия атрибутов

(маркировочных обозначений, торговых знаков, номеров оружия), нельзя рассматривать как оружие заводского способа изготовления.

В системе оценочных критериев, используемых при решении вопроса о способе производства оружия, его принадлежности к группе огнестрельного оружия, следует уделять внимание и такому аспекту, как легитимность оружейного производства. В случае ее отсутствия изделие следует считать самодельным и использовать соответствующий алгоритм экспертного решения о принадлежности объекта к огнестрельному оружию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кононаев А.В., Конасов В.Ю., Лесников В.А. Определение моделей современных пистолетов-пулеметов по следам на пулях и гильзах: справочное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2004. 72 с.
2. Кутузов А.Д. Огнестрельное оружие и следы, образующиеся на пулях и гильзах при стрельбе из него: справочное пособие М.: ГУ РФЦСЭ, 2011. 300 с.
3. Аветисян В.Р. Огнестрельное оружие производства Республики Армения // Теория и практика судебной экспертизы. 2009. № 2 (14). С. 168–176.
4. Мартин М. Кустарный «Борс» // Солдат удачи. 1995. № 8. С. 56–57.
5. Кутузов А.Д. Следы некоторых моделей огнестрельного оружия, образующиеся на пулях и гильзах при выстреле: справочное пособие. М.: ГУ РФЦСЭ, 2007. 151 с.
6. Методика установления принадлежности объекта к огнестрельному оружию. М.: ЭКЦ МВД России, 2000. 12 с.
7. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза: учебник/ под общей ред. А.Г. Егорова. Саратов: СЮИ МВД России, 1998. 176 с.
8. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения: учебник. Ч. 1/ под ред. В.А. Ручкина, И.А. Чулкова. Волгоград: ВА МВД России, 2004. 316 с.

REFERENCES

1. Kononaev A.V., Konasov V.Yu., Lesnikov V.A. Opredelenie modelej sovremenny`x pistol'etov-pulemetov po sledam na pulyax i gil`zah: spravochnoe posobie. M.: E`KCz MVD Rossii, 2004. 72 s.
2. Kutuzov A.D. Ognestrel`noe oruzhie i sledy`, obrazuyushhiesya na pulyax i gil`zah pri strel`be iz nego: sprav, posobie M.: GU RFCzSE`, 2011. 300 s.
3. Avetisyan V.R. Ognestrel`noe oruzhie proizvodstva Respubliki Armeniya // Teoriya i praktika sudebnoj e`kspertizy`. 2009. № 2 (14). S. 168–176.
4. Martin M. Kustarny`j «Bors» // Soldat udachi. 1995. № 8. S. 56–57.

5. Kutuzov A.D. Sledy` nekotory`x modelej ognestrel`nogo oruzhiya, obrazuyushhiesya na pulyax i gil`zah pri vy`strele: sprav. posobie. M.: GU RFCzSE`, 2007. 151 s.
6. Metodika ustanovleniya prinadlezhnosti ob`ekta k ognestrel`nomu oruzhiyu. M., GUE`KCz MVD Rossii, 2000. 12 s.
7. Sudebnaya ballistika i sudebno-ballisticheskaya e`kspertiza: uchebnik/ pod obshhej red. A.G. Egorova. Saratov: SYuI MVD Rossii, 1998. 176 s.
8. Kriminalisticheskaya e`kspertiza oruzhiya i sledov ego primeneniya: uchebnik. Ch. 1/ pod red. V.A. Ruchkina, I.A. Chulkova. Volgograd: VA MVD Rossii, 2004. 316 s.

Об авторах: Латышов Игорь Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистических экспертиз и исследований Санкт-Петербургского университета МВД России
e-mail: latyшов@gmail.com

Гарманов Владимир Викторович, ведущий государственный судебный эксперт отдела трасологических и баллистических исследований ФБУ «Северо-Западный региональный центр судебной экспертизы МЮ РФ»
e-mail: garmanov64@mail.ru

© Латышов И.В., 2020

© Гарманов В.В., 2020

Статья получена: 11.10.2020. Статья принята к публикации: 18.03.2020.

Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

About the authors: Latyшов Igor V., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Professor of Forensic Expertise and Research University, St. Petersburg University of MIA of Russia

Garmanov Vladimir V., Lead State Forensic Expert Trace Evidence and Ballistics Examinations Department, Federal Government Institution "North-Western Forensic Science Center"

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Заявленный вклад авторов

Латышов Игорь Владимирович – концепция и инициация исследования, анализ научной литературы по проблеме исследования, обобщение результатов экспертного исследования, написание текста статьи, итоговое редактирование.

Гарманов Владимир Викторович – проведение экспертного исследования, сбор данных и их обобщение, подготовка иллюстративного материала, оформление статьи по установленным требованиям.

УДК 343.3

DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.020

С.Т. Сазин

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ
ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ
ПРИ ДОБРОВОЛЬНОМ СООБЩЕНИИ О ДАЧЕ ВЗЯТКИ
В ЦЕЛЯХ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА
И ГРАЖДАНИНА ОТ НЕОБОСНОВАННОГО
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ**

**EXEMPTION FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY
OF PERSONS WHO VOLUNTARILY REPORT BRIBERY IN
ORDER TO PROTECT THE RIGHTS
AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN FROM
UNWARRANTED PROSECUTION: CURRENT ISSUES**

Введение: в статье на примере следственной практики предлагается внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство в целях принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела при добровольном сообщении лицом о даче взятки, согласно примечанию к ст. 291 Уголовного кодекса РФ (УК РФ), без возбуждения уголовного дела.

Материалы и методы: нормативной основой исследования явились отдельные положения Конституции Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), иных федеральных законов Российской Федерации по вопросам, связанным с освобождением от уголовной ответственности лиц при добровольном сообщении о даче взятки. Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания объективной действительности, а также формально-логический, системно-структурный, исторический, сравнительно-правовой, социологический, статистический методы.

Результаты исследования: приведены возможные пути совершенствования действующего законодательства, регламентирующего работу следственных органов в указанной сфере.

Обсуждение и заключения: автор статьи приходит к выводу о необходимости введения в статью 24 УПК РФ дополнительной специальной нормы, которая побудит взяточдателей сообщать о фактах дачи взяток в правоохранительные органы в целях изобличения преступной деятельности взяточполучателей, без негативных последствий для лиц, в отношении которых принимаются данные решения, и поможет выявить как дополнительные эпизоды преступной деятельности должностных лиц, уже привлеченных к ответственности за незаконное получение денежных средств, так и, возможно, установить в их действиях или в действиях иных должностных лиц новые составы преступлений.

Ключевые слова: уголовное законодательство, коррупция, взяточничество, взятка, примечание к ст. 291 УК РФ, изменение ст. 24 УПК РФ, освобождение от уголовной ответственности, сообщение о преступлении

Для цитирования: Сазин С.Т. Актуальные проблемы освобождения от уголовной ответственности лиц при добровольном сообщении о даче взятки в целях защиты прав и свобод человека и гражданина от необоснованного преследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 1. С. 126 – 130. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.020

Introduction: in the article, on the example of investigative practice, it was proposed to amend the criminal procedure legislation in order to make decisions on refusal to initiate criminal proceedings when a person voluntarily reports a bribe, according to the note to Article 291 of the Criminal Code, without initiating a criminal case.

Materials and Methods: the regulatory basis of the study was formed by the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and other Federal laws of the Russian Federation on issues related to the exemption from criminal liability of persons who voluntarily reported bribery. The dialectical method of cognition of empirical reality, and also formal-logical, system-structural, historical, comparative-legal, sociological, statistical methods made up the methodological basis of the study.

Results: possible ways of improvement of the current legislation regulating the work of investigative bodies in this area are given.

Conclusions and Conclusions: the key direction of this article is the introduction of an additional special rule in Article 24 of the Criminal Procedure Code, which will encourage bribe-takers to report the facts of bribery to law enforcement agencies in order to expose the criminal activity of bribe-takers without negative consequences for the persons against whom these decisions are made, and will help to identify additional episodes of officials already prosecuted for illegal receipt of funds, and possibly, to establish in their actions or in actions of other officials new structures of crimes.

Keywords: Criminal legislation, corruption, bribery, bribe, note to article 291 of the criminal code, amendment of article 24 of the criminal procedure code, exemption from criminal liability in case of voluntary reporting of a crime

For citation: Sazin S.T. Exemption from Criminal Responsibility of Persons who Voluntarily Report Bribery in Order to Protect the Rights and Freedoms of Man and Citizen from Unwarranted Prosecution: Current Issues // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 126 – 130. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.020

Введение

Коррупция – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения, вопреки законным интересам общества и государства, в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершений указанных деяний от имени или в интересах юридического лица (подп. «а», «б» ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции»)¹.

Борьба с коррупцией, подрывающей авторитет и доверие людей к власти, требует своевременной реакции и ведется в настоящее время на всей территории Российской Федерации. Одна из форм коррупционных проявлений – взяточничество.

Согласно определению, данному С.И. Ожеговым в Толковом словаре русского языка, взяточничество – должностное получение взятки, а взятка – деньги или материальные ценности, даваемые должностному лицу как подкуп, как оплата караемых законом действий.

Материалы и методы

Нормативную основу исследования образуют положения Конституции Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации иных федеральных законов Российской Федерации по вопросам, связанным с осво-

бождением от уголовной ответственности лиц при добровольном сообщении о даче взятки. Методологической основой исследования послужили базовые положения диалектического метода познания, позволяющие отразить взаимосвязь теории и практики, формы и содержания предмета исследования, процессы развития и качественных изменений рассматриваемых уголовно-процессуальных явлений, а также совокупность специальных методов исследования: формально-логического, системно-структурного, исторического, сравнительно-правового, социологического, статистического.

Результаты исследования

Взяточничество представляет собой один из самых опасных видов коррупции, поскольку совершается лицами, наделенными властными полномочиями, способными в силу определенного должностного положения решать важные, в том числе государственные, вопросы в пользу лица, которое передает денежные средства. Взяточничество нарушает практически все конституционные права граждан²: право на труд, когда соискателю ради другого лица предоставляется более выгодное место работы; право на бесплатное образование, когда добросовестный абитуриент не сдает экзамены, поскольку на его место уже фактически зачислен другой гражданин; право на охрану здоровья и медицинскую помощь, когда людям предоставляются внеочередные места в больницах для прохождения лечения. То есть фактически должностное лицо продает конституционные права людей другим лицам.

¹О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

²Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) предусматривает три вида преступлений коррупционной направленности, связанных с взяткой: получение взятки (статья 290 УК РФ), дача взятки (статья 291 УК РФ), посредничество во взяточничестве (статья 291.1 УК РФ) – и устанавливает соответствующие наказания за каждое преступление.

В данной статье на примере конкретного уголовного дела, расследуемого в следственном управлении, предлагается привлечь внимание законодателей к проблеме необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, которые добровольно сообщили о даче взятки с целью изобличения взяткополучателя, рассчитывая на снисхождение со стороны уголовного закона, но наравне со взяткополучателем оказались под уголовным преследованием, испытав вытекающие из этого правовые последствия. Предложено упростить порядок применения норм об освобождении от уголовной ответственности взяткодателя и внести изменения в статью 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

В Северо-Западном следственном управлении на транспорте Следственного комитета Российской Федерации в соответствии с приказом Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 4 «Об установлении юрисдикции специализированных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации» расследовалось уголовное дело по обвинению должностных лиц (преподавателей) Федерального государственного бюджетного общеобразовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации» по факту получения в составе организованной преступной группы крупных взяток за зачисление в число студентов граждан, не проходивших вступительные испытания, на общую сумму более полутора миллионов рублей (пункт «а» части 5 статьи 290 УК РФ).

В ходе проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий выявлено более 20 студентов, передавших взятки фигурантам уголовного дела.

Наряду с этим в следственный орган самостоятельно обратились две студентки, которые явились с повинной и сообщили о передаче взяток должностным лицам (обвиняемым) за зачисление в учебное учреждение. Полученные от них сведения позволили изобличить одного из препода-

вателей в совершении дополнительных эпизодов получения взяток.

Мотивом для их обращения с повинной в правоохранительные органы явилась возможность рассмотрения вопроса об освобождении от уголовной ответственности по основаниям, указанным в примечании к статье 291 УК РФ (лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если оно после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки)¹.

Студентам было достоверно известно, что добровольность сообщения о совершении преступления означает, что человек делает это не вынужденно, а по собственному желанию, при этом предполагая, что информацией о даче взятки правоохранительным органам еще неизвестно. При соблюдении данного условия мотивы, которым руководствовался взяткодатель, и время, которое прошло с момента совершения преступления, не имеют значения.

В то же время существующая правоприменительная практика определяет, что лицо, совершившее действие, содержащее все признаки дачи взятки должностному лицу, не может быть освобождено от уголовной ответственности путем вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по основаниям, указанным в примечании к статье 291 УК РФ, поскольку принятие такого рода решений в отношении взяткодателя будет противоречить статье 24 УПК РФ, в которой предусмотрен исчерпывающий перечень оснований для вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного преследования, и в этот перечень примечания к статье 291 УК РФ не входят.

В связи с этим в отношении студентов, добровольно явившихся с повинной, в следственном управлении возбуждены уголовные дела по статье 291 УК РФ и произведено предварительное расследование, что негативно повлияло, со слов заявителей, на их дальнейшую работу и учебу в высших учебных заведениях.

На примере данного уголовного дела следует отметить, что изложенные обстоятельства существенно ограничивают желание граждан сотрудничать с органами предварительного расследования, так как лица, которые хотят добровольно сообщить о совершенном ими преступлении и изобличить виновных в получении взятки, рассчитывая быть освобожденными от уголовной ответственности, находятся, по сути, в одина-

¹Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: с изм. от 04.11.2019. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 16.05.2019).

ковом положении с преступником и подпадают под уголовное преследование, поскольку в отношении них возбуждаются уголовные дела, впоследствии данные лица получают те же правовые последствия, что и виновный.

Наряду с этим факт возбуждения в отношении вышеуказанных студентов уголовных дел сдерживает иных возможных взяточдателей из числа обучающихся в университете явиться с повинной в следственный орган.

Следует добавить, что в практике следственного управления ранее также неоднократно имелись аналогичные ситуации по уголовным делам о преступлениях данной категории, в том числе при расследовании находящегося в производстве уголовного дела в отношении устойчивой организованной преступной группы из преподавателей другого высшего учебного заведения в Санкт-Петербурге, незаконно получавших денежное вознаграждение от более 60 студентов на общую сумму свыше 12 миллионов рублей.

С учетом изложенного проведен анализ положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, касающихся механизма и условий освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьей 291 УК РФ.

Полученные результаты привели к выводу о необходимости упрощения порядка применения норм об освобождении от уголовной ответственности взяточдателей, что могло бы более активно способствовать добровольным заявлениям этих лиц о фактах передачи взяток взяточполучателям.

Так, согласно примечанию к статье 291 УК РФ, лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления, и либо имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица, либо лицо после совершения преступления добровольно сообщило о даче взятки органу, имеющему право возбудить уголовное дело.

Однако данные основания освобождения от уголовной ответственности не предусмотрены в статье 24 УПК РФ, что при буквальном соблюдении уголовно-процессуального законодательства препятствует принятию решения об освобождении от уголовной ответственности взяточдателя путем вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

В связи с этим в ходе расследования уголовного дела о получении взятки при наличии обстоятельств, предусмотренных в примечании к статье 291 УК РФ, решение об освобождении взяточда-

теля от уголовной ответственности по указанным в данном примечании основаниям может быть принято только после возбуждения в отношении него уголовного дела.

Изложенный довод основан, в том числе, на требованиях части 2 статьи 28 УПК РФ, согласно которым прекращение уголовного преследования лица при его деятельном раскаянии в совершенном преступлении осуществляется следователем исключительно по уголовному делу с согласия руководителя следственного органа и только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

В то же время угроза уголовного преследования в рамках возбужденного уголовного дела снижает заинтересованность и инициативу взяточдателей обратиться в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, с целью добровольного сообщения о факте передачи взятки должностному лицу.

Согласно п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 № 1 «О судебном приговоре» при установлении в судебном заседании обстоятельств, влекущих освобождение лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса (например, к статьям 291, 222 УК РФ), дело прекращается на основании примечания к той или иной статье уголовного закона.

Позиция судебного органа сводится к возможности применения при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части УК РФ, ссылки на нормы уголовного закона.

Между тем отсутствие специального (отдельного) основания для отказа в возбуждении уголовного дела в соответствии с примечаниями к статье 291 УК РФ приводит к отсутствию единой правовой позиции относительно процессуальной реализации на стадии досудебного производства принимаемого решения об освобождении от уголовной ответственности взяточдателя или посредника во взяточничестве.

С учетом изложенного представляется целесообразным дополнить статью 24 УПК РФ положениями о том, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по основаниям, указанным в примечании к статье 291 УК РФ.

В заключение необходимо отметить, что введение в статью 24 УПК РФ дополнительной специальной нормы побудит взяточдателей сообщать о фактах дачи взяток в правоохранительные органы

в целях изобличения преступной деятельности взяточполучателей без негативных последствий для лиц, в отношении которых принимаются данные решения, и поможет выявить как дополнительные эпизоды преступной деятельности

должностных лиц, уже привлеченных к ответственности за незаконное получение денежных средств, так и, возможно, установить в их действиях или в действиях иных должностных лиц новые составы преступлений.

Об авторе: Сазин Сергей Тихонович, кандидат юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации
e-mail: sulo@47.sledcom.ru

© Сазин С.Т., 2020

Статья получена: 25.12.2019. Статья принята к публикации: 18.03.2020.
Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

About the author: Sazin Sergey T., Candidate of Law (Research doctorate), Professor of State And Legal Disciplines, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Д.Б. Чернышев

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО
ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ
СО СЧЕТОВ КРЕДИТНЫХ БАНКОВСКИХ КАРТ**

**DETERMINING THE COMPLAINANT
IN THE QUALIFICATION OF THEFTS COMMITTED
FROM ACCOUNTS OF CREDIT BANK CARDS**

Введение: актуальность изучения проблем квалификации хищений, совершаемых со счетов банковских карт, обусловлена широким распространением данного вида преступлений, вызванного нарастающими в геометрической прогрессии темпами внедрения безналичных расчетов в финансовые отношения между гражданами. При этом возрастает как количество совершенных преступлений, так и совокупный причиненный ущерб. Одной из проблем, с которой сталкиваются правоприменители, является определение лица, являющегося потерпевшим при хищении денежных средств с использованием кредитной банковской карты. Целью исследования является установление правовой принадлежности указанных денежных средств для определения надлежащего потерпевшего при уголовно-правовой квалификации преступления.

Материалы и методы: в ходе исследования применялся комплекс общенаучных методов – материалистическая диалектика, синтез, компаративный анализ, а также частнонаучные методы, среди которых сравнительно-правовой метод, экспертная оценка. Эмпирической основой исследования явились вступившие в силу обвинительные приговоры судов различных регионов России за период с 2016 по 2018 годы, вынесенные по делам о преступлениях, связанных с хищениями со счетов банковских карт, а также опросы действующих сотрудников.

Результаты исследования: в результате исследования установлена ошибочная практика определения в качестве потерпевшего лица, на имя которого выпущена кредитная банковская карта.

Обсуждение и заключения: в результате проведенного исследования автор приходит к выводу о необходимости в случае хищения денежных средств со счета кредитной банковской карты признания кредитной организации потерпевшим по уголовному делу.

Ключевые слова: потерпевший, хищение, банковская карта, кредитная карта

Для цитирования: Чернышев Д.Б. Проблемы определения потерпевшего при квалификации хищений, совершаемых со счетов кредитных банковских карт // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т.11, № 1. С. 131 – 136. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.021

Introduction: the relevance of studying the issues of qualification of embezzlement made from bank card accounts is due to the widespread occurrence of this type of crime, caused by a growing exponentially pace of introduction of cashless payments among citizens. At the same time, both the number of crimes committed and the total damage caused increase. One of the challenges that law enforcement agencies face is the determination of the the victim of the theft of funds using a credit bank card. The purpose of the study is to establish the legal affiliation of these funds in order to determine the victim.

Materials and Methods: during the study, a set of general academic methods materialistic dialectics, synthesis, comparative analysis, as well as private academic comparative legal method, expert assessment was used. The empirical basis of the study was the convictions of courts of various regions of Russia that came into force, issued in cases of crimes involving theft from bank card accounts, as well as interviews with current employees.

Results: as a result of the study, the erroneous practice of determining as a victim the person in whose name a credit bank card was issued was established.

Discussion and Conclusion: as a result of the study, the author comes to the conclusion that it is necessary to recognize a victim in a criminal case of a credit institution in case of theft of funds from a credit bank card account.

Key words: victim, theft, bank card, credit card

For citation: Chernyshev D.B. Determining the Complainant in the Qualification of Thefts Committed from Accounts of Bank Credit Cards // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2019. V. 11, No 1. P. 131 – 136. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.021

Введение

Доступность банковских услуг для населения, в том числе связанных с осуществлением безналичных расчетов (согласно статистическим данным Банка России, в 2018 году физическим лицам эмитировано 1 094 379 банковских карт, общий объем операций по которым составил 74 973 955 млн рублей¹), сопряженная с недостаточным уровнем защищенности данных финансовых операций, обуславливает актуальность уголовно-правовых и криминологических мер противодействия хищениям безналичных денежных средств с банковских карт граждан.

Мы полагаем, что сложившаяся в настоящее время правоприменительная практика признания потерпевшими по уголовным делам о хищениях со счетов кредитных карт безналичных денежных средств держателей карт является ошибочной, не отражающей правовой сущности указанных денежных средств.

Целью настоящего исследования является проверка данной гипотезы. Мы предприняли попытку установить правовую принадлежность безналичных денежных средств, находящихся на счетах, к которым эмитированы кредитные банковские карты, и как следствие – сторону, подлежащую привлечению в качестве потерпевшего, рассмотреть следственно-судебную практику, понять мотивы правоприменителей и предложить решение, позволяющее соблюсти принципы законности и справедливости при квалификации данных преступлений.

Обзор литературы

Проблемам преступности, связанной с хищением денежных средств со счетов банковских карт, посвящен ряд исследований уголовно-правового, криминалистического и криминологического характера. Следует отметить монографические исследования С.В. Васюкова [1], И.А. Мусьял [2], А.А. Южина [3], С.А. Скворцовой [4] и др., а также работы П.С. Яни [5], Л.В. Боровых, Е.А. Корепанова [6], А.В. Архипова [7], А.А. Харламовой [8] и др. Однако в основном исследователей привлекают проблемы квалификации указанных преступлений, отграничение мошенничества от кражи, определение места окончания преступления и т.д. В то же время, согласно имеющимся в настоящее время исследованиям, проблема определения потерпевшего от преступления незаслуженно обделена вниманием. Полагаем, что ответ на данный вопрос является не столь очевидным,

как это может показаться на первый взгляд. Данное обстоятельство, по нашему мнению, также подчеркивает актуальность научной разработки указанной проблемы.

Результаты исследования

При наличии достаточно большого числа исследований специальных видов мошенничеств (в частности, ст. 159.3 Уголовного кодекса РФ) и тайных хищений денежных средств с использованием банковских карт, как нами отмечалось выше, основное внимание в них уделялось проблемам квалификации и отграничения мошенничества от кражи. И если в случае хищения денежных средств с банковского счета, к которому эмитирована дебетовая банковская карта, потерпевшим является лицо, которому принадлежит банковский счет и которое одновременно является держателем карты, то при совершении аналогичного преступления в отношении денежных средств, находящихся на счете, к которому эмитирована кредитная банковская карта, их юридическая принадлежность не столь очевидна, что, в свою очередь, может приводить к ошибкам при уголовно-правовой квалификации. В первую очередь это касается определения соответствующей тяжести причиненного ущерба относительно статуса потерпевшего. Так, применяемая норма Особенной части Уголовного кодекса РФ (УК РФ) имеет прямую зависимость от размера причиненного ущерба, и одна и та же сумма, похищенная у физического и юридического лица, может определять преступления различных категорий (признак значительности ущерба, позволяющий квалифицировать действия виновного по одной из частей соответствующей статьи УК РФ). Поэтому правильное решение данного вопроса обеспечивает соблюдение принципа справедливости, установленного ч.1 ст.6 УК РФ, т.е. соответствия тяжести ответственности реальному уровню общественной опасности деяния.

Проблемы уголовно-правовой квалификации хищений безналичных денежных средств с банковских счетов граждан с использованием банковских карт активно рассматривались в научной литературе, в том числе в работах П.С. Яни [5, 10], С.А. Скворцовой [4], И.А. Мусьял [2], и др., однако авторами не уделено должного внимания принципиальной разнице между типами карт, в то время как правовой статус безналичных денежных средств, находящихся на счету дебетовой

¹ Статистический бюллетень Банка России. 2019. № 4 (311). С.153. URL: <https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/19698/Bbs1904r.pdf> (дата обращения: 15.11.2019).

(расчетной) и кредитной карты, имеет значительные отличия. Данные принципиальные различия вытекают из определения видов банковских карт, установленных Положением об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием¹, согласно которому дебетовая (расчетная) карта предназначена для совершения операций с денежными средствами ее держателя, находящимися на его банковском счете. Кредитная же карта служит для совершения платежных операций за счет денежных средств, предоставленных держателю карты кредитной организацией в рамках лимита, устанавливаемого условиями кредитного договора.

Ключевым моментом в данном случае является правовая принадлежность денежных средств на счете, доступ к которому обеспечивается с помощью банковской карты. И если в первом случае собственником данных денежных средств, безусловно, является держатель карты, то в случае с денежными средствами, находящимися на банковском счете, к которому эмитирована кредитная карта, исходя из приведенного выше определения, следует, что держатель кредитной карты не является собственником денежных средств, составляющих кредитный лимит [9, с. 48]. Данные безналичные денежные средства принадлежат кредитной организации до момента, пока держатель кредитной карты не совершит с их помощью оплату покупки. Именно в этот момент за счет денежных средств, предоставленных кредитной организацией держателю кредитной карты в рамках кредитного лимита, и происходит процедура кредитования. При этом в связи с тем, что пользование клиентом денежными средствами, предоставленными банком, урегулировано заключенным между ними договором кредитования, данное расходование путем оплаты покупок (либо обналживание посредством банковского терминала) является законным. В момент расходования держателем кредитной карты денежных средств, предоставленных ему банком в рамках кредитного лимита, у него возникает юридическая обязанность возврата банку указанных денежных средств и процентов за пользование ими согласно условиям договора кредитования.

Следуя формальной логике, можно предположить, что в случае противоправного расходования денежных средств с банковского счета, к которому эмитирована кредитная карта, лицом, не являющимся ее держателем, которому банком кредитный лимит в соответствии с договором кредитования не предоставлялся, у данного

лица обязанность по возврату денежных средств и процентов за пользование кредитом в соответствии с договором кредитования не возникает. В связи с тем, что данные действия являются противоправными, не охваченными самостоятельной волей сторон, зафиксированной договором, основанием обязанности по возврату денежных средств является уже не договор, а положение ст. 1064 Гражданского кодекса РФ, т.к. противоправное расходование денежных средств в данном случае причиняет вред собственнику. И если мы говорим про преступление, связанное с хищением денежных средств со счета посредством неправомерного доступа к нему с помощью эмитированной к указанному счету кредитной банковской карты, то лицо, его совершившее, в момент расходования уже имело умысел на невозврат денежных средств, что изначально определяет сущность этих действий именно как причинение вреда охраняемым законом интересам.

Учитывая изложенное, полагаем, что потерпевшим в данном случае должен быть признан банк, предоставивший кредитный лимит держателю кредитной карты, со счета которой были похищены денежные средства, т.к. до момента правомерного расходования данных денежных средств держателем карты именно он является их собственником.

Однако в ходе изучения сложившейся правоприменительной и судебной практики по делам о кражах и мошенничествах нами было установлено обратное. В ходе исследования были изучены вступившие в силу обвинительные приговоры судов по уголовным делам о хищениях со счетов банковских кредитных карт.

Так, приговором Кунгурского городского суда Пермского края 10.02.2016 по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ осужден К. Судом установлено, что подсудимый, находясь в гостях у потерпевшего, свободным доступом завладел принадлежащей последнему кредитной банковской картой, после чего, зная пин-код, тайно похитил со счета данной карты денежные средства в размере 8 000 рублей, получив их через банковский терминал. В описательной части приговора судом подчеркивается, что доступный кредитный лимит, находящийся на счете, к которому эмитирована кредитная банковская карта, принадлежал потерпевшему, из чего судом сделан вывод, что действиями подсудимого материальный ущерб причинен держателю кредитной карты, который и был признан потерпевшим по данному уголовному делу. Аналогичные решения были вынесены Апатитским городским судом Мурманской

¹ Положение об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием: утв. Банком России 24.12.2004 № 266-П (ред. от 14.01.2015). Зарегистрировано в Минюсте России 25.03.2005 № 6431.

области 16.07.2018 в отношении М., Центральным районным судом г. Читы Забайкальского края 27.07.2018 – в отношении Т. и др.¹

Аналогичная практика наблюдается также при применении ст. 159.3 УК РФ для квалификации хищений денежных средств со счетов кредитных банковских карт. Так, приговором Ванинского районного суда Хабаровского края 19.10.2018 по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ осуждена Г. Судом установлено, что подсудимая, найдя кредитную банковскую карту, эмитированную ПАО «Сбербанк России» на имя потерпевшей, путем обмана сотрудника торговой организации, осуществляющего кассовое обслуживание, относительно принадлежности данной кредитной карты другому лицу, похитила находившиеся на ее счете денежные средства в сумме 11 767 рублей, принадлежащие потерпевшей, оплатив с ее помощью покупки в магазине. Аналогичные обвинительные приговоры были вынесены Новоуральским городским судом Свердловской области 22.10.2018 в отношении К., Дзержинским районным судом г. Оренбурга 17.10.2018 – в отношении Ф., и др.²

Полагаем, что суды в данном случае при принятии решений руководствовались объемом и характером обвинения, предъявленного подсудимым на стадии предварительного следствия, несмотря на то, что ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ допускает признание потерпевшим в том числе и на стадии судебного следствия³. Таким образом, мы полагаем, что волевое решение при определении лица, подлежащего признанию потерпевшим от преступления, принимается именно должностными лицами, осуществляющими предварительное следствие, и это решение определяет конечную квалификацию преступного деяния, положенную в основу приговора суда.

С целью объяснения подобного подхода при квалификации, когда потерпевшим от преступления, связанного с хищением денежных средств со счета кредитной банковской карты, признается физическое лицо – держатель карты, мы прибегли к методу экспертной оценки. В ходе исследования нами были опрошены действующие сотрудники подразделения следствия и дознания органов внутренних дел, а также оперативные сотрудники подразделений по борьбе с экономическими

преступлениями. Всего было опрошено 19 сотрудников следственных подразделений и 7 дознавателей, специализирующихся на расследовании преступлений против собственности, а также 22 сотрудника отделов экономической безопасности и противодействия коррупции.

Всем респондентам был задан вопрос: «Банк либо держатель карты является потерпевшим при хищении денежных средств со счета кредитной банковской карты?», при этом опрошенным было предложено обосновать свое мнение.

Все респонденты единодушно полагают, что потерпевшим должно быть признано физическое лицо – держатель кредитной банковской карты. В качестве обоснования подобной позиции были высказаны доводы о том, что держатель кредитной карты, получив ее, согласно договору кредитования, несет ответственность за ее сохранность. Также у держателя кредитной карты в случае любого расходования с нее денежных средств возникает задолженность по возврату их банку. Таким образом, даже в случае утраты кредитной карты и дальнейшего хищения с нее денежных средств банк в любом случае будет требовать с заемщика (в том числе в судебном порядке) полного погашения задолженности в соответствии с условиями договора кредитования.

27% респондентов допустили, что фактически денежные средства, находящиеся на банковском счете, к которому эмитирована кредитная карта, в момент хищения принадлежат банку. Интерес представляет приведенная одним из опрошенных дознавателей аналогия с инструкцией о заполнении справки о доходах, расходах, имуществе и имущественных обязательствах государственных служащих, согласно которой кредитный лимит, предоставленный банком по кредитной карте, не отражается в справке в качестве собственных средств, что, по его мнению, является подтверждением того, что указанные денежные средства принадлежат банку. Однако все опрошенные сотрудники, придерживающиеся мнения, что в момент хищения со счета кредитной карты денежные средства принадлежат банку, не видят перспективы признания кредитной организации в качестве потерпевшего, объясняя это тем, что банк будет противодействовать такому подходу, т.к. он теряет

¹ Уголовное дело № 1-52/2016 // Архив Кунгурского городского суда Пермского края. URL: //sudact.ru/regular/doc/t2dKvqYIRXg2/ (дата обращения: 16.11.2019); уголовное дело № 1-115/2018 // Архив Апатитского городского суда Мурманской области. URL: //sudact.ru/regular/doc/08SmeUOYuCga/ (дата обращения: 16.11.2019); уголовное дело № 1-534/2018 // Архив Центрального районного суда г. Читы Забайкальского края. URL: //sudact.ru/regular/doc/PeUHkAG3b4W6/ (дата обращения: 16.11.2019).

² Уголовное дело № 1-174/2018 // Архив Ванинского районного суда Хабаровского края URL: //sudact.ru/regular/doc/cAkXOB3Lg3WN/ (дата обращения: 16.11.2019); уголовное дело № 1-203/2018. Архив Новоуральского городского суда Свердловской области. URL: //sudact.ru/regular/doc/aFvY6hiZSpmx/ (дата обращения: 16.11.2019); уголовное дело № 1-422/2018 // Архив Дзержинского районного суда г. Оренбурга. URL: //sudact.ru/regular/doc/VTfpNGiB90bg/ (дата обращения: 16.11.2019).

³ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума ВС РФ от 29.06.2010 № 17 // Российская газета. 2010. № 147 (5226).

возможность требовать погашения задолженности по кредитной карте, возникшей в результате хищения, с держателя и вынужден будет обращать свои требования к обвиняемому по уголовному делу, что снижает вероятность возврата банку задолженности, а также лишает его прибыли в виде процентов, предусмотренных действующим договором кредитования. Также банк не желает нести издержки, связанные с участием представителя потерпевшего по уголовному делу.

Мы полагаем, что существующая правоприменительная практика признания потерпевшими от преступлений, связанных с хищением безналичных денежных средств со счетов кредитных банковских карт, ошибочна, а приведенные выше мотивы не состоятельны, т.к. умышленно подменяют фактическую составляющую объективной стороны преступления в виде общественно опасных последствий интересами «удобства» правоприменения. На наш взгляд, определение потерпевшего должно основываться на фактическом понимании стороны, которой причинен вред в результате преступления. Поскольку в данном случае фактическим владельцем денежных средств на счете кредитной карты до момента их расходования (законным держателем карты либо преступником в момент хищения) является банк, то он и должен выступать в качестве потерпевшего с наделением его соответствующим процессуальным статусом.

Следует, однако, отметить, что в качестве потерпевшего банк в подобной ситуации может быть признан лишь в случаях, когда хищение денежных средств (тайное либо путем обмана) было совершено помимо воли держателя карты. В случае же, если лицо-держатель кредитной карты, действуя под влиянием обмана, самостоятельно осуществило перевод денежных средств со счета карты, следует считать, что оно действовало самостоятельно в рамках договора кредитования, в связи с этим у него сохраняется юридическая обязанность по возврату банку суммы израсходованных денежных средств, предоставленных ему в рамках кредитного лимита, и процентов. То есть он самостоятельно распорядился предоставленными ему кредитными денежными средствами как своими собственными. Соответственно, в данном случае держатель карты подлежит признанию потерпевшим и получает право требования возмещения вреда с лица, совершившего хищение.

Мы допускаем, что в результате признания банка потерпевшим при хищении безналичных денежных средств со счетов кредитных карт может возникнуть практика отказа держателей карт от исполнения условий договоров кредитования в рамках суммы похищенных денежных средств. На наш взгляд, указанная позиция заемщиков является обоснованной, т.к. выбытие денежных средств со счета кредитной банковской карты в результате преступных действий третьего лица не регулируется кредитным договором, в связи с этим последствия, предусмотренные условиями кредитования, не могут распространяться на данную ситуацию. Однако банк не лишается права требования возмещения указанного вреда, причиненного преступлением, с лица, совершившего данное преступление, в том числе с учетом процентов, предусмотренных договором кредитования.

Мы полагаем, что решение рассматриваемой проблемы не требует внесения изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ. В связи с тем, что данная проблема относится не к законодательным, а к правоприменительным, с целью обеспечения правильного и единообразного применения норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, считаем достаточным наличие соответствующих разъяснений со стороны Пленума Верховного Суда РФ: при квалификации хищений денежных средств со счета, к которому эмитирована кредитная банковская карта (ст. 158, 159.3 УК РФ), признанию потерпевшим в соответствии со ст.42 УПК РФ подлежит кредитное учреждение, эмитировавшее данную банковскую карту, за исключением случаев, когда лицо-держатель карты, действуя под влиянием обмана, самостоятельно осуществило перевод денежных средств. В таком случае потерпевшим надлежит признавать держателя карты.

На наш взгляд, предложенное изменение правоприменительного подхода позволит добиться соблюдения принципа справедливости, установленного ст.6 УК РФ, т.к. на основании определения потерпевшего будет дана адекватная квалификация в соответствии с реальной тяжестью причиненного ущерба и общественной опасностью совершенного преступления, что, в свою очередь, позволит квалифицировать действия обвиняемого по соответствующей категории преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васюков С.В. Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов, проводимых с использованием банковских карт: дис... канд. юрид. наук. М., 2013. 233 с.
2. Мусьял И.А. Дифференцированные виды мошенничества: теоретические и практические проблемы: дис... канд. юрид. наук. Курск, 2018. 260 с.

3. Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 238 с.
4. Скворцова С.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений, совершаемых с использованием банковских карт: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 155 с.
5. Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 5 (967). С. 42-46.
6. Боровых Л.В., Корепанова Е.А. Направленность обмана в составе мошенничества с использованием платежных карт // Вестник Пермского университета. Серия Юридические науки. 2016. № 1 (31) С. 98-104.
7. Архипов А.В. Квалификация незаконного завладения банковскими картами // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 23. С. 5-12.
8. Харламова А.А. Проблемные вопросы квалификации мошенничества с использованием платежных карт // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 1. С. 44-47.
9. Тарасенко О.А., Андропова Т.А. Банковские карты – правовое регулирование, понятие и классификация // Право и экономика. 2016. № 1 (335). С. 45-50.
10. Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2016. № 6 (1016). С. 39-43.

REFERENCES

1. Vasyukov S.V. Preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyh v sfere provedeniya beznalichnyh raschetov, provodimyh s ispol'zovaniem bankovskih kart: dis... kand. yurid. nauk. M., 2013. 233 s.
2. Mus'yal I.A. Differencirovannye vidy moshennichestva: teoreticheskie i prakticheskie problemy: dis. ... kand. yurid. nauk. Kursk, 2018. 260 s.
3. YUzhin A.A. Moshennichestvo i ego vidy v rossijskom ugolovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2016. 238 s.
4. Skvorcova S.A. Ugolovno-pravovaya harakteristika prestuplenij, sovershaemyh s ispol'zovaniem bankovskih kart: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2000. 155 s.
5. YAni P.S. Special'nye vidy moshennichestva // Zakonnost'. 2015. № 5 (967). S. 42-46.
6. Borovyh L.V., Korepanova E.A. Napravlennost' obmana v sostave moshennichestva s ispol'zovaniem platezhnyh kart // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya YUridicheskie nauki. 2016. № 1 (31) S. 98-104.
7. Arhipov A.V. Kvalifikaciya nezakonnogo zavladeniya bankovskimi kartami // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2017. № 23. S. 5-12.
8. Harlamova A.A. Problemnye voprosy kvalifikacii moshennichestva s ispol'zovaniem platezhnyh kart // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 1. S. 44-47.
9. Tarasenko O.A., Andronova T.A. Bankovskie karty – pravovoe regulirovanie, ponyatie i klassifikaciya // Pravo i ekonomika. 2016. № 1 (335). S. 45-50.
10. YAni P.S. Moshennichestvo s ispol'zovaniem elektronnyh sredstv platezha // Zakonnost'. 2016. № 6 (1016). S. 39-43.

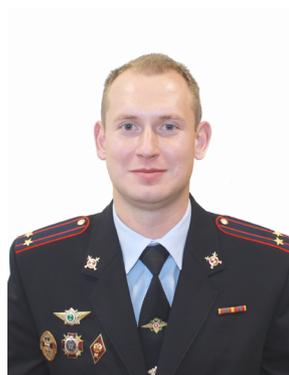
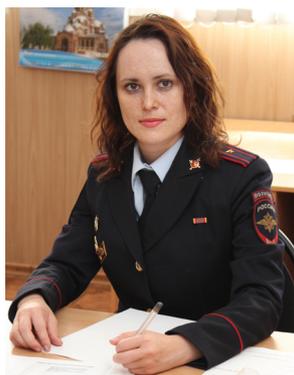
Об авторе: Чернышев Дмитрий Борисович, адъюнкт кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России
e-mail: sledstvient404@mail.ru

© Чернышев Д.Б., 2020

Статья получена: 26.11.2020. Статья принята к публикации: 18.03.2020.
Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

About the authors: Chernyshev Dmitry B., Postgraduate of the Department of Criminal Law of Ural Law Institute of MIA of Russia

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Э.Д. Шайдуллина, Е.А. Семенов

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ НА ЭТАПЕ ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫНЕСЕНИЯ ВЕРДИКТА

ISSUES OF ENSURING THE RIGHTS OF JURORS DURING CONSIDERATION AND RENDERING A VERDICT

Введение: с 1 июня 2018 г. институт присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве претерпел существенные изменения. Анализ судебной практики по уголовным делам, рассматриваемым судами с участием присяжных заседателей, позволяет сделать вывод о наличии ряда нерешенных вопросов, связанных с обеспечением прав присяжных заседателей на этапе обсуждения и вынесения вердикта. В данной статье представлено авторское видение путей разрешения указанных аспектов.

Материалы и методы: основой для написания статьи явились действующие нормативные правовые акты, результаты изучения статистики, анализ мнений ученых-процессуалистов по рассматриваемой тематике, материалы уголовных дел. В процессе исследования использованы общенаучные и частнонаучные методы познания, среди которых диалектический, а также методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой, статистический и формально-логический методы.

Результаты исследования: в статье определено, что судебная реформа, связанная с рассмотрением уголовных дел в суде с участием присяжных заседателей, является важным шагом в укреплении демократических начал судебной системы страны, а также расширении прав обвиняемых на отправлении правосудия в отношении них с участием представителей гражданского общества. Однако анализ правоприменительной практики после проведенной реформы показывает, что до настоящего времени остался ряд нерешенных вопросов, связанных с обеспечением прав присяжных заседателей в ходе обсуждения и вынесения вердикта по уголовному делу. В частности, не предусмотрен Уголовно-процессуальным кодексом РФ (УПК РФ) вопрос запрета или возможности использования средств телекоммуникации присяжными в совещательной комнате. Отсутствует возможность прерывания совещания в связи с ухудшением состояния здоровья присяжного заседателя. Не предусмотрены границы полномочий председательствующего в рамках контроля над ясностью и непротиворечивостью вынесенного вердикта.

Обсуждение и заключения: авторами на основании действующего законодательства и судебной практики предложен комплекс мер по реформированию уголовно-процессуального закона и рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ, направленный на оптимизацию осуществления правосудия с участием присяжных заседателей и разрешение обозначенных в ходе проведенного исследования нерешенных вопросов правоприменительной практики.

Ключевые слова: присяжные заседатели, председательствующий, обеспечение прав, судебное заседание, тайна совещания, вердикт

Для цитирования: Шайдуллина Э.Д., Семенов Е.А. Вопросы обеспечения прав присяжных заседателей на этапе обсуждения и вынесения вердикта // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т.11, № 1. С. 137 – 142. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.022

Introduction: since June 1, 2018, jury trial in criminal proceedings has undergone significant changes. The analysis of judicial practice in criminal cases considered by courts with the participation of jurors allows us to

conclude that there are a number of unresolved issues related to ensuring the rights of jurors at the stage of discussion and delivery of a verdict. This article presents the author's vision for resolving these aspects.

Materials and Methods: the basis for writing the article was the existing legal acts, the results of the study of statistics, the analysis of the opinions of process academicians on the subject under consideration, materials of criminal cases. The study used general academic and private academic methods of cognition – dialectical, as well as methods of analysis and synthesis, comparative legal, statistical and formal logical methods.

Results: the article defines that the judicial reform related to the consideration of criminal cases in court with the participation of jurors is an important step in strengthening the democratic principles of the country's judicial system, as well as expanding the rights of the accused to administer justice against them with the participation of representatives of civil society. However, the analysis of law enforcement practice after the reform showed that there is still a number of unresolved issues related to ensuring the rights of jurors during the consideration and rendering a verdict in a criminal case. In particular, the Code of Criminal Procedure does not provide for the issue of prohibiting or allowing the use of telecommunications by jurors in a deliberation room. There is no possibility of interrupting the meeting due to deterioration of the juror's health. There are no limits to the powers of the presiding judge to control the clarity and consistency of the verdict.

Discussion and Conclusions: the authors, based on current legislation and judicial practice, propose a set of measures to reform the criminal procedure legislation and recommendations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, aimed at optimizing the usage of minors as a preventive measure, not on a written obligation not to leave the place and behave properly, but on the treatment of a minor suspect or accused.

Key words: jurors, presiding officer, enforcement of rights, court session, secrecy of the meeting, verdict

For citation: Shaidullina E.D., Semenov E.A. Issues of Ensuring the Rights of Jurors during Consideration and Rendering a Verdict // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. V. 11, No 1. P. 137 – 142. DOI: 10.24420/KUI.2020.39.1.022

Введение

Россия как правовое и демократическое государство построено на основе соблюдения принципа законности, который предполагает неукоснительное соблюдение нормативных правовых актов, судебных решений и решений иных органов государственной власти всеми субъектами гражданского общества. В свою очередь, одним из неотъемлемых элементов непосредственного доступа граждан к правосудию является рассмотрение уголовных дел судами с участием присяжных заседателей. В настоящее время институт присяжных заседателей подвергся кардинальным изменениям. Особую значимость имеет принятый 7 июня 2016 г. Федеральный закон № 190-ФЗ¹, в соответствии с которым расширена сфера деятельности судов с участием присяжных, что предоставляет возможность большому числу обвиняемых избрать именно эту форму отправления в отношении них правосудия. Кроме того, в период перехода на новый формат судебного разбирательства в сфере функционирования суда присяжных в России вновь были внесены изменения Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 467-ФЗ². Данные нововведения начали

действовать с 1 июня 2018 г. Однако до настоящего время остались вопросы, связанные с обеспечением прав присяжных заседателей в ходе судебного заседания при обсуждении ими и вынесении вердикта. В данной статье остановимся на рассмотрении выявленных нами проблем и на поиске путей их разрешения.

Обзор литературы

Вопросам суда присяжных посвящены исследования О.В. Качаловой, М.В. Беляева, С.А. Насонова, Н.А. Дудко, А.С. Камнева и других. Вместе с тем следует отметить, что результаты проведенной реформы института присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве России по-разному оцениваются процессуалистами. Однако и ранее по вопросу организации и деятельности суда присяжных не было единства [1, с. 77-80].

С одной стороны, расширение института присяжных положительно воспринимается в юридической литературе, в первую очередь в связи с развитием демократических начал и обеспечением участия народного элемента в осуществлении правосудия [2, с. 41]. Кроме того, отмечается, что таким образом гарантируются дополнительные права

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей: Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2017). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2020).

² О внесении изменений в статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей»: Федеральный закон от 29.12.2017 № 467-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2020).

и свободы человека и гражданина в нашей стране [3, с. 234].

С другой стороны, рассматриваемый институт отправления правосудия до настоящего времени подвергается критике в теории уголовного судопроизводства, вплоть до его исключения как «изжившего себя института англосаксонского права» [4, с. 79].

Соглашаясь с позицией Н.Л. Карелиной, считаем невозможным ставить вопрос о ликвидации института суда присяжных как неэффективного и слишком дорогостоящего института. Однако признаем, что его реформирование, как минимум, необходимо [5, с. 14].

Так, например, О.В. Качалова и М.В. Беляев обосновывают необходимость законодательного установления требований мотивированности выносимого присяжными заседателями вердикта [6, с. 179]. На данную проблему ранее указывала в своей статье М.Э. Семененко [7, с. 163].

Вышеуказанные позиции привели нас к мысли, что многие вопросы, связанные с институтом присяжных заседателей, касаются именно этапа обсуждения и вынесения ими вердикта.

Материалы и методы

Исследование проведено с учетом последних изменений законодательства, на основе статистических данных, исследований уголовных дел, судебное разбирательство по которым осуществлялось с участием присяжных заседателей, а также основных результатах, полученных другими авторами по данной проблематике. В статье в качестве основного использован диалектический метод познания объективной действительности. В качестве частных научных методов авторами использованы такие методы, как методы анализа и синтеза, а также сравнительно-правовой, статистический и формально-логический методы.

Результаты исследования

Прежде чем переходить к существующим проблемам правоприменительной практики, кратко рассмотрим суть нововведений, связанных с рассмотрением уголовных дел судами с участием присяжных заседателей после проведенной реформы.

Основные изменения касаются именно формирования коллегии с участием присяжных заседателей с учетом указанных позиций. В соответствии с нововведениями ч. 2 ст. 30 УПК РФ с 12 до 8 человек сокращено количество участвующих в рассмотрении уголовных дел присяжных заседателей областных и равных им судов, а в районных и гар-

низонных судах коллегия присяжных состоит из 6 человек вместо ранее утвержденного состава в 12 человек. К подсудности таких составов районных судов отнесены дела о преступлениях, ответственность за совершение которых предусмотрена ч. 2 ст. 105, ч. 5 ст. 228¹, ч. 4 ст. 229¹, а также статьями 277, 295, 317 и 357 Уголовного кодекса РФ¹. В качестве условия выдвинуто обстоятельство, что в качестве самого строгого вида уголовного наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

Реформа института рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей позволила расширить возможности обвиняемых к заявлению ходатайств о судебном разбирательстве в указанной форме уголовного судопроизводства. Анализ статистических данных, представленных на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации², выявил ежегодно увеличивающееся количество уголовных дел в России, рассматриваемых судом присяжных. Так, например, в 2015 г. судами общей юрисдикции в качестве первой инстанции было рассмотрено по существу 224 уголовных дела, в 2016 г. – 217 уголовных дел, в 2017 г. – 224 уголовных дела, в 2018 г. – 239 уголовных дел, а по итогам первого полугодия 2019 года – 336 уголовных дел.

Приведенная выше статистика позволяет сделать вывод, что в целом реформа института присяжных заседателей в долгосрочной перспективе является важнейшим правовым событием в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации, что обусловлено укреплением демократических начал судебной системы страны, а также механизма судопроизводства в целом и созданием в Российской Федерации максимально высоких стандартов доказывания вины конкретной личности.

Отметим, что в остальном порядок судебного разбирательства с участием присяжных заседателей, предусмотренный главой 42 УПК РФ, остался прежним. В то же время анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что до настоящего времени остался ряд неразрешенных вопросов, связанных с отправлением правосудия с участием присяжных заседателей. Чаще всего данные вопросы возникают на этапе удаления коллегии присяжных в совещательную комнату для обсуждения и вынесения вердикта.

Данный этап начинается с того момента, когда председательствующий произносит напутственное слово и коллегия присяжных заседателей удаляется

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 27.12.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2020).

² Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 15.01.2020).

в совещательную комнату непосредственно для вынесения вердикта подсудимому. Тайна совещательной комнаты выступает гарантией, которой обеспечивается независимость деятельности присяжных заседателей.

В соответствии с ч. 2 ст. 341 УПК РФ и п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей»¹ посторонним лицам запрещено находиться в совещательной комнате, а нарушение такого требования служит основанием для отмены приговора по уголовному делу. Так, например, апелляционным постановлением Краснодарского краевого суда №22-3015/2019 22К-3015/2019 от 16 мая 2019 г. по делу № 22-3015/2019² было отменено постановление Центрального районного суда г. Сочи от 18 марта 2019 г., в силу того что председательствующим, который приобщил к материалам дела копию постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела от 15 ноября 2018 г., была нарушена тайна совещательной комнаты. Данная копия была получена через приложение социальной сети в мобильном телефоне одного из присяжных заседателей. В итоге материалы уголовного дела были направлены в Центральный районный суд г. Сочи для рассмотрения по существу в ином составе. Налицо пример того, что в целом третьих лиц в совещательной комнате не было, однако использование современных телекоммуникационных возможностей обоснованно привело к пересмотру уголовного дела судом первой инстанции ввиду нарушения тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта.

В соответствии с п. 3 ст. 341 УПК РФ присяжные заседатели имеют право на прерывание совещания с наступлением ночного времени, с разрешения же председательствующего по окончании рабочего времени присяжные заседатели вправе прервать совещание для отдыха. В свою очередь, уголовно-процессуальный закон не предусматривает возможности прерывания совещания в течение рабочего дня и его переноса на другой день по состоянию здоровья присяжных заседателей. Представляется, что такое право должно быть предоставлено присяжным заседателям, учитывая достаточную длительность нахождения в совещательной комнате.

Стоит отметить, что на практике встречаются случаи, когда этапу провозглашения вердикта предшествует этап контроля председательствующего в части соответствия вынесенного присяжными вердикта принципам ясности и непротиворечивости законодательству. Однако на данном этапе возникает множество проблем, связанных с законностью таких контрольных функций председательствующего, распространяющихся на вердикт присяжных заседателей. Так, например, в приговоре Верховного суда Республики Калмыкия³ отражено, что 2 ноября 2018 г. присяжные возвратились из совещательной комнаты и старшина передал председательствующему вопросный лист с внесенными в него ответами. После проверки председательствующий указал на то, что в ответе на вопрос № 3 при равном количестве голосов присяжных заседателей (при этом ранее председательствующий разъяснял, что при голосовании три на три предпочтение отдается версии стороны защиты) они проголосовали за непричастность А. к совершенному деянию. После этого он предложил коллегии присяжных заседателей возвратиться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист для устранения недостатков вердикта. Однако по возвращении из совещательной комнаты при равном количестве голосов присяжные заседатели ответили на третий вопрос, как следует из вопросного листа, – «нет, не доказано». Между тем председательствующий разъяснил, что, поскольку вопрос № 3 поставлен стороной защиты, они должны были ответить «да, доказано», после чего предложил коллегии вновь вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений. Таким образом, в данном случае председательствующий нарушил требования ст. 345 УПК РФ, т.к. его разъяснения не соответствовали установленному в ст. 343 УПК РФ порядку вынесения вердикта, что отразилось на ответах присяжных заседателей, то есть на содержании и результатах постановленного вердикта.

Обсуждение и заключения

На основании действующего законодательства и имеющейся судебной практики считаем необходимым предусмотреть следующие меры, направленные на обеспечение прав присяжных заседателей на этапе обсуждения и вынесения ими вердикта в ходе судебного разбирательства:

1. В целях обеспечения тайны совещательной комнаты при обсуждении и вынесении вердикта

¹ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: постановление Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2005 № 23 (в ред. от 15.05.2018). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.01.2020).

² Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 22-3015/2019 22К-3015/2019 от 16.05.2019 по делу № 22-3015/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SJGnkMEWsbv/?regular-txt> (дата обращения: 17.01.2020).

³ Постановление Верховного суда Республики Калмыкия № 44У-13/2019 4У-59/2019 от 22.05.2019 по делу № 1/59/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mlUPNtXVn7mv/?regular-txt> (дата обращения: 15.01.2020).

присяжными заседателями следует ч. 2 ст. 341 УПК РФ дополнить положением следующего содержания: «Присутствие в совещательной комнате иных лиц, за исключением присяжных заседателей, не допускается. Присяжным заседателям, находясь в совещательной комнате, запрещено общение и иное взаимодействие с иными лицами через средства телекоммуникации и сеть Интернет».

2. Для обеспечения права присяжных заседателей на перерыв совещания в течение рабочего дня по состоянию их здоровья предлагаем ст. 341 УПК РФ дополнить новой ч. 3.1 следующего содержания: «В исключительных случаях обсуждение присяжными заседателями вопросов для вынесения вердикта может быть прервано по ходатайству старшины председательствующим в течение рабочего дня и переносом обсуждения на другой день по состоянию здоровья присяжного заседателя».

3. В целях исключения противоречий, связанных с вопросами контроля председательствующего в части соответствия вынесенного присяжными

вердикта, полагаем целесообразным дополнить п. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» положением следующего содержания: «Во исполнение части 2 статьи 345 УПК РФ в случае возвращения председательствующим присяжных заседателей в совещательную комнату для устранения неясностей и противоречивости вынесенного ими вердикта председательствующему следует дать точные разъяснения неясностей и противоречий вердикта с целью недопущения нарушения порядка вынесения вердикта, предусмотренного статьей 343 УПК РФ».

Полагаем, что данные предложения будут способствовать решению вопросов оптимизации судебных заседаний с участием присяжных заседателей в части обсуждения и вынесения ими вердикта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семенов Е.А., Столбина Л.В. Суд присяжных: на пути реформ // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 77 – 80.
2. Поддубняк А.А. Институт присяжных заседателей: расширение полномочий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2. С. 36 – 41.
3. Рябинина У.С., Черникова Е.А. Проблемы компетенции института присяжных заседателей // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 5. С. 233 – 235.
4. Легостаев В.П., Пилюгина Т.В. К вопросу об изменениях и дополнениях в российском законодательстве о присяжных заседателях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 2. С. 76 – 79.
5. Карелина Н.Л. Вердикт суда присяжных как гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2. С. 9 – 14.
6. Качалова О.В., Беляев М.В. Вердикт присяжных заседателей и социальные запросы общества // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 176 – 180.
7. Семененко М.Э. О некоторых причинах возрождения суда с участием присяжных заседателей в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С.160 – 163.

REFERENCES

1. Semenov E.A., Stolbina L.V. Sud prisyazhnyh: na puti reform // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2017. № 1. S. 77 – 80.
2. Poddubnyak A.A. Institut prisyazhnyh zasedatelej: rasshirenie polnomochij // Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. 2017. № 2. S. 36 – 41.
3. Ryabinina U.S., Chernikova E.A. Problemy kompetencii instituta prisyazhnyh zasedatelej // Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskij zhurnal. 2016. № 5. S. 233 – 235.
4. Legostaev V.P., Pilyugina T.V. K voprosu ob izmeneniyah i dopolneniyah v rossijskom zakonodatel'stve o prisyazhnyh zasedatelyah // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2017. № 2. S. 76 – 79.
5. Karelina N.L. Verdikt suda prisyazhnyh kak garantiya zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve // Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. 2017. № 2. S. 9 – 14.
6. Kachalova O.V., Belyaev M.V. Verdikt prisyazhnyh zasedatelej i social'nye zaprosy obshchestva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 416. S. 176 – 180.
7. Semenenko M.E. O nekotoryh prichinah vozrozhdeniya suda s uchastiem prisyazhnyh zasedatelej v Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 11. S.160 – 163.

Об авторах: Шайдуллина Эльвира Дамировна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России
e-mail: elya-hi@bk.ru

Семенов Евгений Алексеевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова
e-mail: semen_evge@mail.ru

© Шайдуллина Э.Д., 2020

© Семенов Е.А., 2020

Статья получена: 07.02.2020. Статья принята к публикации: 18.03.2020.

Статья опубликована онлайн: 27.03.2020.

About the authors: Shaidullina Elvira D., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Criminal Proceedings Department at the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Semenov Evgeny A., Candidate of Law (Research doctorate), Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure of the Orel Law Institute of MIA of Russia

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The authors have read and approved the final manuscript.

Заявленный вклад авторов

Шайдуллина Э.Д. – постановка цели и определение методов исследования, проведение критического анализа проблематики статьи, подбор научной литературы, формирование выводов и предложений, научное оформление статьи.
Семенов Е.А. – инициирование и постановка проблемы исследования, подбор научной литературы, анализ судебной практики, подготовка первоначального текста статьи, редактирование окончательного варианта статьи.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Принимаются оригинальные научные статьи на русском языке, соответствующие профилю Журнала и отражающие результаты теоретических и/или экспериментальных исследований авторов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы.

2. Статья представляется в редакцию Журнала в электронном виде. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне). Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие указанным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

3. Необходимо указать УДК (<http://www.udk-codes.net/>).

4. Заголовок статьи (на русском и английском языках) должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

5. Аннотация (на русском и английском языках) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – 200–250 слов.

6. Ключевые слова (на русском и английском языках) являются поисковым образом научной статьи. Во всех библиографических базах данных возможен поиск статей по ключевым словам. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5–10.

7. Основной текст статьи излагается на русском языке в определенной последовательности:

введение (Introduction);

обзор литературы (Literature Review);

материалы и методы (Materials and Methods);

результаты исследования (Results);

обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

7.1. Введение содержит постановку научной проблемы, указание на ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Прежде всего указывается общая тема исследования. Затем необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы, описать наиболее авторитетные и доступные читателю публикации по рассматриваемой теме. Обозначаются проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья, и главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней.

7.2. Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

7.3. Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т.д.).

7.4. Результаты. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Цель данного раздела – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками).

Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

7.5. Обсуждение и заключения. Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования: в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы; необходимо сопоставить

полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

8. Список использованных источников. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2009. При оформлении ссылок (в первую очередь, на оригинальные источники из научных журналов) следует указать фамилии авторов, журнал (электронный адрес), год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет.

9. Аффiliation авторов (на русском и английском языках) : Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта.

10. Вклад соавторов (на русском и английском языках). В примечании разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в Журнале статьи размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте журнала (e-mail: vestnikkui.ru).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталевой Ольгой Николаевной (тел.(843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru)

Главный редактор Ф.К. Зиннуров

Заместитель главного редактора С.Н. Миронов

Корректоры О.Н. Хрусталева, Е.В. Зотина

Дизайн, верстка Е.А. Бикмуллина, Е.О. Смирнова

Перевод Е.О. Смирнова

Редакционно-издательское отделение

420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России

420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130

Подписано в печать 27.03.2020

Формат 60x84 1/8 Усл.печ.л. 17,4 Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Тираж 200 экз.